

ИЗБРАННЫЕ БЕСЕДЫ

ЕВГЕНИЙ БЕРСЬЕ

Перевод А. Забелина

Публикуется по изданию: *Евгений Берсье. Избранные беседы.* СПб.: Типография Благосветловой, 1881.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Французский реформатский пастор Берсье, беседы которого я перевел и издаю, пользуется большою и заслуженною известностью в Европе. И у нас первые мои опыты познакомить с ним русских читателей также были приняты радушно. В чем заключаются причины такого всеобщего сочувствия и внимания к его словам? Читая беседы Берсье, человек, какого бы он ни был образа мыслей, чувствует себя в сообществе умного и доброжелательного друга, которому знакомы все вопросы, волнующие общество, который всем, что больно, переболел, все, на что плачутся, перечувствовал, обо всем передумал и после зрелого обсуждения тонким и опытным умом указывает исход мировым скорбям в лучшем усвоении людьми высоких идеалов христианства, к сожалению, не всегда верно понимаемого. Совершенно спокойная и ясная речь, столь приличная истинному убеждению, и чарующее добродушие, которым проникнуты все беседы Берсье, делают чтение их чрезвычайно увлекательным и приятным для каждого. Берсье читают даже люди, держащиеся того мнения, будто христианство уже не владеет достаточными средствами для идейной борьбы с озлоблением огромного числа недовольных. Русский читатель, который даст себе труд ознакомиться с предлагаемою ему книжечкою, увидит, что речь, черпающая свою силу из христианского источника, вполне владеет средствами разрешать самые трудные вопросы современности... Лучшим доказательством выдающихся достоинств бесед Берсье служит широкая распространенность их не только в отчизне проповедника, но и далеко за ее пределами. Его беседы переведены на английский, шведский, датский и немецкий языки. Всех его бесед более 60; на французском языке они заключаются в 6 томах, из которых первые 5 томов выдержали уже 6 изданий.

ВИДЕНИЕ ИЛИИ

Одно из самых поразительных доказательств печального неведения, царствующего в нашей стране, о предметах Св. Писания есть то легкомыслие, с которым судят о Боге ветхозаветном. Я разумею здесь не только едкую критику, которая, начиная с последнего столетия, нападает на самые высокие библейские сцены и, не стараясь даже понять их смысла, находит здесь предмет для низких насмешек. Я разумею здесь также и науку, которая называется и хочет быть более серьезною. Меня поражают те предубеждения, которым она подчиняется. Таким образом, основываясь на том, что Св. Писание с непоколебимой правотой, со святым чистосердечием описывает нам слабости, хитрости и падения Авраама, Иакова, Моисея, Давида, всех этих героев еврейского народа (которых национальная гордость не описала бы такими красками, если бы она диктовала эти книги), некоторые ученые не задумываются эти ошибки и эти преступления возводить на Самого Бога, не спрашивая самих себя: одобряет ли Он их, не обращая внимания, что Он их осуждает, и что все виновные в них проходят скорбную и суровую школу испытания и раскаяния. Точно также стараются видеть в Иегове Бога мщения, приписывая ему

себялюбие, ненависть, дурные страсти, которые Израиль примешивал к выполнению миссии, назначенной ему Промыслом, основываясь только на том, что Иегова в своих божественных планах по отношению к человечеству употребляет некоторое время, как орудие, народ израильский, для чего подвергает его ярму теократии и вследствие того множеству законов, которые, как все законы гражданские и политические, должны быть утверждены силой. Но при этом забывают, что даже под покровом теократии Его истинные свойства, т. е. Его всеобщая справедливость, Его любовь и милосердие блещут в тысяче мест Ветхого Завета, что вы иногда вдыхаете там кротость, нежность совершенно евангельские, и что слушая многие места из пророков, вы чувствуете себя уже у ног Иисуса Христа. Ужели мы будем презирать божественный свет, озаривший нас в Ветхом Завете потому, что Бог Израиля, открыв Себя в своем Сыне, уже вполне излил на нас свой свет? Разве полуденный свет может заставить нас забыть свет утренней зари? Нет, братья. В тени, окружающей Бога в Ветхом Завете, мы почитаем Бога Авраама, Моисея, Илии и Давида, потому что Он для нас есть и всегда будет Богом, которого открыл нам Иисус Христос.

Эту мысль мне внушил рассказ о видении Илии и я не боюсь сказать, что, размышляя и отыскивая в нем истинный смысл, вы точно так же, как и я, видите в нем высокое предчувствие Евангельского откровения, чрез которое Бог дал нам узнать все свои божественные свойства.

Этот рассказ извлечен из истории Илии. Илия есть истинный тип героев теократии. В эпоху унижения, гнусностей, всеобщего идолопоклонства им обладала одна мысль о славе Божией. Эта страсть его пожирает. Он не знает другой отрады. Он желает восстановить царство Иеговы, и в этой миссии его ничто не останавливает, никакие плотские и кровные узы. Подобно Иоанну Крестителю, который спустя 9 веков, будет наследником его имени и его дела, он вырастает в пустыне. Он выходит оттуда, чтобы явиться во дворце Ахава, чтобы возвестить божественные угрозы, и тогда его голос раздается как гром небесный. Суд Божий ему сопутствует, и таково его могущество, что весь народ останавливается при его словах. Он бросает вызов жрецам Ваала, срывает маску с их плутней и заставляет убить их без всякой жалости. Тогда он считает возможным поверить, что наступило царство Господа, потому что народ Его призывает и в продолжении целого дня эхо Кармильских гор гремит криком толпы: «Предвечный есть Бог! Предвечный есть Бог!».

Но, о горе! После энтузиазма одного дня вновь начинается увлечение этого мира. Ахав всегда будет Ахавом, Иезавель Иезавелью, и толпа, на минуту увлеченная жаром пророка, возвращается с ненасытимой жаждой к гнусностям культа кровавого и сладострастного. Тогда Илия, как все пламенные души, переходит от одной крайности к другой. Им овладевает уныние. Вера его затмевается. Бог от него скрывается, Его пути для него делаются непонятными. Илия досадует на Бога, что он забывает Свое дело. Как бы легко было ему вмешаться, поразить громом Его не почитающих и таким образом окончить дело разрушения, начатое в Кармиле. Но нет! Небо не отверзается, Бог хранит молчание, Иезавель также могущественна и жизнь пророка в опасности. Илия в отчаянии убегает. Его душа утомлена жизнью, он хочет погresti себе в пустыне. Он идет к югу, далеко, очень далеко от этой земли иудей, где он тщетно боролся, очень далеко от этого неблагоприятного и пустого народа. Он идет до самого Хорива. Ему нужна безмерная пустыня, эти голые и унылые вершины гор, эта печальная и дикая природа, которая соответствует состоянию его души. Он там хочет умереть, и когда голос Бога, который следует за ним в его убежище, спрашивает его: «Что ты делаешь там Илия?» он отвечает ему горькой жалобой, он упрекает Бога за то, что Он оставил Свое дело и, призвав его к самой страшной борьбе, покинул одного бороться.

Братья! Не будем судить пророка. Даже в его отчаянии я нахожу жар, его пожирающий. Его искушение есть искушение великих душ, которые снедает жажда справедливости и

святости. Дай Бог, чтобы ценою даже заблуждений, подобных его заблуждениям, нам было дано видеть в настоящее время верующих, которые были бы похожи на него. Души холодные ничего не поймут в этом возмущении Илии. Они не имеют возвышенного идеала, который бы ими завладел. Так как пришествие царствия Божия есть наименьшая из их забот, так как дело справедливости и истины никогда их не воспламеняло, то они легко предаются увлечениям мира и решили, что они никогда не могут его изменить. Для них мудрость состоит в том, чтобы брать людей такими, каковы они есть, и умеренность им кажется лучшей и разумнейшей из всех философий. Зачем хотеть преобразовать мир? Зачем желать поднять против себя предрассудки и страсти, когда можно жить счастливо и покойно? Поэтому такие люди судят как фанатизм все то, что выше их, и люди, подобные Илии, в какую бы эпоху они ни явились, им кажутся безумцами. Но пусть человек горячо желает торжества истины, пусть он страдает, видя имя Божие не признаваемым, Его славу унижаемую и справедливость попираемую ногами, тогда он узнает в этом рассказе свою собственную историю и в столах пророка выражение своей собственной скорби.

Так, я себе представляю, должны были искушаться христиане первых веков, когда они после тщетных ожиданий вместе со всею первенствующею церковью скорого возвращения Иисуса Христа и Его славного явления, увидели, что с истиной борются и часто ее отталкивают, что она принуждена медленно приобретать одну душу за другой, что она должна отстаивать свое дело перед сильными; когда они увидели, что церковь возрастает с трудом и подчиняется условиям всех человеческих учреждений, что она, подобно им, имеет свои слабости, свои беды, свои падения и считает отступников тысячами...

Так точно должны были искушаться наши отцы, после реформации, когда, мечтая для своего отечества о религии свободной и серьезной, о совести, освобожденной от людского ярма, и об этом великом будущем, которое могло бы им дать одно Евангелие, они должны были увидеть свои храмы скрытыми до основания, домашние очаги разрушенными, Библии изорванными и себя самих сосланными, как будто за какое-нибудь злодейство, в изгнание. Кто вам расскажет о тоскливых взглядах, которые должны были эти благородные изгнанники обращать к Богу, который казался оставившим Свое дело? Кто нам расскажет их скорбные молитвы, их ропот, их стоны, полные горечи?..

Так точно искушаются и в наши дни те, которые, надеясь своими глазами видеть торжество Евангелия, распространение церкви, соединение христиан, теснящихся у подножия креста их Учителя, наконец, одно из тех великих религиозных движений, которые спасают души и мир, принуждены видеть то, что видим мы: пред лицом общества, равнодушного и насмешливого, церковь разделенную, слабую, без великих стремлений, без энтузиазма, и успехи царства Божия, зависящими, по-видимому, от случайностей, совершенно внешних и от причин, совершенно человеческих... Пред лицом такого зрелища вера колеблется, сердце смущается; начинают сомневаться, как Илия, не вступится ли и не будет ли действовать Бог; как Илия, забывают величественные следы его вмешательства в прошедшем. Если к этим общим причинам смущения присоединяется какое-нибудь особенное испытание, продолжительная несправедливость, от которой стонут, какой-нибудь жестокий, необъяснимый удар, то этого вполне достаточно, чтобы вырвать у самых твердых крик тоски и ропота, чтобы довести их, может быть, до отчаяния...

Христиане! Вы, которые знаете эти искушения, вы знаете также то, что в них есть страшного. Между тем, позвольте мне сказать, что все это скорби благородные. Было бы гораздо хуже, если бы вы примирились с тем, что происходит, и чувствовали бы себя хорошо в этом мире, где Бог трактуется, как существо чуждое; если бы вы хладнокровно смотрели на эти несправедливости, на эти страдания, на эти гнусности, которые

оскорбляют нас на каждом шагу, если бы вы принимали эту жизнь и этот свет такими, какими их сделал грех. Счастливы те, которые чувствуют голод и жажду справедливости, сказала Евангелие. Но, страдать, как Илия, как Иоанн Креститель, как Павел, это есть еще нечто наилучшее и более великое на земле, потому что только при этом условии можно получить утешение от Бога. Посмотрим, как Бог наставляет Илию и поищем в этом нашей силы.

И сказал Бог Илию: «выйди и стань на горе пред лицом Господним». Пророк повинуется. Стоя на вершине Хорива, откуда его взор обнимает пустыню и небо, он ожидает, потому что Предвечный ему явится и будет с ним беседовать.

Илия смотрит и вот на горизонте встают облака пыли. Это поднимается ветер пустыни внезапный, стремительный, как обыкновенно бывает на востоке. Скоро небо покрывается мрачной завесой. За продолжительными и заунывными шквалами следуют взрывы громоносной бури. Деревья вьются как веревки и вырываются с корнем. Самые утесы колеблются. Песок пустыни движется подобно волнам яростного моря. Ураган проходит... но Предвечного не было в ветре...

Пророк смотрит опять и вот перед его смущенными глазами, горизонт кажется движущимся... утесы колеблются, земля полуоткрывается, гора, как будто объята головокружением, качается на своих основаниях. Это землетрясение; оно разверзает пропасти, которые, кажется, все должны поглотить. В течении нескольких мгновений природа делается жертвою этой ужасающей конвульсии..., но Предвечного не было в этом землетрясении...

Илия смотрит опять и вот страшный блеск освещает пространство. Небесный огонь зажег землю. Красноватое пламя пожара, сверкающее среди бурной ночи, растягивается быстро, как молния; оно бежит, оно ползет змеей по ребрам горы, оно зажигает сухую траву, деревья, опрокинутые ветром. Скоро делается огненный потоп, который охватывает все, и кипящие волны которого поднимаются, кружась как смерч к черному своду неба. Илия в ужасе отступает... но Предвечного не было в огне.

Буря, землетрясение, пожар не было ли это то, что просил Илия, когда, тоскующий и унылый, он упрекал Предвечного за Его бездействие и за Его непонятное молчание? Не говорил ли он Ему некоторым образом: «Восстань! Заступись за Свое дело, вымети твоих врагов, как песок пустыни, сокруши их в Твоей ярости, сожги их, как солому!» И вот Илия видел непреодолимое, страшное могущество: и в урагане, который все уносил в своем полете, и в земле, подвинутой до своих оснований, и в огне, пожирающем то, что пощадила буря. Он все это видел и трепетал... но Предвечного там не было. Где же Он и по какому признаку Илия может различить его пришествие? Пророк сейчас это узнает. Страшное видение бури прошло. Ее дуновение утихло. За ее содроганиями последовало спокойствие, за ужасающим блеском молнии наступил тихий, ясный день. Опять показалось восточное небо с его прозрачной лазурью. Природа, кажется, возродилась вновь еще прекраснее и спокойнее, и из глубины долин до самой вершины горы Хорива, до самой пещеры, в которой нашел свое убежище Илия, тихое веяние ветра несет гармонический шум природы, ожившей вновь под дуновением ее творца. Илия выходит из своего убежища. Невыразимое чувство охватывает его душу, которую расстроил страх, ее проникает чувство мира, освежения и радости. Ни шум бури, ни содрогания природы не тронули ее до такой степени. В этих звуках, тихих и легких, он узнал присутствие Бога и, покрыв голову своей верхней одеждой, он преклоняется и благоговеет.

В этой ветхозаветной сцене не сказывается ли высокое предчувствие последнего откровения, которое Бог должен был дать человечеству чрез Евангелие? Этот Бог, присутствие Которого Илия видел только в делах Его правды и гнева, этот Бог, сильный во мщении, сколько Он ни поражал, ни наказывал, не сказал своего последнего слова. Он делает из ветров своих ангелов и из огненного пламени своих слуг, и между тем Его нет ни в буре, все низвергающей, ни в огне, все пожирающем, и если Синайский Закон и

теократия Израиля открыли миру Его святость и справедливость, то некогда откроется, что Его имя есть любовь.

Илия еще не поймет глубокого и истинного смысла этого видения, который выше его, и в том, что следует за этим видением, Предвечный открывает ему этот смысл только отчасти. Действительно, Он ему повелевает опять идти и соединиться с Азаилом, Ииуем и Елисеем, Которые все трое будут орудием Его мщения, Которые скоро накажут Ахава, Иезавель и народ, поклоняющийся идолам. Азаил, Ииуй и Елисей это ветер, землетрясение и пожар, которые Предвечный пошлет, когда сочтет это нужным... Таким образом Бог вступится, день Его гнева настанет, но нужно, чтобы Илия знал, что мщение не будет Его последним словом. В эти страшные минуты вмешательства Бог не покажет Себя всего и истинное откровение еще впереди.

Братья! Это откровение мы уже созерцали... Что это за благая весть, которую изображают тихие и легкие звуки, слышанные пророком? Откройте ваш слух и в эту ночь, воспоминание о которой мы будем прославлять сегодня вечером (говорено накануне Рождества 1865 г.), послушайте эту ангельскую песнь, которая с небесной высоты несется на долины Вифлеема: «Слава в вышних Богу, на земле мир, к людям благоволение». Подойдите к этой колыбели, в которой величие Божие разоблачилось, посмотрите на этого Младенца, родившегося между самыми бедными людьми. Вокруг Его нет никакого блеска. Ничто вас от него не отдаляет, ничто не пугает, все здесь просто и без прикрас и между тем здесь Бог земли и неба во истину Себя открыл. Из этих скромных Вифлеемских яслей выйдет спасение мира. Младенец, рождение которого прошло почти незамеченным, будет возрастать. Он будет подниматься как слабый отпрыск, по словам пророка. Он не будет иметь никакого внешнего блеска, ничего что бы напомнило страшное величие этого Бога мщения, которого призывал Илия. Вместо железного скипетра Мессии, воображаемого евреями, Он будет носить трость, на место венца победителя венец терновый. Его голос не будет грозить, как молния и буря. Он будет возвещать прощение, мир и спасение. Он скажет всем скорбям земным: «Придите ко мне, потому что я кроток и смирен сердцем». Для врагов Своих Он будет иметь только молитвы, для своих палачей только благословения, Он будет унижаем, оскорбляем, поносим, наконец, пригвожден к проклятому дереву, но в этом избытке унижения Он откроет миру неведомое величие любви победительницы, любви, которая доходит до самопожертвования... Величие, которому нет равного, окружит Его окровавленную голову, и в этой обезоруженной жертве человечество признает своего Царя. То, чего не могли сделать сила, страх и жестокость, сделает Его крест... Совесть людей будет пробуждена, сердца тронуты, Церковь основана, родится новое человечество и начнется царствие Божие на земле. Церковь будет возрастать; имея своим девизом веру, любовь и надежду, она завладеет народами. После 18 веков, Церковь будет проповедовать весть о спасении на всех местах земного шара, в ожидании дня, когда на умиротворенной земле будет один пастырь и одно стадо. Да, братья, при этом чудном торжестве любви искупительницы, преклоним головы и будем благоговеть, как Илия, потому что воистину здесь присутствует Предвечный.

Таким образом мы видели истинный смысл этого высокого видения. Теперь мы знаем, что означает этот тихий и легкий звук, который наполняет душу Илии святым трепетом; мы знаем, что Бог есть любовь.

Теперь нам остается извлечь из этой сцены некоторые назидания, которые в ней сокрыты Богом.

Прежде всего научимся не осуждать Предвечного. Часто, мы уже это говорили, медленность суда Божия нас удивляет. Его молчание нам кажется необъяснимым и почему Он не вступается, спрашиваем мы себя. Почему Он позволяет Свое дело оспаривать, подвергать нападкам и, может быть, даже поражениям? Почему Он позволяет злу торжествовать и распространяться? Прежде даже, чем наши уста произнесут это

обвинение, наше раздраженное, нетерпеливое сердце уже призывает Его вмешательство, Его суд и, может быть, Его гнев.

Братья! Илия, призывая этот гнев, не знал того, что знаем мы. Он не видал Святого и Праведного умирающим на кресте. Он не видал, как милосердие более сильное, чем ненависть, покорило сердца и основало царствие Божие на земле. Что мы ответили бы, если бы этот гнев постигнул нас первых? Разве мы заслуживаем его меньше, чем те, на кого мы его призываем и кто нас раздражает? Участвуя в милостях, которые мы получили, в свете, который нас озарил, в терпении, которое нас перенесло, в освобождении, предметом которого мы сделали, и противопоставляя всей этой истории Божественного милосердия историю нашего упорства, неблагодарности, трусости, тайных наших ошибок и, может быть, даже преступлений, можем ли, смеем ли мы призывать еще Бога мщения? Лучше воспользуемся тем, что час правосудия еще медлит наступать, что нам самим, как и другим, остается еще время для раскаяния и для спасения. Вспомним, что человеческий гнев не выполняет Божеского правосудия и для того, чтобы победить зло, будем подражать Божественному Провидению, которое, имея возможность все укротить силой, прежде всего предполагает над всем восторжествовать любовью.

Рядом с этим назиданием я нахожу в приведенном мною тексте мысль, полную утешения. Кто из нас, пробегаая историю человечества и свою собственную, не чувствовал иногда, что им овладевает трепет сомнения, потому что он тщетно искал Божественного вмешательства? Кто из нас не хотел бы тогда спросить у Бога тайны Его странных путей, которые нас смущают? Да, эту тайну Бог нам открывает в видении Илии; эта тайна есть любовь. Она есть окончательное и высшее объяснение всего того, что Бог совершает в истории человечества и в нашей собственной, любовь, а не гнев, любовь, а не мщение, как бы иногда могло подумать об этом наше сердце. Но, братья, хотя Бог всего Себя открывает в любви, не будем, однако ж, забывать, что Он же посылает ветер, землетрясение и огонь, которые все пожирают, поэтому будем остерегаться поднять на себя руку Предвечного и не будем делать из идеи об Нем чего-то изнеженного, женственного, слишком сообразно с духом настоящего поколения. Нет, и для нас также Предвечный царствует; Он управляет всеми переворотами, колеблющими мир, Он их посылает... И нет ли некоторых страниц в истории, где вмешательство Его правосудия делается некоторым образом очевидным и где, как Валтасар на своем вавилонском пиршестве, мы различаем таинственную руку, которая пишет смертный приговор несправедливым царствам? Когда рушатся Ниневия или Вавилон, когда эти гигантские империи гибнут, не видим ли мы тут вмешательства Божия? Когда Иерусалим, убийца Иисуса Христа, попирается ногами язычников, когда по пустырю, на котором некогда возвышался великолепный Соломонов храм, проходит соха, когда Израиль, как беглец, рассеялся по всему миру, чтобы удивлять историю своей беспримерной судьбой, не видим ли мы тут исполнения этих страшных слов: пусть будет кровь Его на нас и на наших детях!». Когда сам Рим, падение которого за четыре века возвестил прозорливец апокалипсиса, был наводнен варварами и его разрушители, Аттила и Генсерик, повинуюсь таинственной судьбе, сами себя называют бичами Божиими и, садясь в лодки, говорят кормчему: «оставь свое судно идти туда, куда дует божественное мщение», разве тут мы можем не признавать мщения Промысла, и если мы это забываем, то дымящиеся развалины, которыми везде отмечено было прохождение этих варваров, не возвестят ли этого вместо нас?.. Когда, наконец, в новейшей истории мы видим, что все государства, воевавшие с христианством и его отвергнувшие, роковым образом вступили на путь упадка и смерти, и что цивилизация, прогресс, уважение к свободе совести, истинная свобода существуют только под сенью Креста и там, где Евангелие вошло в жизнь народов; когда все нам показывает, (как в этом некогда благородно признался в одной из своих прокламаций, президент одной великой республики, где не краснеют, призывая имя

Бога живого), когда весь мир нам показывает, что справедливость возвышает нации и что грех есть гибель народов, нам нужно бы было быть слепыми, чтобы не признать, что Бог действует даже в самые несчастные дни истории и что Он позволяет, как в видении Илии, врываться буре и разрушительному огню. Да, Бог царствует, это надо говорить, провозглашать очень громко пред лицом цивилизации, опьяненной от своего материального прогресса и которая исповедует такое презрительное равнодушие, такое оскорбительное пренебрежение к существованию невидимого мира. Надо ей напомнить, что она не может безнаказанно без Него обойтись и что если Его место будет пусто, то Его займут злые силы. Надо ей напоминать, что правосудие Божие не дремлет, хотя это так и представляется, и для наказания народов, забывающих Бога, Ему стоит только оставить их на один день на волю дурных страстей, которые бродят в глубинах народных масс, предать их этому, поднимающемуся приливу материализма, которому один только Он может сказать: «ты не пойдешь дальше». Надо напоминать этой цивилизации, что развращение нравов, обнаруживаемое высшими классами и выказывающее себя в высокомерной роскоши, в низших слоях возжигает ненависть и дикие страсти, взрыв которых породил бы нравственную бурю, рядом с которой буря, виденная Илией на Хориве, была бы детской игрушкой. Надобно, наконец, напоминать этой цивилизации, что Бог свят, что с ним играть нельзя и что для отдельных лиц, как и для целых народов Его суд есть самая верная действительность.

Да, Бог царствует в истории. Но если мы верим его верховной деятельности, то сколько раз также в истории мы теряем следы Его шагов, Как часто зрелище, представляемое этим миром, нам кажется лабиринтом, где мы блуждаем. И даже в решениях суда Божьего сколько есть для нас вещей необъяснимых! Увы! в буре, поднимаемой дуновением Его правды, я вижу невинного, поражаемого рядом с виновным, детей, искупающих преступления отцов; я вижу последствия несправедливости, распространяющиеся на многие поколения; я вижу таинственный рок, тяготеющий над людьми или над народами; я вижу, что удаются счастливые случаи силы и ловкости, тогда как хорошие дела погибают, так что зная с одной стороны, что все эти события, даже те, которые меня смущают, посланы Богом, я чувствую с другой стороны с не меньшею очевидностью, что Бог тут не весь. Вот тогда-то видение Илии приносит мне благодетельный и поистине божественный свет, потому что если оно мне показывает, что Бог посылает бичи, наказывающие мир, то оно в тоже время меня научает, что Его наказания не дают нам узнать Его всецело, что тайна Его путей где-то в другом месте, что Он весь в этой любви, которой история меня не научит, но которую Бог открывает в тишине душе прощенной, верующей в Его слова, слушающей Его и желающей от Него поучаться.

Души скорбящие! Воспользуйтесь этими утешениями. Вы стонете, может быть, сегодня под тяжестью испытания. По-видимому, Бог направил против вас все свое могущество и вы видели, что в вашей жизни осуществилось все то, что есть ужасающего в видении Илии... Ветер скорбей вымел ваши надежды, ваше счастье рухнуло в день траура, и ваше сердце проходит то, что Св. Писание называет горнилом скорби. Вам говорили, чтобы вы искали Бога в этих ударах, которые вас поражали, но ваше сердце содрогалось и, как Илия, вы все еще ожидаете... Вы правы, потому что если эти испытания были желаемы Богом, то все-таки не в них Он откроет вам свою волю и свою тайную мысль... Верьте! приближается день, когда вы услышите тихий и легкий звук, который донесся до слуха пророка, этот тайный голос Предвечного, который один успокаивает возмущенную душу и приносит ей невыразимые утешения. Вы его услышите и тогда узнаете, что любовь была в основании всех посланных на вас бед, что одна любовь может объяснить ваши скорби; вы это узнаете и, преклонясь вместе с Илией и покрывая свое лицо, скажете: «во истину здесь Господь».

Братия! Когда Илия увидел это видение на Хориве, голос Предвечного ему сказал: «Возвратись из пустыни в Дамаск!» Возвратись! Это слово он должен был услышать, потому что в день опасности он оставил свой пост и свою миссию. Возвратись к тем, у которых ты должен служить мне свидетелем! Возвратись в те места, где тебя ожидают ненависть, презрение и преследования! Возвратись, потому что если я укрепил твою веру и поднимаю твой упавший дух, показывая тебе Себя на святой горе, то это не для того, чтобы ты остался погруженным в восторг, но для того, чтобы ты шел более крепкий и более верный служить Мне в этом мире, который забывает Меня и губит себя. Послушаемся этого повеления Божия, и пусть оно будет нашей силой. Мы пришли сюда, может быть, унылые и тоскующие, как Илия. С ним вместе мы узнали еще раз тайну путей Божиих. Но более счастливые, чем он, мы видели эту любовь, которую Христос открыл миру, любовь, которая для нас есть последнее слово и последнее объяснение всего, что с нами случается. Итак, братия, возвратимся также и мы Е нашему долгу. Возвратимся Е этим заблудшим душам, к этому пустому, легкомысленному обществу, к этому неверующему миру, пред которым Бог хочет видеть нас своими свидетелями. Возвратимся туда, чтобы там быть смиренными, бодрыми и верными, чтобы принести туда вновь ожившую веру, более светлую надежду, более сильную и устойчивую любовь. Возвратимся туда и пусть этот мир, слушая наши слова, видя наши дела, узнает, что мы, как Илия, выходили на святую гору и что там мы слышали Предвечного.

ВОПРОС О ВЛАСТИ

«Когда Он ходил в храме, подошли к нему первосвященники и книжники и старейшины, и говорили Ему: какую властью ты это делаешь? И кто тебе дал власть делать это?»
(Мк 11:27-28)

Последний час приближался. Буря, которая с первых дней служения Иисуса Христа, глухо рокотала и постепенно поднималась, закрывая небо багровой завесой, шла разразиться над головой Святого и Праведного. Народные страсти и предрассудки соединились с вероломной ненавистью, с учеными махинациями священников и книжников, и это ужасное сборище криводушия, беззакония, неправды готовилось заявить себя в криках и угрозах смерти, которые от претории и до вершины Голгофы должны были покрывать голос Великого Свидетеля истины. Христос должен был умереть, но только для того, чтобы восторжествовать в самом своем поражении и чтобы в крови креста освятить свое вечное царство над человеческими душами и над всем миром.

Последние Его столкновения с священниками были в храме, этом седалище теократии. Здесь на другой день после входа в Иерусалим они предложили Ему этот вопрос о власти, о котором я желаю с вами сегодня побеседовать.

Вошедши в святой город, Иисус Христос прежде всего пришел в дом Божий. Там ожидало Его печальное зрелище. За три года пред этим, когда Он в первый раз после своего крещения туда вошел, Он очистил храм, изгнавши из него продавцов (Ин 2:14), но старые привычки скоро опять взяли верх, снова торгошники наполнили преддверия язычников. Стада быков и овец оскверняли наружные дворы и галереи святилища. Благодаря толпе пилигримов, которых считали сотнями тысяч, торговля была громадная и повсюду слышны были резкие голоса продавцов животных и мян. Эти последние с наследственной жадностью евреев, хватались за этот случай, чтобы сделать учет с наличных денег, которые со своими языческими изображениями не могли служить данью для храма и должны были быть выменены на то, что называли полциклом святилища (Исх 30:15). Взволнованный видом этого базара и хорошо зная, что священники потворствовали этой постыдной торговле, Христос взял связку веревок, прогнал стада и продавцов, поражая их словами пророка: – «Мой дом всеми народами будет называться

домом молитв; вы же сделали из него вертеп разбойников» (Ис 56:7). Таковы были величие Его вида и святость Его речи, что никто не осмелился ему противиться. Толпа отступила, священники остались смущенными и немymi и, между тем, как эта шайка торгашей с яростью в сердце шла продолжать свою торговлю на несколько шагов дальше, Христос в тишине храма исполнял свое служение милосердия, исцеляя несчастных, которые собирались сюда со всех сторон.

Должен ли я напоминать вам, братья мои, что это великое зрелище очищения храма имеет вечное значение. Каждый век видел торгашей, наполняющих святое место. Но насколько церковь выше храма израильского, настолько же профанация ее имеет более отталкивающий и постыдный характер. Никогда в Израиле не торговали духовными милостями. Никогда там не продавали прощения Бога. Вероломцам Нового Завета досталось совершить этот скандал и вы знаете, до чего некогда дошла постыдная торговля индульгенциями. Увы! жалуется, что разрушено единение христианского мира, что разодрали нешвенную ризу Христа. Но кого следует обвинять, как не тех, которые в XVI веке обратили Европу в огромный религиозный базар и выставили тариф всем порокам и всем прощениям? Кричат о соблазне реформации и о безнравственности учения о спасении (даровом) чрез веру. Но в Иерусалиме также был громадный скандал при виде Спасителя с бичом в руках, выгоняющего торгашей и их соучастников священников. Беспрецедентное унижение поражало людей, пользующихся всеобщим почетом. Нужен был этот великий пример, чтобы предостеречь христианскую совесть, чтобы напомнить ей, что спасение есть милость Божия и что торговля святыми вещами есть мерзость пред Богом.

Зрители очищения храма от торгашей не произнесли ни слова, но ночью они собираются, толкуют и на другой день посылают к Христу депутацию. Ее составляют священники, книжники, члены Синедриона. Они приступают к Нему с лицемерною покорностью. Они старательно остерегаются упрекать Его за вчерашнее Его поведение, потому что впечатление, произведенное Его поступком, было слишком велико, чтобы можно было его разбирать. Для них, людей традиции и легальной казуистики, есть один вопрос, который может быть поставлен. Дело идет не об том – хорошо ли сделал Христос, но в силу какой власти Он так действует: – «Какою властью Ты делаешь эти дела и кто дал Тебе эту власть?»

Ответ Христа возбуждает удивление. Невозможно было бы найти другой ответ такой искусный и который бы осветил более ясно мысль противников. За три года пред этим великий проповедник раскаяния привел в движение всю иудею. Народ стекался к берегам Иордана, чтобы принять крещение; никто не осмеливался публично высказать сомнение в божественной миссии Иоанна Крестителя. Святость его речи, твердость его свидетельства и потом героическое величие его смерти освятили его навсегда в глазах Израиля. Фарисеи и священники следовали также за народными толпами и представлялись разделяющими их энтузиазм. Между тем ни для кого не было тайной, что они не верили, что Иоанн Креститель послан от Бога. Его страшное проклятие: «порождение ехидны», еще раздавалось в их ушах. Это была одна из тех обид, которые не забываются никогда.

Легко понять, в какую безвыходную дилемму поставил их Спаситель, сказавши им: «в свою очередь я вам предложу вопрос: Иоанн Креститель был ли послан от Бога, или он имел только простую человеческую власть?» Они задумываются и между собою рассуждают так: «Если мы скажем, что он послан от Бога, то Иисус нам скажет, – отчего же вы не поверили его крещению? Если же мы скажем, что его миссия не имела в себе ничего божественного, то народ побьет нас камнями». Таким образом, решившись не скомпрометировать себя, они ответили Христу: – «Мы этого не знаем».

Братия! В еврейском талмуде есть удивительная поговорка: «приучай твои губы говорить: я не знаю». Великое дело, – осмеливаться признаваться в своем невежестве и это часто –

первое условие для достижения истины. Но, знать и не говорить – это тоже, что держать истину в плену, это значит добровольно душить истину трусостью или лицемерием. Рассмотрим теперь поближе требование фарисеев и то, что мы должны думать об этом великом вопросе о власти.

Есть нечто справедливое и законное в словах врагов Христовых. Идея божественного откровения неразрывно связана с идеей о власти. Если не предполагать, что религиозная истина рождается естественным образом в человеческой душе и что она сама по себе доходит до человеческого сердца, то надо допустить, что она приходит свыше, что она нисходит к человечеству от Бога. Если говорит Бог, то Он говорит с властью. Эта власть не имеет ничего насильственного и произвольного, она не уничтожает человеческой свободы, она не презирает нашего разума, она не оставляет не признанным нашего сердца. Она будет властью святою и убедительною, она будет освобождать вместо того, чтобы поработать. Все это мы знаем, потому что веруем в Евангелие и потому что Евангелие есть высшее приношение, которое когда-нибудь было сделано свободе человеческой души. Но все это не помешает власти быть властью и дать себя узнать по ее неподражаемому выражению. Евангелие не есть продукт усилий человека читающего и лепечущего по складам божественные дела; это не выражение человеческой науки, исследующей тайны, которые ее превышают: это ответ Бога на нужды наших душ, говорящий человеку только то, что он должен знать, чтобы спастись и жить свято, это откровение, достойное удивления как в том, чего оно не говорит, так и в том, что оно утверждает; это свет, который показывается, но не доказывается.

Вот почему Св. Писание так сильно настаивает на том, что никто не имеет права призываться к должностям священника или пророка и принимать на себя роль, которая не дана ему свыше. В отношении ветхозаветного священства это не возбуждает никакого сомнения. В Новом Завете священство доступно всем, но тот факт, что все верные получили помазание свыше (Ин 2:20), и что это помазание должно научить их всему (Ин 2:27), не уничтожает другого факта, что истина открыта вовне: «Иисус Христос, говорит апостол Павел, одних поставил апостолами, других пророками, иных пастырями и учителями (Еф 4:11). Таким образом, в церкви есть божественное откровенное слово, которое составляет власть, и это слово, которое в апостолах имело свое подлинное выражение, должно иметь в священстве свой естественный орган. Личное озарение делается мечтой, если оно думает стать выше божественного откровения.

Последуем дальше в этих размышлениях. Бог, давший людям откровенную истину, в тоже время дал учреждения, ее сохраняющие. Ему угодно было, чтобы истина доходила до людей чрез посредство людей. Те, которые видят в религии только личность, поставленную в соприкосновении с Священным Писанием, забывают, что это Писание не упало с неба, что книги, его составляющие, были написаны людьми, сохранены людьми, признаны людьми, переведены и объяснены людьми. Бог подчинил истину всем обыкновенным условиям человеческих судеб. Подобно тому, как плоду Он часто дает грубую и твердую оболочку, над которой нужно потрудиться, чтобы вкусить самого плода, Он предоставил самому обществу толковать и распространять истину. В Ветхом Завете это было делом теократии, связью и главой которой было священство; в Новом Завете – это делает церковь.

Но здесь, братия, весьма важно различать божественную истину от учреждений, назначенных ее сохранять. Власть первой – прямая; власть вторых – заимствованная.

Последняя зависит от первой, которая никогда не будет зависеть от последней.

Какая цель религиозных учреждений? Мы только что сказали: сохранять религиозную жизнь. Иисус Христос сказал нам об этом глубокое и определенное слово: «суббота сделана для человека, а не человек для субботы». Вы можете его приложить ко всем божественным повелениям. Учреждение необходимо, но под точным условием не заглушать жизнь, которую оно должно сохранять. Если власть учреждения поставлена

выше власти самой истины, если форма поставлена выше основания, то это есть извращение божественного порядка.

Два примера, извлеченные из Библии, покажут истину этого положения.

Ветхий Завет есть эпоха духовного несовершеннолетия; апостол Павел очень ясно этому учит. Прежде него Иисус Христос объяснял, что наименьший из христиан был бы наибольшим из величайших пророков Ветхого Завета (Лк 7:28). Св. Павел говорит об опеке, под которую был поставлен Израиль. Эта опека была осуществляема священством, чрез которое только Израиль имел доступ к Богу. Священство существовало как учреждение божественное. Никто не мог своевольно взять его должностей. Осия был поражен проказой за то, что хотел отправлять должность священника.

Священник был уполномоченным исполнителем божественного закона. «Приди к священникам, к левитам и к судье, который будет в эти дни, сказал Моисей, и спроси их, и они скажут тебе, как рассудить. И поступи по слову, какое они скажут тебе. А кто поступит так дерзко, что не послушает священника, стоящего там на служении пред Господом Богом твоим, или судьи, тот должен умереть» (Вт 17:9-12). Вот нормальный порядок. Между тем, Бог никогда не поработал истину откровения учреждению священства. Многие слова Писания напоминают Израилю, что все его сыны суть священники. Отец, глава семейства, остается также хранителем и толкователем божественного слова; он должен объяснять его своим детям. Наконец, и это всего многозначительнее, могут придти времена, «когда священники не будут более знать закон» (Иез 7:26), когда священники будут неверующими, нечестивыми и развратными. Что делает тогда Бог? Он избирает себе пророка. Этот пророк почти никогда не был священником, часто он происходил из среды народа, никогда не получал посвящения и не был никем посылаем. Между тем, он имел свою власть, иногда засвидетельствованную чудесами, а чаще всего силою и свойством самого учения. Его должны были слушать, потому что он мог сказать: «слово Предвечного на мне».

Второй пример из Нового Завета. Здесь мы пред лицом другого учреждения – апостольства. Апостолы прежде всего самоличные свидетели жизни, характера и учения Иисуса Христа. Они были избраны из тех, которые непосредственно следовали за Ним в Его служении. Они Его видели и слышали ежедневно. Поэтому их миссия не имеет себе равной и они суть воистину основание церкви, коей краеугольный Камень есть Христос. Апостольство есть учреждение божественное.

И между тем в первенствующей церкви есть человек, который хотя не был в числе двенадцати, но имеет неотъемлемое право на звание апостольское. Он полагает, что он ни в чем не был ниже тех, которые носят это звание. Он может сказать, что трудился более, чем все они (2Кор 11:5 и след.). Этот человек есть апостол Павел. Однажды он оказался в борьбе с апостолом Петром, который поступал неправильно. Первый признавши, что язычники могли быть принимаемы в церковь, он отказался садиться за стол с этими новообращенными христианами. Его поступок, имевший характер публичного поучения, глубоко поколебал души верующих. Апостол Павел публично его подверг порицанию и в этот день спас истину (Гал 2:11). И так, выше учреждения апостольского есть божественное слово, верным истолкователем которого в этот день явился апостол Павел. Итак, Бог не связан абсолютно своими учреждениями.

Впрочем, сам апостол Павел выражается об этом с неотразимой силой и ясностью. Он ставит свидетельство апостольское выше личности апостолов. Он пишет к Галатам: «Но если бы даже мы, или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, «да будет анафема» (1:8). Слышите ли вы? Хотя бы это был сам он, апостол, избранный, призванный, утвержденный самим Богом в апостольстве, нужно было бы изречь анафему, если бы он возвещал другое Евангелие, кроме Евангелия любви Божией.

Эти тексты ясны и положительны. Все софизмы мираⁱ не ослабят их силы. Они доказывают, что каково бы ни было значение самого апостольства, это значение всецело основывается на словах, которым апостольство служит только средством для выражения. Из всего нами сказанного, очевидно, вытекает следующее заключение: есть божественные учреждения, необходимые для сохранения истины. В Ветхом Завете это было священство; в Новом Завете это суть апостольство, церковь, священство. Эти учреждения имеют свою власть. Отвергать ее во имя мнимой духовности, это значило бы желать быть мудрее самого Бога; это значило бы презирать средства, которыми всегда сохраняется христианская истина)ⁱⁱ. Но власть этих учреждений есть второстепенная и производная; она сама должна быть подчинена слову Божию)ⁱⁱⁱ.

Если эти размышления справедливы, то они позволят нам лучше понять вопрос, который нас занимает.

Какою властью ты делаешь эти дела? Спрашивают книжники у Иисуса Христа. Для них Он лицо, не имеющее власти. Для них власть всецело заключается в учреждении священства. Но Христос не принадлежал ни к племени Левия, ни к потомству Аарона. Из послания к евреям видно, до какой степени этот вопрос смущал евреев, сделавшихся христианами, потому что апостол, писавший это послание, всячески старается доказать, что Христос есть священник, но священства гораздо более древнего и более высокого, чем священство Левия, что Он есть священник в первобытном смысле, в каком был священником Мельхиседек. Христос не принадлежал к историческому племени священства, Он не получил официального посвящения, Он не требовал утверждения синагоги. Он был без авторитета.

Без авторитета, без власти! Это нам кажется странным. Все то, что казалось заслуживающим уважения книжникам, теперь для нас совершенно безразлично; мы ко всему этому остаемся совершенно холодными и нам трудно понять, каким образом их не поражало величие Христа. Не одни мы так думаем. Народ во времена Христа чувствовал тоже, что чувствуем мы. С его здравым смыслом он видел ясно и верно. Первое его впечатление было то, что Христос говорил, как власть имеющий, а, заметьте это хорошенько, «не как книжники», которые были люди с властью, с авторитетом. Но этого смысла не было у вожаков нации. Для этих нужны были внешние и видимые знаки священнической миссии, которых они не признают в Иисусе Христе.

Его слово тщетно раздавалось в их ушах. Эти глубокие слова, которые обнаруживают скрытую жизнь сердца, эти правила, которые дают нравственному закону такое верное, точное и твердое выражение, эти притчи, которые открывают с невыразимым могуществом и достойной благоговения простотой истинные отношения человека к Богу и к его ближним, эти страшные обличения, которые навсегда разрушают лживую набожность и лицемерное богопочитание, все это им не говорит ничего. Они не думают, что все это истинно в самом себе, что внешние доказательства к этому ничего не прибавят, что все человеческие утверждения в сане священства не сделают этого учения более достойным доверия. Для них не важно знать, истину ли говорил Христос. Для них важно знать, в силу какой власти Он говорил?

Христос жил среди них. Они могли день за день следить за Его поведением и исследовать Его дела. Вся Его жизнь была не что иное, как святость и милосердие. Он мог всем поставить этот вопрос, который остался без ответа: «Кто из вас обличит меня во грехе?» Он отдался тем, кого забывал мир. Он горячо любил толпы, которые блуждали, как стадо без пастыря. Он преимущественно обращался к бедным, к прокаженным, к самым последним из жалких людей. Всякий час его жизни был посвящен другим. По этой святой страсти самопожертвования они могли бы узнать в нем истинного священника Израиля. Его несравненное милосердие не ослабляло у Него ни в чем чувства божественной святости. Он был ею полон. Он мог сказать с Давидом: «Ревность о доме Твоем меня поглощает». Он видел, что торгаши завладели храмом и святое негодование им овладело.

По одному этому знаку могли бы отличить Его божественную миссию. Книжники видят это и это их не трогает. Для них не важно знать, совершил ли Христос дела святости, но в силу какой власти Он их совершил. «Какою властью делаешь Ты эти дела?».

Христос совершал более, чем человеческие дела. В некоторые дни Он раскрывал таинственное могущество, действия которого видел весь народ. Больные вдруг исцелялись, прокаженные очищались, слепорожденные вновь получали зрение, мертвые воскресали. За несколько дней пред этим толпа могла видеть Лазаря выходящим из гроба. Ни один текст Евангелия не говорит нам, чтобы фарисеи отвергали эти факты. Они не оспаривают их истины. Все это совершалось открыто, свидетели этих чудес считаются сотнями. Но эти дела не касаются книжников. Для них важно не то, что действительно они совершены (они с этим соглашались), но то, во имя какой власти они совершены. Так как власть эта нелегальна, то они припишут эти дела скорее сатане. Сатана совершает эти дела милосердия и святости, сатана насыщает голодные толпы народа, жалеет прокаженных, воскрешает мертвых. Заимствуя слова самого Иисуса Христа, скажем, что, по мнению книжников, сатана разрушает сатану.

Вот логика этих людей, власть имеющих!

Таким образом святость, правда, милосердие могут сиять нечеловеческим блеском, вдохновлять высочайшее учение, производить великие дела; все это ничего не значит. Все этому надо предпочесть пергамент синагоги, дающий его владельцу все права власти. Эти люди могли бы сказать солнцу: «по какому праву ты блестишь во время, нами не указанное? Докажи нам, что ты имеешь дозволение нас освещать». Таким образом, они закрыли глаза для света. Таким образом они прокляли Святого и Праведного и замерли в своей кастовой гордыне, обложившись своими преданиями, как зловещим саваном.

Из этой же евангельской сцены вытекает великое поучение. Мы не должны, братья, никогда вопросов иерархии и церкви ставить выше истины.

Я не проповедую вам чрез это равнодушие к этим вопросам. Для них есть свое место и значение. Не все равно: принадлежать к той или другой церкви и давать царству Божию такую или иную организацию. Форма здесь очень близко соприкасается с основанием. Скептицизм в подобном деле есть дурной признак. Я не доверился бы солдату, который презирает свое знамя. Надобно любить ту церковь, к которой принадлежишь. служить ей с самоотвержением, уметь защищать ее права.

Но надобно уметь признавать все то, что сотворил Бог великого, святого, прекрасного вне ее и другими средствами, чем те, которыми она располагает. Надобно иметь сердце достаточно теплое, чтобы приветствовать добро везде, где бы мы его ни встретили, хотя бы даже в лагере наших неприятелей. Никогда не надобно позволять становиться между нами и истиной никакому учреждению, как бы оно ни было велико и почтенно.

Послушайте, что говорит Моисей. Ему сказали, что пророчествуют два человека, им не призванных. Иисус Навин, вознегодовав на это, говорит ему: «запрети им». Моисей отвечает: «не ревнуешь ли ты за меня? О! если бы все в народе Господнем были пророками» (Чис 19:28-29). Послушайте апостола Павла. «Одни по любопрению проповедуют Христа нечисто, думая увеличить тяжесть уз моих, а другие из любви, зная, что я поставлен защищать благовествование. Но что до того? Как бы ни проповедовали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться» (Фил 1:16-18).

Послушайте Учителя. Апостолы Ему говорят: «мы видели человека, именем твоим изгоняющего бесов и запретили ему, потому что он не ходит с нами». Иисус отвечал: «не запрещайте, ибо кто не портив вас, тот за вас» (Лук 9:49-50).

Церковная нетерпимость есть соблазн. Бог дает ей иногда уроки, смиряющие ее гордыню. В наши дни был человек, который совершил беспримерный подвиг. Он был мирным завоевателем Африки. Он двинулся в глубь этой отвергнутой земли с одним только оружием – Евангелием. Он превзошел всех других. Он предпринял и совершил то, чего не

могли предпринять алчность к добыче и жажда завоеваний. Тысячи черных приветствовали в нем первого представителя белой расы и, приветствуя, благословили его (чего прежде никогда не было видано). Ничто не могло утолить этого апостола, сердце которого было пожираемо святым пламенем любви к Богу и человечеству. Он умер стоя на коленях и его последние слова были протестом против невольничества и выражением благоговения к Богу, на служении которому он умирал. Придет время, что в Африке, сделавшейся цивилизованною и христианскою, имя Ливингстона будет греметь от одного моря до другого и, почитая его память, поймут истину бессмертного счастья, возведенную Христом: «блаженны кроткие. ибо они наследуют землю».

И теперь есть богословы и книжники, которые пред такую жизнь и такими завоеваниями останутся в беспокойстве и, не видя ни епископского посвящения, ни посольства от святого престола, будут готовы предложить этому мученику вопрос моего текста: «какою властью делал ты эти дела и кто тебе доверил эту власть?»

Эти люди увидят дела самые очевидные, которые может произвести христианская вера. Они увидят, что народы утверждаются в правде и свободе: они увидят уничтожение невольничества, неослабную борьбу с нищетой, Евангелие распространенным до краев земли, равно как и в самых низших слоях нашего так называемого христианского общества; они увидят все это и не будут тронуты, если только все это сделано еретическими руками и если они не признают в этом санкции их церкви.

О! если бы их церковь могла иметь притязание на эти дела, с какою поспешностью и с каким энтузиазмом они заговорили бы об этом! Как скоро похвала в их устах сделалась бы панегириком! Как скоро они признали бы тут видимое действие Духа Божия.

Вот достойная сожаления близорукость! Сектантский дух несравненно менее свойствен маленьким сектам, чем об этом думают. Нигде, может быть, он так не растет и не развивается с большею силою и более бессознательно, как под покровом великих учреждений и древних преданий. Бывают минуты, что он делается преступлением, именно когда он закрывает глаза от света, судит с презрением гордыни все то, что делается вне его рамок, приписывает Вельзевулу самые очевидные дела Духа Божия.

Братия! Надобно выбирать между фарисейским духом, который говорит Христу: «Какою властью делаешь ты эти дела» и духом истины, который, видя свет, идет к свету и говорит: «здесь Господь Бог».

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ.

«Воздавайте Кесарево Кесарю, а Божие Богу»
(Мф 22:21)

I.

Поняли ли вы, братия, все что было опасного и трагического в положении Иисуса Христа в ту минуту, когда Он произносил эти великие слова? На этом стоит остановиться. Вы знаете, какими горючими веществами была тогда наполнена политическая атмосфера Израиля. Евреи не могли примириться с римским владычеством. Несмотря на постыдную услужливость партии Иродиан, которые сделались поклонниками Августа и Тиверия, масса народа постоянно мечтала о своей древней независимости и никто не мог приобрести популярности, если не льстил этим надеждам, которые фарисеи поддерживали, как священный огонь в душах. Заставить Иисуса Христа высказаться по этому щекотливому вопросу было весьма выгодно для тех, которые всячески старались погубить Его в глазах народа. Чтобы выполнить эту хитрую задачу, две главные партии: Иродиане и Фарисеи забыли свою старинную ненависть и соединились вместе. И вот на общественной площади, некоторые из них приступают к Христу и, окруженные толпою, предлагают Ему лукавый вопрос: «позволительно ли нам платить дань Кесарю или нет».

И как бы для того, чтобы сделать невозможной какую-либо увертку, они, по словам Ев. Марка, прибавляют: «должны мы платить или не должны?».

Заметьте чрезвычайную затруднительность положения И. Христа. Если Он ответит просто: платите дань, то он будет в глазах народа трус, ренегат народной независимости, изменник против отечества. Если Он ответит: не платите, то эти же самые люди сделают из него революционера и заранее бросят Ему в лицо то обвинение, которое они скоро будут повторять пред Пилатом в претории: «это враг Цезаря».

Что же отвечает Иисус? Он берет монету, на которой находится изображение императора и которая есть как бы очевидный символ подчинения евреев и, смотря в лицо своим совопросникам, спрашивает у них, чье здесь изображение; затем, получив от них же самих неоспоримое признание этой политической зависимости, произносит следующие бессмертные слова: «Воздадите Кесарево Кесарю и Божие Богу».

Таким образом И. Христос прямо отказывается решить вопрос национальной политики, подобно тому как в другом случае, пред братьями, спорившими о наследстве, Он отказался решить вопрос юридический. Он пришел сюда не для того, чтобы решать такие вопросы. Напрасно будут стараться сделать из Него народного трибуна или агитатора. Но предположите даже на минуту, что Он провозгласит независимость Израиля и произнесет слова, которые послужат знаком к страшному восстанию. Что выиграло бы от этого Царствие Божие? Насколько кровавая война, подобная стольким другим, ей предшествовавшим, двинула бы вперед дело справедливости? Да и были ли евреи достойны свободы? Когда вы изучаете их историю за последние пред явлением Спасителя пятьдесят лет, когда вы видите, как их народные вожди ухаживают за римскими генералами^{iv}, и вмешиваются во все интриги императорской политики, являясь в тоже время неспособными соединиться для общей благородной и патриотической цели, то вы не можете довольно надивиться божественной мудрости, с которою Иисус Христос не позволяет окружать себя густой сетью политических мечтаний евреев. Это, впрочем, и было понято его противниками. Несмотря на всю ненависть, которою они были проникнуты, поведение Его вызвало у них крик удивления и почтения. С тех пор прошло 18 столетий, и слова Христа теперь еще более истинны, светоносны и назидательны, чем когда-нибудь. Об этом мы и поговорим с вами в настоящую минуту.

Слова Спасителя были совершенною новостью для Его современников. Они полагали конец теократии, которая была дотоле религиозным идеалом Израиля. Что такое была теократия? Это было подчинение гражданского общества священническому строю, так как Бог правил при посредстве своих уполномоченных священников и все средства государства обращал к исполнению Своей воли. Теократия представляет собою высокий идеал. Есть что-то бесконечно великое в этом верховном владычестве идеи над материей и духа над формой. Царствие Божие, долженствующее некогда осуществиться, представляется мне стройною теократиею, где все будет служить во славу Божию. Поразительны необычайность и героизм в призвании Израиля, который, несмотря на свою численную незначительность, признает себя борцом за славу Божию. История Маккавеев составляет одну из великих страниц в летописях человечества. Такие люди, как

Григорий VII и Иннокентий III были далеко недюжинными личностями, и тот, кто видит в них лишь честолюбивых фанатиков, подобным суждением доказывает только свою собственную ограниченность. Когда Гильдебрандт, умирая, повторял знаменитые слова: «я любил правду и ненавидел несправедливость, и оттого умираю в изгнании», то нельзя не признать в нем страстного убеждения души, проникнутой блестящею мечтой. Что касается до вышеприведенных слов Иисуса Христа, то в них заключается решительный приговор теократии.

Слова эти очевидно признают два общества: одно чисто гражданское, глава которого есть Кесарь и которое может называться империей, королевством, олигархией или демократией; другое чисто религиозное, находящееся в подчинении единому Богу. Значит ли это, что Христос хотел отнять у гражданского общества всякую религиозную мысль и создать из него область, недоступную для божественной деятельности? Такое предположение было бы чудовищным, оскорбительным для всего Евангельского учения. Одна из самых наглядных особенностей Евангелия заключается в том, что оно не признает языческой разницы между мирским и священным, не делает из религии элемента стороннего, чуждого всему остальному, но напротив, видит в ней божественную силу, которую все должно быть проникнуто: нет ни одной сферы, которая могла бы быть закрытою для религии. Ап. Павел выражает это в следующих простых словах: «едите ли вы, пьете ли или делаете что-нибудь другое, делайте все во славу Божию». Если самые незначительные действия в жизни должны быть относимы к славе Божией, – то каким образом можно закрыть для нее область жизни общественной и политической? Истинная религия никогда не остановится на пороге в эту область; она будет стремиться перешагнуть через него. Она войдет в семью, в сенат, в суды; она захочет все узнать и всюду проникнет. Ни один закон не останется ей чуждым. Она везде будет вносить мысль о справедливости, истинном равенстве, милосердии. Она будет могущественным представителем права всех малых и слабых земли. Она сорвет лицемерный покров общественных условий. Она постарается все привести к истине. Разве возможно требовать от судьи, законодателя, государственного человека, чтобы они оставили свою совесть у дверей того места, где они решают дела, и каким хитрым софизмом могут доказать нам, что будучи проникнуты религией во всем, что касается лично его особы, человек перестанет быть религиозным тогда, когда дело идет об общественном организме, т. е. о делах людей – его братьев? Итак, гражданское общество будет подлежать влиянию религии, и тем больше, чем духовнее будет эта религия, и общественные законы неизбежно будут носить отпечаток религии, оставленный ею на совести каждого члена общества. Посмотрите, что происходит в наши дни на двух оконечностях Африки. На юге, в земле Мессуто, большая часть маленького племени была обращена в христианскую веру. Никогда наши миссионеры не думали вмешиваться в политическое законодательство. Между тем, под влиянием их учения, полигамия скоро совершенно прекратится у них, как законное учреждение, и представители страны отдадут семье подобающее ей влияние и достоинство. В Египте под влиянием новейших идей, источник которых в Евангелии, рабство энергически порицается и можно быть уверенным, что, несмотря на соучастие в нем испорченного правительства, оно исчезнет на наших еще глазах. Точно тоже случится в Индии с ее гнусной системой каст и мы надеемся, что скоро наступит день, когда Китай освободится от своей постыдной страсти к опиуму. Точно также и посреди нас, несмотря на растлевающие теории натуралистов, признающих только право силы, постоянно возрастает движение общественного мнения в пользу обеспечения и покровительства женщине, ребенку, всем несовершеннолетним в низших классах народа. Мнение это ограждает их нравственную свободу и достоинство. Не будем смущаться тем, что посреди сторонников этого великого дела нередко встречаются свободные мыслители или атеисты. Оно не становится от этого менее святым и христианским; в нем все-таки заключается осуществление великих принципов, посеянных на земле Христом.

Итак, Евангелие желает и должно проникать все. Жизнь человечества, в самых разнообразных его сферах, должна подчиняться его влиянию.

Как бы то ни было, однако, общества религиозное и гражданское существенно различаются между собою и различие это будет для нас видным, если мы взглянем как на характер той области, в которой они действуют, так и на свойство средств, употребляемых ими для достижения своих целей.

II.

Область государства – это настоящая жизнь и интересы чисто временные. Государство должно обеспечить каждому гражданину пользование его правами и вольностями. Оно может, кроме того, иметь в виду обеспечение для всех наибольшей суммы благосостояния. Его высший идеал – справедливость. С этой стороны оно встречается с нравственностью. Общественная нравственность не должна делать насилия индивидуальной совести, но должна требовать от всех подчинения и даже, если нужно, самопожертвования. Поэтому ошибаются те, которые в гражданском обществе видят только простую взаимность интересов. Его принцип гораздо выше; оно может обращаться с призывом к некоторым из самых великих инстинктов человечества. Но государство встречается с нравственностью только в ее общественных применениях. Оно умеет и может образовать гражданина, но у него нет и не должно быть поползновения овладеть всем человеком. Оно должно остановиться на пороге религиозного сознания. Встречаясь с учениями, оно не может и не должно судить их иначе, как по их плодам. Оно не должно доискиваться в нравственности ни ее происхождения, ни цели. Если я, повинуюсь долгу, повинуюсь гласу Бога, если я верю в высшую святость моего поведения, это не касается до государства. Без сомнения, государство не может оставаться равнодушным к религиозному учению, сообщаемому различными церквами молодому поколению. Если это учение прямо восстает против законов, если оно проповедует презрение к властям, или сословную ненависть, если оно посягает даже на принципы гражданской нравственности, то правительство может вмешаться. Но если это учение трактует о Боге, о человеческой душе и о религиозных влияниях, действующих на человека, о надежде на будущую жизнь, то государство должно признать себя некомпетентным, даже пред тем, что ему кажется нелепым и суеверным. Говорят, новейшее государство есть атеистическое государство. Но это софизм, ставящий государство под знамя какой-нибудь секты. Вернее сказать, что новейшее государство нейтрально между различными верованиями и что его характер является более возвышенным тогда, когда оно становится защитником совести и религиозных прав всех, а не отдельной какой-нибудь веры. Всякий раз, как государство переступало за пределы этих естественных своих прав, вмешивалось в вопросы о религиозных учениях и становилось на сторону какого-нибудь отдельного богословия, его роль ставилась смешною и ненавистною. Припомните религиозные распри в Византии, где официальные судьбы православия часто зависели от каприза женщины. Припомните мрачный деспотизм Филиппа испанского, или происходившие в XVIII столетии бесконечные споры по поводу римского учения об оправдании, навязанного ретивой полицией двух развратных нечестивцев, которые именовались регентом и кардиналом Дюбуа. Прискорбно было бы возобновление подобных фактов. Зато всякая мера, направленная к тому, чтобы изъять у государства священную область совести, будет содействовать осуществлению истинной мысли Иисуса Христа. Церковь и государство различаются между собою не только кругом, но и способами действия. Орудие государства – в силе; оно имеет силу и право материальным принуждением уничтожить всякое сопротивление его законам. Орудие Церкви в *слове*. Церковь не может и не должна навязывать никакого верования. «Оружия воинствования нашего не плотские», (2Кор 10:4) сказал величайший Завоеватель душ, какого когда-либо знала церковь. В теории все допускают это различие. Нет ни одного защитника христианства, который бы не выставлял на удивление миру величественного зрелища апостолов, торжествующих над ним одним лишь могуществом убеждения и примером святости; нет ни одного, который бы не указал на контраст между Христом, добровольно отдавшимся на распятие, и Магометом, распространявшим Коран силою меча. Но на самом деле и сама церковь, к прискорбию, нередко отступала от этих великих принципов. Реформа XVI ст. во многих странах была введена насильственными средствами; с своей стороны и католическая

церковь никогда не отказывалась от принуждения в деле религии, а силлабус Пия IX прямо провозгласил его законность. Официальное богословие прибегает в подобных случаях к тонкости. Оно говорит, что церковь всегда милостива и кротка, как мать, скорбящая о своих заблудших детях и что только в случае бессилия ее убеждений, она предаёт неверующих и нераскаянных в светские руки. Церковь ужасается крови (???) и потому-то предоставляет проливать ее суду светскому. Не правда ли, какой ужасный софизм! Нет, лучше рука, бьющая открыто, чем подобное лицемерие. Процессы известных судов над еретиками заключают в себе подробности, приводящие в трепет. Взгляните на этого страдальца, изможденного пыткой; члены у него вывернуты, лицо побагровело от истязания, губы стиснуты примысли о новых муках, его ожидающих. «В это время, говорит судебный протокол, отец инквизитор ласково сказал ему» (??). Это «ласково», вставленное в протокол бесстрашной рукою писца, представляется чем-то поистине адским. Трудно выразить словами то страшное зло, какое причинило делу религии употребление подобных орудий. Мне скажут, что истязатели добились успеха. Да, это верно. Но кровь мучеников не всегда служит семенем для Церкви и очень часто проливается напрасно. Сила иногда действительно торжествовала над совестью. Есть страны, в которых религия была навязана грубым насилием, затем удержалась на целые столетия и сделалась национальной. И однако ж, подобные успехи были куплены слишком дорогою ценою и нередко вызывали грозную реакцию. Варфоломеевская ночь, по справедливому замечанию Бекона, произвела более атеистов, чем все сочинения Лукреция, так что в итоге естественное развитие христианства на долгое время было задержано этими видимыми победами. Факт этот сделался очевидным лишь спустя долгое время. Но политики ищут успехов и, надо согласиться, успех часто следовал за гонениями. И однако ж, чтобы избежать искушения прибегать к подобным средствам или одобрительно относиться к ним, следует возвышаться над фактами и опираться на одни лишь принципы. Принцип же, положенный Христом и принятый апостолами, заключается в чисто духовном свойстве Царства Божия и присущих ему орудий. Скажу еще раз: государству принадлежит одна только задача – обеспечение всем свободы совести, хотя бы даже силой, если это окажется необходимым. В этом его право и обязанность и Церковь может требовать от него этого. Мы даже погрешили бы против нашего христианского и гражданского дела, если бы дали заглотнуть этому праву. Но раз это общее право утверждено, Церковь не может распространять хранимую ею истину иначе, как только чрез научение и убеждение. Меч ее – слово Божие. Крест, бывший орудием казни Главы ее, становится орудием ее торжества. Дух, ее проникающий, изображается в виде голубя. Таковы образы, употребляемые в Св. Писании для определения ее силы. Если бы истина была в какой-либо мере обязана своим торжеством силе, то зачем Бог попустил распять ее на кресте в лице Своего Сына? И какой смысл имело бы тогда Евангелие?

Будучи различны по сфере своей деятельности и по средствам ими употребляемым, Церковь и гражданское общество во взаимных отношениях своих должны тщательно оберегать свою независимость. Но эта независимость может быть нарушена двояким образом: чрез теократию, подчиняющую государство Церкви, и чрез те ложные системы, которые подчиняют Церковь государству. Мы уже говорили, что Иисус Христос окончательно упразднил теократию. Но опасность не здесь. Можно делать попытки в смысле восстановления в теории того, что средние века осуществили на деле в таких грандиозных размерах и с такими пагубными последствиями. Дух современных обществ сделает бесплодными все подобные усилия. Нас ожидает борьба другого рода. Существует понятие о государстве, служащее угрозою для всей Церкви,—это то понятие, которое сливает Церковь с гражданским обществом, так что первая теряется во втором и в религии усматривается только одна из функций общественного организма)^v.

В глазах многих представителей новейшей демократии религиозное общество должно быть рассматриваемо, как всякое другое общество. Оно не может иметь других правил и стремлений, кроме тех, которые подсказываются ему большинством его членов. Исходя из того факта, что религиозное чувство может разнообразиться, как и все другие чувства, и что оно также должно подчиняться закону развития, они заключают, что гражданское общество может давать ему то или другое направление и таким образом ставить его в соответствие с новыми нуждами современного времени. Отсюда возникло в конце прошедшего столетия гражданское устройство клира, так много повредившее делу революции и отозвавшееся столь сильными раздорами во Франции. К несчастью, этот опыт не достаточно был понят и теперь встречается не мало людей, воображающих, что следует держаться конкордатов между церковью и государством: этим способом они думают оправдать притязания государства на законодательство в религиозном деле и организация культа, который был бы на высоте стремлений века. На подобные притязания возможны только два ответа: прежде всего тот, что гражданское и религиозное общество никогда не должны быть сливаемы; второй ответ тот, что истинная церковь, т. е. общество истинно-христианское никогда не отдаст себя для опытов такого рода, что для людей, входящих в состав ее, христианство есть дело откровения, независимое от случайностей большинства, и что не получив от гражданского общества ни своего авторитета, ни правил своей веры, церковь не может подчинить их этому обществу. Церковь, рассуждающая иначе и действующая на основании иных принципов, по справедливости осуждена на погибель. Подобными уступками она приобретет мимолетную популярность, но эфемерная волна этой популярности поднимется лишь для того, чтобы завтра же повергнуть ее в бессилие и презрение.

III.

Мы видели, что взаимная независимость Церкви и государства установлена в принципе самим Иисусом Христом и что она требует всестороннего охранения. Сойдем теперь на практическую почву. Здесь мы встретимся с весьма нередким смешением двух обществ, столь ясно разграниченных Спасителем.

Здесь Церковь отдана в распоряжение политической партии. Здесь смотрят на Церковь, как на ключ к своду старого социального порядка. Если падает какое-нибудь старинное учреждение, то считается оскорбленной религия. Трон и алтарь признаются неразрывно связанными между собою и не допускается, чтобы общество демократическое могло быть христианским. В пользу данной формы правления приводятся известные тексты Св. Писания, в которых апостолы повелевают повиновение властям, но не обращается внимания на то, что эти власти суть не что иное, как гражданское общество, теорию которого излагает св. Ап. Павел, и что апостолы в этих же самых текстах формулировали независимость этого общества. Так как Церковь сливается в этих суждениях с политическим строем, то и в каждом посягательстве на этот строй усматриваются признаки революции и гордости. Высказываются горькие сожаления о прошлом, но при этом забывается, что оно имело широкую долю участия в нечестиях, возмущениях и преступлениях. Инстинктивно привлекается к защите известного знамени всякая реакция, признаваемая здесь естественным союзником. Интерес партии скоро берет верх над интересом религиозным. Приведение душ к Богу делается второстепенной заботой. Существенным же признается то, чтобы торжествовало дело партии и члены этой партии рады всякому, кто оказывает им содействие, не заботясь о его личной вере и характере. Как в средние века христианнейшие короли без зазрения совести прибегали к помощи турка или еретика, так защитники религии часто и теперь имеют у себя очень странных союзников. Нельзя не страдать, видя, как самые священные предметы поддерживаются осквернителями святыни, и встречая в одной и той же светской газете, рядом с апологией

Христа и его Евангелия, бесстыдные произведения литературы. Печальное зрелище, встречаемое ныне беспрестанно!

Одна крайность вызывает другую. В противоположном лагере господствует подобная же смута. Исходя из верного начала, что Евангелие благоприятно всякой свободе, люди этого лагеря стараются сделать его солидарным с партией прогресса. Таким образом, 30 лет тому назад, оправдывался социализм известными словами Спасителя и примером первых христиан. Многие представляют, что такая-то форма правления, напр., республиканская, есть законное порождение духа реформации. В историческом отношении нет ничего ошибочнее этого и было бы легко доказать, что привязанность к наследственной монархии может быть нигде так не вкоренена, как в некоторых протестантских странах. Демократия может быть самовластной и деспотической, тогда как олигархия может уважать права и свободу каждого и иногда действительно она открывала убежища для изгнанников всех стран и религий. Итак, крайне опасно и несправедливо связывать Церковь с какой-нибудь формой правления. Одно только верно здесь, а именно, что все возвышающее человеческое достоинство и нравственную свободу, должно быть сочувственно христианской Церкви и что христианство – враг всякого угнетения, откуда бы оно ни происходило – сверху или снизу.

В теории многие с этим согласны, хотя и постоянно забывают об этом в жару борьбы. Не удивляйтесь же, что мы откровенно указываем на эту опасность. По моему мнению, Церковь должна быть покровительницей всякой свободы, но никогда не должна быть связываема с какой-нибудь политической партией.

Но всякая церковь имеет официальных представителей, которых обыкновенно называют клиром. Я верю в Божественное учреждение священства. Другие видят в нем только необходимую в обществе должность. Я же указываю на тот очевидный факт, что клир, или духовенство, в какой бы форме оно ни являлось, имеет опасную честь представлять Церковь пред общественным мнением. Истинный авторитет клира будет тем больше и сильнее, чем менее солидарным сделает он себя с какой-нибудь партией и чем больше будет стремиться к тому, чтобы быть представителем и защитником права, свободы и всеобщего мира. Некогда по всем европейским конституциям клир имел официальное место в народных собраниях. Теперь ему в этом отказывают почти везде. И я не только не жалею на это, но, напротив, рад и желал бы, чтобы он снова не выступил, при помощи народного избрания, на арену, которую так благоразумно закрыли для него наши законодатели. Я далек от мысли отнимать у священника его личные политические убеждения, гасить в нем пламя патриотизма и делать из него политического евнуха. Пусть он, в качестве гражданина, подает свой голос и действует по своему убеждению, но он никогда не должен употреблять на службу партии нравственный авторитет, которым облечен. Это было бы самым верным средством уничтожить этот авторитет.

Сравнение лучше объяснит мою мысль. У новейших народов есть два основных учреждения: армия и школа. Они обязательны как общественная необходимость. Но нет ни одного благоразумного человека, который бы не понял, что ни та, ни другая не должны быть ареною для политических состязаний. Армия, вожди которой сделались бы трибунами, отдаст страну на жертву всех возможных случайностей и насилий. Школы, в которых учащие внесли бы жгучие вопросы, нас разделяющие, будут истинным посягательством на семейную свободу. Требуя от наших солдат или учителей, чтобы они не вмешивались в политические споры, никто и не думает требовать от них отрицания своей независимости, патриотизма и гражданского достоинства. Но нужно ли доказывать, что Церковь есть сфера бесконечно высшая, чем школа и армия, и что безумно желать, чтобы в нее проникли страсти и ненависть партий?

Церковь ставит нас пред лицом вечности. Она смотрит на вопрос не с точки зрения одного дня или часа, – она господствует над временем и всеми нашими преходящими

спорами. Чем более расширяются жизненные вопросы и требования, тем выше жизни должны мы признавать действительность невидимую и непреходящую.

Абсолютное, представляющее другой вид вечности, вот на что должна еще указывать нам Церковь. Она взирает на вопросы в их непосредственном отношении к Богу. В область политики, напротив, входит одно лишь относительное. Политика принимает людей такими, каковы они есть, и обстоятельства в том виде, в каком она их находит. Она вся основана на взаимных сделках; она образует союзы, основанием которых служит только общий интерес, и в котором нравственность вступающих в сделку стоит на втором плане. Когда завязывается борьба, то приходится приводить в движение массы, а этого сделать нельзя, не обращаясь к человеческим страстям. Когда религия вступает в коалицию с партиями, она то терпит поражение, то поддерживается людьми, делающими из нее пугало или знамя известного строя, и мимолетная сила, придаваемая религии известными партиями, с лихвой возмещается потерей истинного ее авторитета.

Но нам скажут: в политике есть нравственные вопросы, которым религия не может оставаться чуждою. Кто же это отвергает? Но несомненно то, что своим прикосновением к нравственности политика искажает ее, так как партии обыкновенно не церемонятся с совестью. И странно, человек, лично неспособный нарушить данное обязательство, пустить в дело клевету или угрозы, совершенно спокойно одобряет такие деяния, когда они совершаются всеми и служат защищаемому им делу. Многие обращают больше внимания не на то, что нарушен закон, а на то, кем он нарушен и с какою целью. Вечное правило о цели оправдывающей средства берет свое начало не из знаменитого иезуитского общества, а принадлежит всем партиям, ослепленным страстью. Я не требую, чтобы религия безмолвно взирала на политическую безнравственность; но я желаю, чтобы для обличения ее она не спускалась на политическую арену, потому что лишь только явится подозрение, что она говорит не во имя совести, а во имя партии, она уже представляет собою не больше как один лишний голос посреди политической разноголосицы. Приведем пример. Мы удивимся образу действий Иоанна Крестителя при дворе Ирода и непреклонному мужеству, с которым он говорил преступному царю: «Нельзя делать того, что ты делаешь». Представим же себе, что Иоанн Креститель, вместо того, чтобы быть провозвестником совести, превратился в народного трибуна. Не рушится ли тогда весь авторитет его, так как в его обличениях уже можно было бы подозревать политическую цель и торжество партий. Да, я никогда не перестану говорить тем, кто имеет честь и преимущество быть представителями Церкви: «Не вмешивайте Церковь в борьбу партий, которой она должна чужда. ее величие и сила состоит в том, чтобы быть голосом вечного права и справедливости ко всем».

Но пора окончить нашу беседу. Если мы верно объяснили мысль Иисуса Христа, то не трудно будет распознать вытекающие из нее обязанности.

Не смешивайте того, что разделил Спаситель, и в обеих сферах делайте только то, что вы обязаны делать. Воздайте Кесарево Кесарю и Божие Богу.

Кесарь есть олицетворение гражданского общества. В настоящее время он перестал быть тем, чем был во времена Иисуса Христа, чуждою и деспотическою властью, подавлявшею евреев. Напротив, он есть и должен быть государством, признающим и покровительствующим права каждого, нацией, управляющей своими делами, обществом, уважающим совесть и не требующим от личности ничего, кроме того, что она должна дать обществу, часть которого составляет, как, напр., дань жизнью или деньгами, повиновение законам, пожертвование своим временем или силами для общего блага. Точно определить, что принадлежит Кесарю, это одна из самых трудных и необходимых задач, возлагаемых нашим временем. Некогда воля Кесаря была безмерна; он был верховным собственником и неограниченным властелином; от него все истекало. С развитием прогресса область его сузилась, а область личности расширилась. Государство более и более стремится сделаться обществом. Итак, этому обществу вы должны

доставлять ваше разумное, честное и самоотверженное содействие. Было время, когда думали, что христианин не должен интересоваться человеческими делами и пользами общественными. Были эпохи, когда общественная безнравственность была так глубока и всеобща, что становится понятным, почему благочестивые души не имели другой мечты, кроме мечты о небе. Но такого аскетизма Бог не требует. Мы имеем взаимные обязательства друг к другу; все благородные, великодушные, либеральные стремления должны находить в нас своих защитников. Прогресс во всех своих видах должен быть дорог для нас и было бы странно, если бы мы, ожидая того дня, когда окончательно раскроется истина и восторжествует справедливость, оставались равнодушными к победам их здесь на земле.

Но воздавая Кесарево Кесарю, воздавайте Божие Богу. Что принадлежит Богу? Вся ваша душа. Эта душа создана для Него. Христос сказал иудеям: покажите мне динарий и я покажу вам изображение Кесаря. Мы можем также сказать: покажите нам душу человека и мы покажем в ней изображение Бога. Это изображение часто слабо, тускло, почти сглажено под влиянием мира и греха. Между тем, взгляните в него хорошенько: признаки божественного происхождения еще можно рассмотреть в нем и св. Павел мог напомнить Афинянам идолопоклонникам, что они сыны племени Божия. Отдайте Богу, что принадлежит Ему. Воздавайте Ему дань благоговения разумом, который так часто преклонялся пред идолами мысли, – волей, которая так долго служила только вашему собственному благоденствию, — сердцем, которым владело только земное творение и которое может быть осквернено недостойными страстями. Пусть Бог сделается целью вашей ежедневной деятельности. Приносите Ему ту *разумную службу*, о которой говорит апостол и которая есть самое благородное упражнение, вам доступное. Приближается день, когда в вечном отечестве, Он будет для вас единственным и истинным Кесарем и где ваше высшее счастье будет состоять в том, чтобы воздавать Божие Богу.

ОБЕТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ.

«И взшел Моисей с равнин Моавитских на гору Нево, на вершину Фасги, что против Иерихона, и показал ему Господь всю землю Галаад до самого Дана, и всю [землю] Неффалимову, и [всю] землю Ефремову и Манассиину, и всю землю Иудину, даже до самого западного моря, и полуденную страну и равнину долины Иерихона, город Пальм, до Сигора. И сказал ему Господь: вот земля, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: семени твоему дам ее; Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь. И умер там Моисей, раб Господень, в земле Моавитской, по слову Господню»
(Вт 34:1-5)

В истории не много таких лиц, величие которых могло бы сравниться с величием Моисея, и я не знаю, есть ли в Ветхом Завете другой такой высокотрогательный рассказ, как рассказ о его смерти. Почти столетие прошло с того времени, как во дворце фараона, где Моисей вырос среди царских наслаждений, роскоши и блеска, мысль о позоре его народа охватила его сердце и уже не давала ему более покоя. С тех пор он блуждал, как изгнанник, чаще всего находя убежище в пустыне, и там-то Предвечный призвал его к выполнению одной из самых страшных миссий. Он, человек кроткий и робкий (Вт 12:3; Исх 3:11, 4:13), отступавший пред высокою ролью, должен был бороться с жестоким и лукавым царем до тех пор, пока Израиль, освобожденный его рукою, наконец, перешел чрез Чермное море и направился в землю Ханаанскую. Но тогда-то, поистине, и началась для него непрерывная борьба с народом невежественным, неблагодарным и буйным, неспособным нести святое бремя своих религиозных судеб и своей свободы. Он должен был присутствовать при всех его возмущениях, при всех его заблуждениях. У подошвы

Синая, где Бог открыл ему великий закон, который не утратил своей силы в течении стольких веков, он видел, как этот народ поклонялся золотому тельцу. Не признаваемый, одинокий среди Израиля, он его учил, вел, поддерживал в продолжении 40 лет, всегда добрый, неутомимый, защищая дело Божие пред своим народом и являясь заступником народа пред Богом. Наконец, он достиг желанной цели: обетованная земля была уже пред ним; только волны Иордана отделяли ее от него. Обетованная земля!.. О! Сколько раз он ее уже призывал и видел в своих уединенных мечтах, во время долгих ночей, когда он под звездным небом беседовал с Иеговой. Там, где Авраам и Иаков поставили свои шатры, там, где их гробницы ожидали Израиля, – там должно было утвердиться царствие Божие на земле, там Моисея ожидали отдых, осуществление всех его желаний, вознаграждение за все его труды. Но именно тут-то голос Предвечного провозгласил: «Войди на гору, взгляни на страну твоих отцов, ты в нее не войдешь»...

С угрюмой вершины горы Нево утомленный старец направляет свой пытливый взор, на обетованную землю. Он видит страну от Галаада до Дана. Там расстилается Иерихон, город пальм, потом богатые владения Невфалима, Ефрема и Манассии, далее – Иудея, наконец, на отдаленном горизонте виднеется западное море... Да, это *обетованная земля*, но ему войти туда не дано. На одну минуту его сердце сжимается от тоски, но, забывая самого себя, он думает только о будущности Израиля, он с душевным волнением созерцает эти места, в которых Бог установит свое святилище, эти долины, откуда изыдет спасение мира, отдаленные горы Галилеи на севере, на юге – Вифлеем, Мориа и холм, на котором должен был появиться крест, которому мы поклоняемся... Наконец, обнявши последним взглядом эту желанную землю, Моисей склоняет голову и умирает.

Братья мои! Это высокое зрелище служит нам великим поучением. Не мечтал ли также каждый из нас о своей обетованной земле, не желал ли он войти в нее, не надеялся ли ее достигнуть, – как вдруг раздавался голос: «Ты в нее не войдешь!»...

Остановимся на вопросе, почему Бог отказывает нам в наших просьбах? Защитим дело Божие и оправдаем его пути. Я буду счастлив, если вместо того, чтобы предаваться горечи, которая, может быть, наполняет ваши раздраженные сердца, вы научитесь покоряться и благословлять.

Да, мы все мечтаем о какой-нибудь обетованной земле. Нет никого между нами, кто не ожидал бы многого от жизни, кого бы жизнь удовлетворила. Не верьте наружности, не полагайтесь на веселость и беззаботность, оживляющие столько лиц. Все это – маска. Под нею скрывается реальное существо, которое, если захочет быть чистосердечным, скажет вам, что оно добивается счастья и что оно страдает. Но для Моисея обетованная земля была страной, в которой должен был царствовать Предвечный. Одна слава Божия воспламеняла его душу. Он жаждал только правды и святости. Кого из нас воодушевляет подобное чувство?..

Обновленная земля, где будет царствовать правда, есть ли для вас земля обетованная? Будет ли для вас ею царствие Божие, осуществляемое между людьми? Заключается ли она для вас в Боге, которого вы любите, почитаете и храните в умах и в сердцах, в Евангелии, которое вы признаете, в церкви, которую вы высоко ставите, в душах, обращенных ко Христу, в кресте, победившем смерть? Находите ли вы эту обетованную землю в познании Предвечного, который, по выражению Исаии, покрывает землю, как воды покрывают дно морей? Состоит ли в этом ваше наибольшее честолюбие и самое горячее желание, так что, будучи счастливы во всем остальном и наслаждаясь всеми благами земными, вы чувствуете, что вам, при недостатке этого познания, недостает всего?.. Но говорить ли мне вам, что эту обетованную землю вы здесь никогда не обретете? Может быть, в пылу вашей веры, вы надеялись в нее войти. Вы думали, по известным обманчивым признакам, усмотреть в нашей эпохе возрождение, вы видели очнувшиеся нации, сбросившие с себя смертельную спячку, церковь, возвышающуюся по гласу Божию и пробуждающуюся при мысли о своих величественных судьбах, вы видели Духа

Святого, сходящего, как в день пятидесятницы, и воспламеняющего сердца... Так точно в первые века христианства верующие ожидали на развалинах языческого мира торжественного возвращения Христа... Да, в этом была для них обетованная земля. Но, увы! мир продолжает развиваться, царствие Божие не приходит с шумом, дело Духа Святого совершается таинственно и сокровенно, и в то время, как это блестящее видение обновленной земли носится пред вашими смущенными глазами, какой-то голос шепчет вам на ухо: «Ты в нее не войдешь».

Во всяком случае, братия, не будем обольщать самих себя. В наши дни очень редки люди, пожираемые жаждой истины и справедливости и горячо желающие царствия Божия. Не будем сравнивать себя с теми верующими, которых мир был недостоин, с теми смиренными и великими свидетелями истины, которые, имея все, чего можно пожелать, все это ставили в ничто, потому что Бог, которого они любили» не признавался на земле. Увы! Когда у нас ни в чем нет недостатка, когда у нас есть здоровье, сила, богатство, надежды и земные привязанности, чувствуем ли мы себя странниками на земле, думаем ли мы о царствии Божием и просим ли мы о его пришествии? Нет, наши скорби имеют другой характер. К ним всегда примешивается нечто своекорыстное; мы заботимся только о себе. Обетованная земля для нас – это наше собственное благополучие, преследуемое нами с такой упорной настойчивостью. Но эти скорби, эти сожаления, перемешанные с эгоизмом, Бог по своей бесконечной благодати щадит. Он, который поднимает смятый тростник, не спрашивая, откуда дует ветер, пригнувший его к земле, часто приводит нас на прямой путь, пользуясь нашими земными скорбями. Этим способом Он заставляет возникать в наших сердцах тайное желание истинного мира, прощения, вечного утешения. Вспомните историю вашей жизни.

Вы мечтали о великом и прекрасном призвании, потому, что ваша природа влекла вас не к пошлым удовольствиям... Бог дал вам талант, блестящие способности, понимание всего, что благородно и прекрасно... С какую радость пустились вы в жизненный путь! Как все великодушные дела вас манили! Всякий день должен был делать вас лучше и сильнее... Знать, любить, действовать, вот в чем состояла ваша цель. Все эти заманчивые пути открывались пред вами, покрытые тем утренним туманом, который предвещает весной тихий, ясный, теплый солнечный день. Вот в чем была для вас обетованная земля, вы ее рассматривали жадными взорами, вы уже готовы были в нее войти... Вдруг нагрянуло несчастье, болезнь разбила ваши силы, вы лишились состояния, вам пришлось в поте лица добывать свой хлеб. Сокрушающие заботы иссушили ваше сердце, разбили ваши надежды. Эгоизм и жестокость людей приготовили вам горькие и жестокие разочарования и, в то время, как другие вас обгоняли, увлеченные перспективою счастья, которая скрылась от вас, суровый голос испытания шептал вам на ухо: «Ты туда не войдешь».

Вы, сестра моя, мечтали на земле о счастье взаимной любви. Жизненный путь вам казался полным радостей, вы надеялись его пройти, опираясь на честную руку и верное сердце. Как отрадно иметь возможность ежедневно передавать свои мысли и чувства человеку, вас понимающему! Как отрадно находить всегда у домашнего очага живое сочувствие со стороны человека, для которого не чуждо ни что, вас касающееся! Как отрадно участвовать в работах, в мечтах, в сочинениях любимого человека!.. Для вас в этом была обетованная земля. Но теперь вы – вдова, вы одиноко идете по жизненному пути, и никто не сглаживает его неровности... Или, что еще хуже, вы видели неверность, лживость и, может быть, холодное равнодушие, которые вырыли между вами пропасть, которую наполнить нельзя. Вы похоронили ваши надежды в могиле, которая ни в ком не возбуждает сочувствия, и горечь этого траура вашего сердца, который вы должны скрывать от других, не могут усладить ни уважение, ни любовь.

Вас же Бог избавил от этих испытаний. Около вас веселый семейный кружок; вы подготовили к жизненной борьбе детей, данных вам Богом. С каким наслаждением

свеличили вы за первым пробуждением их мысли, с какоу тоскою – за их ошибками и страданиями, с какоу признательностью за их победами и успехами! Они никогда не узнают, сколько они стоили вам – молитв, слез, самопожертвований. Наконец, вы почти достигли цели. Все, что неусыпная любовь могла посеять в их сердцах, вы все там насадили. Доверчивым взглядом вы предугадывали их карьеру, их успехи, их благородную деятельность. Для вас в этом была обетованная земля... Но увы! это было вчера, а сегодня уже наступил день тоски, страшных предчувствий, окончившихся действительностью еще более страшною... К вашему жилищу, полному отчаяния, подъехала погребальная колесница, и теперь только в небе ваша колеблющаяся вера может искать образ, который носится пред вашим помутившимся взором...

Рассказывать ли мне о других разбитых надеждах? Напоминать ли мне о работах, которым вы посвятили себя в самоотвержением, но при окончании которых вас ожидал неуспех, неблагодарность. Лучшие «ваши намерения оказались непонятыми... Я более не буду об этом распространяться. За меня говорят сердца всех тех, кто искал на земле вознаграждения за свои усилия, счастья, отдыха и признательности... Они знают, что им дал мир и сколько из плодов, которые обещала весна, сохранилось до осени. Увы! Обетованная земля не здесь. Ее видят, ее приветствуют издали, надеются переступить ее порог, но раньше или позже раздается голос: «Ты в нее не войдешь».

Тщетные желания, бесплодные мечты, вещает мир и, прибегая в эгоистичной философии, проповедует нам забвение, развлечение... Но не ищите этого забвения. Нет, лучше страдать и изведать эти желания, эти привязанности, эти надежды; лучше унести с собою эти святые образы и воспоминания, лучше мучения души, которая верит и сердца, которое любит, чем тупая и низкая пошлость мира. Лучше, о Моисей, после сорока лет утомлений и страданий умереть в виду Ханаана, чем влачить во дворце Египта тяжелое и постыдное рабство удовольствия и греха.

Пред этим суровым законом, который лишает нас здесь обетованной земли, наше смущенное сердце с трепетом обращается к Богу. Мы спрашиваем у Него, у этого Бога любви тайну его путей, нас изумляющих, а подчас наполняющих наши сердца смущением? «Почему же это», говорим мы, «почему»?

Братья мои! Истинную причину путей Божиих всецело мы здесь не узнаем никогда. Есть тайны, особенно, в страданиях, которые превосходят все наши понятия. Во всяком случае, писание говорит, что тайна Предвечного для тех, которые Его боятся.

Попытаемся дать хотя некоторые объяснения.

Если Моисей не входит в обетованную землю, то это, во-первых, потому, что Моисей согрешил. В один торжественный день, пред народом маловерным и мятежным, Моисей показал слабость, и вот тогда-то ему было сказано: «Ты не войдешь в землю Ханаанскую».

«Как! скажете вы мне. Разве Бог не мог забыть ошибок своего служителя? Разве Моисей не был Его свидетелем, Его пророком? Разве он не прославлял Его имени, не защищал Его дела, не желал горячо Его царства? Разве вся его жизнь не была долгим, постоянным жертвоприношением истине? И почему Предвечный не оказал своего милосердия человеку, который так долго Ему служил?» Мои братья, Он не забыл всего этого. Моисей получил от Него прощение, он не был им отвергнут, и Бог, его избравший, его сохранивший, примет его в Свое лоно. Но прощение, но помилование не исключают божественной святости; оставаясь на земле, Моисей должен был подвергнуться видимым последствиям некогда совершенного им преступления. А так как он согрешил пред лицом народа, то пред лицом же народа он должен был претерпеть наказание.

Но это мы теперь едва можем понять. Теперь чувство святости Божией забывается. Увы! Наша расслабленная совесть требует мягкой проповеди, которая бы ее не смущала и не пугала. «Бог есть любовь», говорят нам с Евангелием, но забывают, что Евангелие никогда не отделяет Его любви от святости. Мы это забываем пред лицом страданий

Гефсиманских и Голгофских, пред лицом этих невыразимых скорбей, которые напоминают, что прощение не уничтожает справедливости и что божественная святость требует очищения грехов.

Да, Бог есть любовь. Но думали ли вы когда-нибудь, братья, что Бог, прежде всего, любит добро. Может ли Бог любить Свои творения более, чем добро? – вот в чем вопрос. Наш век решает этот вопрос в смысле, который соответствует его слабости. Бог, говорят нам, любит прежде всего Свои творения, и, говоря так, ниспровергают все Евангелие, потому что очевидно, что если Бог любит Свои творения более, чем Он любит добро, Он их будет спасать, каковы бы ни были их развращенность и их неверие. Тогда, значит, небо обеспечено для всех, для нераскаянных, гордецов, непокорных, точно также как для сердец, кающихся и сокрушенных. Тогда святость есть не более как аксессуар избранных душ; тогда прощение есть не более, как объявление всеобщей индульгенции. Что значит тогда вера, перемена жизни, тяжелая борьба с грехом? Бог нас любит, Он нас спасает всех, и, чтобы мы ни делали, небо для нас обеспечено.

Это не все. Если Бог может таким образом ставить иногда добро на второе место, то почему не делать это Ему всегда? Что тогда станет с Его святостью? Что нам тогда говорить об Его законе, когда этот закон может быть изменен Ям? Я иду дальше. Что нам тогда говорить об искуплении и Голгофском кресте, если вы изгладите идею жертвы, требуемой божественным правосудием, – эту идею, которую здесь видели все апостолы и которая одна дает кресту его несравненное могущество?

Вот что делают из Евангелия, вот удобная доктрина, которая, будучи часто провозглашаема с кафедр, усыпляет совесть сном смерти, унижает церковь и потом хвастается своею популярностью пред поколением, всем инстинктам которого она потворствует. Тут не только помрачается и изглаживается идея Бога тут прямо извращается смысл страдания Как! Бог любит Свои творения больше, чем добро, и в тоже время хочет, чтобы они страдали, и страдание со всею его жгучею действительностью превращает в закон. И без всякой необходимости мириады существ, которых Бог мог бы спасти одним словом, знают в жизни одни только скорби? И эти страшные испытания претерпеваются самыми достойными и верующими людьми?

Наоборот, допустите с Писанием, что Бог любит более всего добро, что святость есть Его сущность, и вы поймете, что по отношению к грешникам Его имя есть любовь, а по отношению к греху – Его имя справедливость, что страдание, им посылаемое, нераздельно связано со злом, что грешникам, упорствующим в грехе, Его общение закрыто навсегда, и что грешникам даже прощенным, все-таки, посылается страдание, чтобы напомнить Его святость.

Таков истинный смысл Евангелия, объемлющий свойства Божии. Он нас смущает, но он же обращает и спасает, и, несмотря на всю свою суровость, Он только один может объяснить наши страдания и один только может их облегчить.

Вы спрашиваете: почему жизнь не сдержала по отношению к вам своих обещаний?

Почему ваши мечты, ваши планы были безжалостно разрушены? Почему, в виду обетованной земли, неумолимый голос сказал вам: «Ты туда не войдешь». Писание вам отвечает: потому что вы грешники, потому что эта земля, которую осквернило зло, не может быть для вас землею отдыха и счастья, потому что Бог хочет вас предупредить и приготовить к встрече с Ним.

Вы, искупленные Евангелием, спрашиваете, почему после того, как вы поверили прощению Бога, Его любви, Его обещаниям, Он обращается с вами так сурово? Потому, что, сделав вас Своими детьми, Он хочет сделать вас и участниками в Его святости.

Потому, что Он хочет, чтобы страдание, связанное с вашей земною жизнью, ежедневно напоминало вам, чем вы некогда были и чем вы были бы без него. Таким образом Бог поступал во все времена по отношению даже к тем, которые Его наиболее любили.

Спросите у Моисея, почему он не входит в Ханаан? Ропщет ли он, жалуется ли, обвиняет

ли божественную справедливость? Нет, он склоняет голову и благоговеет. Спросите и Иакова, почему его седины сойдут в могилу со скорбью? Обвиняет ли он Бога? Нет. Он припоминает свое бывшее лукавство по отношению Е отцу, свое вероломство до отношению к брату. Спросите у Давида, почему он блуждает, как беглец, в горах Израиля, преследуемый своим собственным сыном. Увы! Он припоминает свое постыдное падение, свое убийство, свое прелюбодеяние. Спросите у святого Павла, почему его апостольство есть не что иное, как продолжительное мученичество? Он припоминает, что он шел против угрызений своей совести и преследовал церковь Божию. Таким образом Бог поступает с самыми великими своими служителями. Таким образом исполняется слово, что Его суд начинается в Его собственном доме. Таким образом, Бог напоминает тем, кого Он простил и кого Он спасает, что если они суть дети Бога любви, то они должны сделаться также детьми Бога святости.

Суровая, но совершенно отеческая дисциплина, на которую наши сердца так часто ропщут, но удары которой мы должны охотно переносить, потому что, терзая нас, она нам напоминает, что сам Бог заботится о нашем спасении.

Отказывая нам, как и Моисею, во входе в обетованную землю, Бог имеет еще другую цель: Он хочет укрепить нашу веру.

Предположим, что нам было бы дано осуществить все наши желания на земле и получить вознаграждение за наши жертвы, словом собрать на земле все, что мы посеяли. Что произошло бы тогда? То, что мы поступали бы по расчету, а не по вере. Это было бы легко и приятно: всякое усилие сопровождалось бы результатом, каждое пожертвование – вознаграждением. Кто не пожелал бы быть христианином при таком условии? Кто не стал бы искать благодати, так близкой и осязательной? Разве вы не видите, что дух корысти проник бы, как холодный яд, в наше послушание Богу? Разве вы не видите, что наши сердца, привлекаемые к земле всею тяжестью нашего счастья, скоро забыли бы невидимый мир и его истинное, вечное назначение? Что случилось бы тогда с верою, с этой героической борьбой души, которая отрывается от мира, чтобы привязаться к Богу? Что случилось бы с возвышенным наследством, которое нам передали верующие минувших веков? Но Бог ожидает от нас лучшего, и, по словам Писания, как орел, унося своих орлят на крыльях, заставляет их броситься в воздух, точно также Бог отрывает нас у видимого мира, чтобы научить нас стремиться Е нашему истинному отечеству. Вот почему он отказывает вам на земле и в отдыхе, и в мире, и в приятной беспечности сердца, и в этих радостях, на которых вы хотели бы остановиться. Вот почему в то время, когда мир представил вашему взору обетованную землю счастья, которая вас очаровывает и привлекает, Его неумолимый голос говорит вам: «Ты туда не войдешь». Но он вас не обманывает, потому что здесь нет истинного покоя, истинного счастья. О, Моисей! ты мечтал по ту сторону Иордана о святой и благословенной земле. Ты видел заранее эти тихие долины и эти тенистые и отрадные места, где тебя ожидал отдых. Ты созерцал святилище, где остановился бы ковчег завета, и на горах Ханаана ты уже слышал раздающиеся, близь могил отцов, песни верных поклонников твоего Бога. Но, увы! это видение было ничто иное, как только мечта. По ту сторону Иордана, как и в пустыне, ты нашел бы народ неблагодарный, идолопоклоннический и мятежный. Ты увидел бы славу Божию не признаваемою и каждый шаг победителя отмеченным преступлениями и гнусностями... Ах! лучше умереть на горе Нево, потому что Бог обеспечил за тобою лучшее наследство, обетованную землю, в которую войдешь мирно... Там нет более греха. Там чистые голоса провозглашают славу Предвечного. Там Его святилище возвышается в неизреченном свете и идеальной красоте. Там отдыхают на лоне бесконечной любви все те, которые, как ты, боролись за правду. Там Бог царствует, окруженный бесчисленным множеством своих поклонников. Закрой твои очи, утомленный странник!.. Ты опять их откроешь в сиянии света, в небесном Ханаане, в святом Сионе, в |горних обителях Иерусалима!

Наконец, братия, если Бог отказывает нам, как Моисею, в исполнении наших желаний на земле, то это делается для того, чтобы наше сердце принадлежало и отдалось ему без возврата.

Я слышу протесты... Вы мне без сомнения ответите: «Да, святость, вера могут приучить себя к этой суровой школе. Но не может ли охладеть при этом любовь к Богу? Разве мы любили бы Его меньше, если бы Он оставил нам эти сокровища, которые Его ревнивая рука так скоро у нас отняла? Разве мы любили бы Его меньше, если бы могли ежедневно благодарить Его за эти радости и за эти привязанности, которых Он нас так безжалостно лишил? Разве мы любили бы Его меньше, если бы наше сердце вместо того, чтобы горестно сжиматься, могло биться свободно в полной уверенности счастья? Если бы нам возвратили то, что мы потеряли, если бы усопшие могли выйти из могил и явиться к нам, если бы наша молодость, наша жизнь, наши надежды могли возродиться вновь; о, тогда у нас не было бы слов, чтобы выразить Ему нашу признательность и любовь». Я вас понимаю, братья, но будьте осторожны. Скажите мне, где была эта признательность, эта любовь, когда вы владели всеми этими сокровищами, когда ваша жизнь была счастлива? Отвечайте мне! Где была тогда эта жизнь, посвященная Богу, от которого вы все получили? Где были эти молитвы, это смелое признание вашей веры и великих надежд, эти жертвы, приносимые с радостью? Какое место тогда занимал Бог в ваших думах, в ваших мечтах о будущем?

Счастливые и упоенные радостями, думали ли вы о том, что вы забыли Бога, что он был для вас чужой? Думали ли вы о Его забытом деле, о Его Евангелии, подвергавшемся нападкам, о Его церкви слабой и разделенной? Думали ли вы об этих тысячах душ, стонущих под гнетом невежества, бедности и греха? Слушали ли вы эти крики скорбей, которые беспрестанно поднимаются к Богу со всех сторон? Жаждали ли вы мира, в котором царила бы справедливость? Нет, чтобы все это открыть, вам нужна была скорбь. Несправедливость, добираясь до вас, проникая вас своими острыми стрелами, дала вам понять, что на земле испытывают те, кого притесняют. Ваш траур заставил вас испытать новую и глубокую симпатию к тем, жилища которых опустошила смерть. Болезнь заставила вас призадуматься над испытаниями и искушениями, которых не знают при жизни, полной сил. Ваши унижения, тайный стыд заставили вас угадывать скрытые страдания, которые боялись света. Чем больше отвращения внушали вам зло, грех, страдание, тем полнее понимали вы, что в одном Боге находится убежище, утешение, спасение; тем более ваше сердце Его искало, тем более вы Его любили и чувствовали истину возвания Апостола: «К кому мы можем прибегнуть, кроме Тебя?»

Мы видели, братья, как воспитывает нас Бог, как Он приготовляет нас к обетованной земле, которая не в этом мире, а на небе. Счастлив тот, кто не ждет испытаний, чтобы туда направить свой путь; но счастлив также и тот, узы которого развязали испытания и который направился к своему небесному отечеству. Участники в общем труде! Направимся туда вместе... Господь нас поведет и если Он дает бодрость сильным, то Он имеет также и для более слабых бесконечную нежность и неистощимое терпение... В дорогу! Обетованная земля открыта пред нами. Христос, своими страданиями и смертью, завоевал нам ее... Он нас туда призывает. Идите вы, кого земля обманула, идите к Богу, который вас не обманет, идите, и да будет нам всем дано, собравшись в истинном нашем отечестве, присоединиться к искупленным всех веков и соединиться навсегда в общении со Всесвятым Богом.

СОЛЬ ЗЕМЛИ

«Вы соль земли»
(Мф 5:43)

Братья! Евангелие полно чудесных слов, которые нас не удивляют только потому, что мы к ним привыкли. Таковы и слова мною приведенные. Представьте себе, что бы подумал мудрец мира сего, если бы он увидел учеников, к которым обращал эти слова Иисус Христос? Соль земли! Эти Галилеяне, необразованный ум которых был чужд понятий о высших предметах, эти мытари и рыбаки, эти бедняки, говорившие на языке малоизвестном, эти люди, ревность которых так часто должна была слабеть в виду малейшего препятствия и, наконец пред крестом их Учителя перейти в такое малодушие? Они! – Соль земли!

Между тем эти слова – истина. Теперь, хотя или нехотя, необходимо с этим согласиться. Бросьте взгляд на карту всего земного шара! Где нравственная жизнь, прогресс, надежда, цивилизация, свобода, наконец, будущее? Там, где пронеслось слово этих Галилеян, где оно вошло в ум и в сердце народов. Да, настоящий мир всем, что в нем есть лучшего, обязан этой горсти людей: они наши учителя и мы живем их наследством. Наши верования и нравы проникнуты их влиянием. В то время, когда древний мир развращался и разлагался все более и более, так что в апогее своей цивилизации был не более как трупом, разложившиеся элементы которого рассыпались прахом, в обществах христианских является скрытая жизненная сила, которая противостоит всему и которая после 18 веков на все распространяет свое победоносное влияние. Вера этих Галилеян так смешалась с нашею жизнью, что вы более не можете их разделить. Она в наших законах, и их преобразует и совершенствует; она в наших нравах и их спасает от порчи, которою хотело бы их заразить современное язычество; она в нашей семейной жизни, в нежном и святом уважении, которым окружены супруга христианина и его дитя; она в наших чистых радостях, которых не заклеил эгоизм; она в сочувствии, постоянно увеличивающемся в пользу бедных и обездоленных на земле; она в утешении распространяемом Евангелием на наши страдания; она в словах жизни и не умирающей надежды, которые мы пишем на могилах наших усопших; она в нашей совести, возмущающейся несправедливостями и мерзостями, которые без христианства были бы для нас нечувствительны; она, наконец, в благородном негодовании, вырывающемся у неверующего при виде гнусностей христиан; она везде, и Учитель сказал истину, обращаясь к своим ученикам: «вы – соль земли».

Эти слова Спасителя заключают в себе простое и поразительное изображение влияния, которое христиане должны оказывать на весь мир. Какого рода это влияние и каким образом мы должны его оказывать?

Есть два способа действия на людей: внешний, посредством материального или нравственного принуждения, и внутренний, посредством убеждения. Который принят Христом? Он не сказал ни одного слова, которое указывало бы, что он хотел опираться на силу. Своим божественным взором Он проникал будущее; Он предвещал антипатию, презрение, преследования, ненависть, которые возбудит Евангелие. Но он говорил в то же самое время, что истина положенная в землю, как горничное зерно, делается большим деревом, под тенью которого некогда народы найдут себе убежище. Он вложил в 12 человек истину, которой Он обладал; Он вдохновил их своим духом и, посылая их на завоевание мира, сказал им: «вы соль земли». Так основалась церковь. Так по истечении трех веков крест был водружен во всех концах известного тогда мира.

Но церковь западная утомилась этой медленной работой. Забывая, что ее Учитель велел ей убеждать мир посредством истины, она захотела его подчинить, господствуя над ним, она потребовала царства внешнего, которое Христос отверг в день Своего искушения. Она добилась этого господства посредством разных хитростей, преследований^{vi}. Есть люди, которые говорят, что церковь сама никогда не угнетала душ, что эта ответственность должна падать на светское правительство. Но так рассуждать – значит, удовлетворяться странною двусмысленностью. Между властью церковною, которая предаёт палачу, и самим палачом такое же расстояние, какое отделяет голову мыслящую

от руки бьющей, и более ненавистна голова, желающая и требующая убийства, чем рука, его совершающая.

Западная церковь хотела господствовать силой, она хотела осуществить всемирную теократию. Я понимаю, что было великого в этой мечте. Я знаю, что она таким образом хотела спасти души; я знаю, что она говорила этому миру: «повинуйся мне; я твоя мать». Но мир задрожал от ужаса, когда увидел руки этой матери замаранными кровью ее заблудших детей^{vii}. Она таким образом надеялась обеспечить себе господство над народами. Конечно, ее не оправдал бы и успех. Но успела ли она в этом? Этому могли верить в то время, когда она подавляла ереси и заставляла преклонившиеся пред нею народы молчаливо слушать голос католического единства. Но не замечали того, что с этого времени распространение миссионерской проповеди, которое отличает времена первобытного христианства, вдруг остановилось, что к концу средних веков христианская церковь видела, как постепенно гасли средоточия света и жизни, называемые именами Карфагена, Александрии, Иерусалима, Антиохии, Ефеса, Константинополя, Афин. Не замечали, что третья часть ее территории ускользнула от нее еще до Реформации. Не замечают и доселе, что среди племен, долее других подвергавшихся ярму искусственного единства, современное неверие производит наибольшее опустошение и возбуждает против христианства наиболее горячую вражду. Вот что получила Западная церковь, захотевши властвовать над людьми силой, вместо того, чтобы проникать в их душу. Позвольте мне противопоставить этому зрелищу другое. 250 лет тому назад горсть беглецов высадила на утес Новой Англии. Они пришли туда искать уголка земли, где бы могли мирно молиться Богу. Здесь в пустыне, среди всевозможных лишений, они воздвигли убежище в мире для совести, освобожденной от ига людей. Они постепенно возрастали. В этом новом обществе не было ничего принудительного, кроме христианской веры, действующей своими собственными добродетелями. Ничего не было, кроме соли земли, проникающей в совесть людей. В настоящее время нация, которую основали эти беглецы, представляет нам величественное зрелище, пред которым с удивлением останавливаются и католики, и протестанты. Мы видим громадный народ, добровольно склоняющийся под десницу Божию. Мы видим христианскую веру, чистосердечно, открыто исповедуемую самыми знаменитыми вождями, судьями и воинами, которые, в своих прокламациях к сенату и к войску, провозглашают живого Бога и его присутствие в жизни человечества, говорят о своем раскаянии и смирении, соединяются в общей молитве и могут окончить гигантскую борьбу без призыва к мщению, без посягательства на свободу.

Таким образом вера, соединенная с христианскою жизнью, действуя посредством одной души на другую и проникая в мир, основывает здесь царствие Божие. Это единственное действительное средство и притом единственное, которое мы теперь имеем в своих руках. Я знаю, что многие верующие со вздохами обращают свои взоры на прошлое и мечтают о возвращении для церкви прежних привилегий и прерогатив, которые снова обеспечили бы ей господство над душами^{viii}. Бесполезные сожаления! Это время прошло невозвратно! Современное общество больше не хочет внешнего ярма церкви.

Для меня удивительно, что вера может смущаться таким фактом. Ваша вера колеблется тем, что церковь опять поставлена в те условия, в которых ее основал Христос, что вместо того, чтобы влиять на мир в виде учреждения политического, она должна действовать в своих недрах, как соль земли. Ваша вера колеблется оттого, что вы не можете добиться господства, которое покоилось бы только на поддельном и лицемерном уважении. Устремите ваши взоры выше и вместо того, чтобы со вздохами просить у этого мира могущества, внешней власти, в которой он вам отказывает, ищите у Главы церкви тайны той силы невидимой и духовной, которая одна лишь может победить мир. Итак, христиане должны оказывать на мир духовное влияние и притом личное, т. е. каждый верующий должен его оказывать. Прошу обратить особенное внимание на эту

последнюю мысль. В нашей стране (Франция) нельзя не поражаться склонностью всех слагать с себя религиозную ответственность на какую-нибудь систему, или на какое-нибудь учреждение. Но никакое учреждение, никакая система не может исполнить миссии, к которой угодно было Богу призвать нас. Это страшно для нашей слабости, но это так на самом деле. Ему было угодно, чтобы истина, воплотившаяся в Его Сыне, воплотилась также в известной мере в каждом христианине, чтобы обратилась в жизнь и таким образом, переходя из сердца в сердце, она обратила весь мир. Христианство будет тем, чем будете вы сами. Напрасно стали бы вы избегать этой торжественной ответственности, напрасно стали бы возлагать ее на других: никто не имеет права взять ее от вас, и вы не имеете права от нее отказаться. Напрасно светские люди захотели бы возлагать ее на нас, служителей церкви. Здесь прилагаются слова апостола, что всякий понесет свою тяготу. Чтобы вы ни делали, вы должны быть солью земли, и будущее истины в этом мире зависит от каждого из вас.

Каким образом можно оказывать на мир это влияние?

Чтобы действовать духовно на других, мы имеем два средства: слово устное или письменное и самую нашу жизнь.

Каким могуществом обладает человеческое слово! Св. Иоанн дает имя Слова самому Сыну Божию. Итак, нужно, чтобы наше слово было так проникнуто духом Евангелия, чтобы оно в самом себе заключало добродетель. Так ли вы думаете? Увы! Я знаю, что для большей части тех, которые меня слушают, достаточно, чтобы христианское слово раздавалось с высоты кафедр и что они особенно отсюда ожидают распространения истины. Действительно, когда проповедь проникнута солью Евангелия, когда она достигает до совести людей и их приводит в трепет, когда она волнует и трогает сердца, когда она дает нам возможность видеть невидимый мир, – она поистине есть обоюдоострый меч, о котором говорится в Писании. Будет ли эта проповедь необработанна и неискусна, груба и неловка, но исходя из убежденного сердца с этой неподражаемой силой власти, которую дает христианская вера, она есть могущество, которое в силах преобразовать весь мир. Но без стеснения в сердце нельзя подумать о том, чем эта проповедь делается, когда соль Евангелия потеряла свою силу. На эту кафедру, приготовленную христианской верой, выходит человек, который вместо того, чтобы взирать на Бога, его посылающего, думает только о своих слушателях; вместо того, чтобы думать о своем посольстве, думает только об идеях своего века, которому он хочет нравиться; вместо того, чтобы тревожить людскую совесть, думает только как бы ее успокоить. Когда говорят о нем, что он имел успех и что он популярен, то думают, что ему воздают должную похвалу. Но святой Павел был ли популярен, когда его голос тревожил грешников и стыдил мудрецов? Но Христос был ли популярен, когда Он видел, что толпы удаляются от Него с ропотом? Сохрани Боже от так понимаемой популярности! Нет! мы должны узнавать истинную проповедь не по этому, а по тому характеру, который кратко, но верно обозначил король, привыкший к низкому ласкательству придворных проповедников. Одному монаху, который проповедовал Евангелие без слабости, Людовик XIV однажды сказал: «Отец мой! когда я слышу других, я доволен их речами; когда я слышу вас, я не доволен самим собою». Он был прав и хорошо бы было, если бы он не слышал других проповедей! Хорошо бы было, если бы он, вразумленный касательно своей чудовищной гордости, избавил Францию от позорного зрелища жестоких преследований искренних христиан ханжами и лицемерами! Хорошо бы было также, если бы мы, в свою очередь, отпустили вас отсюда недовольными вами самими; если бы мы настолько тронули ваши сердца, чтобы вы вышли отсюда с беспокойством, может быть даже с раздражением, но по крайней мере с серьезной мыслию.

Но не будем обманываться; проповедь, как бы она ни была истинна, никогда не будет достаточной для распространения Евангелия. Что касается до меня, то я с большою

сознаюсь, что я поражен ее бессилием. Подумайте только о том, сколько на наших кафедрах тратится убеждения, усилий, мыслей и слов, и вы увидите, как мало от них результатов... Отчего это? Конечно, привычки, и особенно от этой идеи, вкоренившейся между нами, что язык кафедры более или менее язык условный. Кафедра, говорят нам, принимает на себя все. Поэтому никто не удивляется, что отсюда я общих выражениях веду борьбу с неверием, с светской суетностью, с необходимостью обращения и раскаяния. Напротив, этого ожидают, требуют, и как неверующий, к и светский человек находят это совершенно естественным. Они знают заранее, это будет так, и выслушавши нас и произнесши свое суждение о нашей речи, они находят также совершенно естественным, у самых дверей церкви, вновь возвратиться к своему прежнему легкомыслию, к своим пустым разговорам и к своей светской суетности. Напрасно мы будем употреблять все свои старания, чтобы убедить их переменить их образ жизни. Они скажут, может быть, что проповедь была очень трогательна, но ни на одну минуту не задумаются, что здесь дело идет об них самих, о их собственном спасении, о их вечной будущности. Напротив того, хотите видеть слово, которое действует, двигает и не остается без последствий? Войдите за эту решетку, посмотрите на этого адвоката, который, может быть, без убеждения, отстаивает пред судом дело, связанное с большими интересами. Посмотрите, как внимательно слушает его клиент, как блестят его глаза, как вытягиваются черты его лица; вся его фигура выражает беспокойство, с которым он следит за ходом своего дела. Это потому, что с окончанием этой тяжбы он получит богатое наследство. Этот наследник, которого поглощает одна страсть, думает ли он хоть, одну минуту о внешней форме речи, которую он слушает, об ее литературных достоинствах, о повышении голоса, о счастливых оборотах своего адвоката? Он весьма мало заботится об этом. Он хочет только, чтобы к нему был благосклонен закон, чтобы его дело было выиграно. «Его дело», – слышите ли вы? Да, дело о нарушенном праве, о неправильном присуждении наследства, о богатстве, от которого зависит его счастье. К несчастью, когда мы говорим вам о небесном наследстве, о спасении вашей души и о непреложном приговоре Праведного Судии, вы слушаете наши слова с большим или меньшим вниманием или любопытством, вы резюмируете свои суждения о нашей проповеди и, как будто бы дело идет о какой-нибудь академической речи, вы объявляете, что, принимая все во внимание, беседа была слаба, или что она была интересна. Вот почему, братия, безрассудно ожидать от одной проповеди распространения истины. Но знаете ли вы средство сделать эти же самые истины действительными и могучими? Это дать их услышать не в церкви, а в другом месте. Попробуйте это и вы увидите, потеряла ли свою силу соль Евангелия. Представим, что вы, молодой человек, находитесь в кругу людей вашего возраста, занятых теми же работами, как и вы. Между ними разбираются все живые вопросы дня с смелостью и беспристрастием юности, которая не отступает ни пред какой задачей. Скоро разговор обращается на религию. Все, во что вы веруете, все, что здесь мы проповедуем, оспаривается, разбирается, подвергается нападению, обращается, может быть, в смешное. Вы страдаете, мучитесь, но молчите. Да, удивительно, как люди малодушны, когда дело идет о том, чтобы высказать свои религиозные убеждения. Эти же самые люди, которые, не бледнея, встретят смерть, горячо и не боясь насмешек будут отстаивать свои политические убеждения, здесь являются робкими, малодушными, дрожащими, как бы не встретить самой легкой насмешки. Если бы дело шло только о том, чтобы высказаться за какую-нибудь религиозную партию, признать или нет светскую власть папы, подать голоса с ортодоксальными, или с либералами, – тут не встретилось бы затруднения. Но открыть свое сердце, высказать то, во что веруют в своей интимной и скрытой от всех жизни, говорить о Боге, на которого надеются, вот что кажется невозможным. Странная склонность, которую во Франции еще поддерживает идея, всюду распространенная, что делами веры должно заниматься духовенство. Между тем если бы, презирая это

малодушие, вы осмелились говорить, если бы без экзальтации, и голосом мужественным, твердым и искренним исповедали свою веру и свои надежды, я уверен, что тут было бы нечто более убедительное, чем во всех наших речах. Положим, ваши убеждения были бы отвергнуты или осмеяны, но вы возбудили бы в уме своих слушателей чувство уважения, в котором они не могли бы вам отказать, и может быть, не сознаваясь в этом, они поняли бы все то, что есть великого и сильного в этой вере, которая, проходя через наши ораторские приемы, едва успевает их тронуть.

Да, братия! Слово, таким образом употребленное на служение истине, великая сила и истинная соль земли! Знаете ли, до чего простирается его таинственное действие? Как многими сердцами оно может овладеть? История нам открывает на каждой странице необыкновенное влияние слов, произнесенных, может быть, в тайне, но которые, проникнув в сердце, сделались там зародышем обновленной жизни. В египетских гробницах нашли хлебные зерна, вложенные в руку умершего 3000 лет назад. Их бросили в землю, и, удивительное дело, они дали ростки, и из них вышли великолепные колосья. 30 веков, пронесшихся над этим семенем, спрятанным во мраке могилы, не могли заглушить этой удивительной жизненности. И вы думаете, что Бог, вложивший в материю такую силу жизни, допустит погибнуть в ничтожестве слова своей веры, надежды и любви, которые вы сеете на обширной ниве всего мира? Не заблуждайтесь: они не могут умереть. Они также дадут ростки в глубинах, их скрывающих. Христиане, говорящие во имя живого Бога! Вы соль земли.

Но что значит слово без дела? Какое оно может иметь влияние, не служа выражением нашей жизни? К чести христианства, оно не может распространяться, не будучи осуществляемо теми, кто его возвещает. Чтобы соль Евангелия сообщилась другим, нужно, чтобы она прежде проникла нас самих. Другие дела могут достигнуть успеха, будучи ведены риториками, искусниками в красноречии; дело Евангелия не может идти таким путем. Предположите, что церковь обладает самыми сильными ораторами, самыми искусными апологетами, самыми глубокими мыслителями. Если эта церковь не имеет святости, она останется без влияния.

В последнее столетие мы видели поразительный пример. Я не знаю, обладала ли католическая церковь в какой-нибудь период своей истории и в какой-нибудь стране собранием более великих умов и более высоких гениев, как это было около 1700 года. В какое другое время можно было слышать по очереди в церквях Парижа таких проповедников, как Боссюет, Фенелон, Массильон, Бурдалу, из которых каждый, в отдельности, мог прославить свою эпоху? Глубина мысли, изящество выражения, сила логики, пронизательность, убеждение, ясность, прелесть, поэзия – тут было все. Конечно, если когда-нибудь человеческое слово могло казаться действительным, то это именно тогда, и между тем 30 лет спустя, Франция развращенная регентством, принадлежала Вольтеру и с 18 веком дело было покончено: он погиб. Если наше отечество видело это глубокое и безнадежное падение, то это потому, что в церковь, которая производила этих великих проповедников, проникли распущенность, продажность, разврат. Это потому, что, несмотря на Паскаля, казуистика господствовала над совестью людей, что глухое лицемерие тайно подкапывалось под основы церкви, что неверие быстро завладело самим духовенством, так что когда философия, как буря, налетела на Францию, она не встретила никакой стены, которая бы могла ее остановить... Как жаль, что рядом с этой блестящей плеядой талантливых умов, гениев мы не имели церкви смиренной, живучей, верной, проникнутой духом Божиим, которая была бы для нас солью земли!

Итак, наша жизнь оказывает более жгучее влияние, чем наше слово. Действие слова перемежается, действие жизни постоянно. Что значит могущество перемежающееся рядом с силой постоянной? Что значит порыв самой сильной бури рядом с этим законом морских приливов, который ежедневно и бесконечно двигает целый океан, то опуская его вниз, то поднимая вверх? Что значит порывистая сила, которая, бросает к небу

воспламененную лаву вулкана рядом с силой тяготения, которая притягивает к центру все элементы материи? Точно также, что значат наши слова, наши молитвы, самые живые излияния нашего благочестия рядом с этой спокойной и молчаливой проповедью нашей ежедневной жизни?

Это не все. Влияние нашей жизни произвольно и потому оно сильно. Действительно, не будем обманываться. Мы больше успеваем не тогда, когда хотим действовать на других; напротив, другие, видя это намерение, делают осторожнее. Они вооружаются против нас мрачным недоверием и запирают доступ в свои сердца. Но как избежать влияния жизни, которая ежечасно, ежеминутно, плодами, ею приносимыми, обнаруживает чувство, ее одушевляющее? Не замечаете ли вы, что она под всеми формами и всеми способами проникает в умы, оставляя там влияние, которого ничто не может изгладить, так что, если бы вы спросили: какое самое могучее и действительное средство для распространения спасительной истины, я был бы принужден вам ответить, что это — полное ее осуществление в жизни.

Кроме того, не все имеют способность хорошо говорить. Но покажите мне христианина, который бы не мог по-своему действовать на мир своею жизнью. Эту миссию выполняет человек, который громко протестует против неправды и будит как бы ударами грома совесть своих современников. Но эту миссию исполняет также и бедная сиделка, которая в больничных палатах, дыша смертоносным воздухом, бодрствует над больными, пожираемыми эпидемией. Эту миссию исполняет миссионер, который, удалившись от всего, что могло любить его сердце и пред лицом тупого и мрачного неверия, молится, проповедует, ожидает и прославляет Бога своим терпением более, чем другие своим мученичеством. Эту же миссию выполняет и молодой человек, который при вступлении на блестящую карьеру, вынуждаемый участвовать в бесчестном деле, разбивает свою будущность и молча обращается для своего ежедневного пропитания к тяжелому труду. Эту миссию исполняет также ученый, писатель, который неутомимо до седых волос употребляет все свои силы для того, чтобы защищать убеждения, которыми живет его душа. Ее же исполняет молодая девушка, которая в том возрасте, когда ее призывает свет, предлагая ей самые обольстительные приманки, противится ему, избирает жизнь полную преданности и самоотвержения в пользу ближнего, и представляет нам чистый образ грации и красоты, украшенных небесным отблеском. Эту же миссию исполняет человек, который получив от Бога громадные средства, постоянно и ревностно их посвящает делам веры и милосердия. Ее исполняет также больной, который на одре страданий, будучи неспособен действовать, живя, может быть, одной милостью, служит Богу без ропота, покорно склоняя свою голову под Его отеческую десницу и своими трогательными восторгами признательности учит нас краснеть за нашу собственную неблагодарность...

Да! все эти дела, видимые или тайные, все эти жертвы, известные или неизвестные, все эти страдания, все эти самоотвержения, все это поддерживает церковь, распространяет истину, спасает мир. Уничтожьте это, и что у вас останется против силы зла? Какую силу, какое сопротивление можете вы ему противопоставить? Чтобы сделалось с нами без этого постоянного действия святости, христианского милосердия, которое ежедневно, ежечасно заставляет проникать в церковь и во весь мир обновленную жизнь? Чем был бы океан, если бы его воды, потеряв свой соленый вкус, сделались пресными, безвкусными, тошнотворными и оставляли на наших берегах, после каждого прилива, миазмы, распространяющие смерть? Что сделалось бы с обществом, лишенным соли Евангелия? Что сделалось бы с этой блестящей цивилизацией, которая носит в себе столько элементов скептицизма и разложения? Взгляните на древний мир после 40 веков, издыхающий в тине деспотизма и неопisanного разложения.

И отсюда-то выходит с новым могуществом то, что я говорил о человеческом слове: слово истины, говорил я, — не может погибнуть. Но думаете ли вы, что дело веры,

милосердия может когда-нибудь погибнуть? Нет, братия, оно входит в эту безмерную область добра, которая увеличивается и укрепляется всеми нашими преданностями, всеми молитвами, всеми нашими самопожертвованиями. Даже неведомое и не признаваемое оно служит к тому, чтобы приближать царствие Божие на землю. Всякий подвиг самоотвержения, милосердия для церкви есть победа, а для царства зла – поражение. Всякое самопожертвование, которое внушает вера, делает более верным торжество истины. Несколько недель назад английский корабль тонул недалеко от наших берегов, увлекая с собою в бездны океана более 200 человеческих существ. Но на этом корабле, среди этой ужасной сцены и при шуме бури, слышался голос молитвы. Божественное слово раздавалось со всею торжественностью. В последнюю минуту, когда отвязывали от борта единственную остававшуюся шлюпку, видели героическое зрелище: погибающие уступали ее другим, жизнь которых считали более полезною, и, когда шлюпка удалась, видели на палубе корабля^{ix}, который уже погружался в волны, жену миссионера, которая сняла с себя плащ и бросила отъезжающим на шлюпке для того, чтобы он мог предохранить от холода одного из тех, которые должны были ее пережить... Этот трогательный и высокий подвиг любви христианской умрет ли он погребенный под волнами океана, покрывающими тела этих несчастных? Нет, я вам говорю, он для нас останется вечно живым. Он войдет в эту чудную историю, где вписываются все самопожертвования, которые вызвал на земле дух Христа, он сольется с этой непрестанной борьбой, которую христианская любовь ведет с эгоизмом. Он будет служить гораздо больше, чем наши слова, прогрессу истины.

Я только что показал действие, которое должна производить вокруг себя вся христианская жизнь. Узнали ли вы себя в этой картине и оказываете ли вы это проницающее влияние на окружающих вас?

Напрасно обвиняют суровое благочестие, которое чуждается соприкосновения с людьми и даже удаляется от жизни общественной, и не допускает возможности святости нигде, кроме кружка, в котором оно запирается. Говорят, что христианин должен разделять понятия своих современников и что нет ни одной сферы человеческой деятельности, в политике, в науке, в искусстве и в литературе, куда бы не могла проникать религия. Каким образом неиспорченное сердце не обрадовалось бы увидеть все эти пути его ожидающие? С радостью оно туда входит; но удастся ли ему проникнуть мир духом Христа? Вот вопрос. Если же ему придется утратить строгий характер благочестия и обратиться к идеям, чувствам и языку, царствующим в мире, – то лучше бы было для него уединение; потому что уединение, несмотря на то, что оно имеет в себе, мрачного и странного, все-таки есть сила. Удаляясь от людей, можно на них действовать более сильно, чем думают. Мы жалуемся на редкость личных убеждений и сильных характеров. Такие убеждения и характеры не приобретаются среди мира. Не на краю дороги, не в пыли наших общественных садов, вы увидите дуб, возвышающий к небу свой гигантский ствол и бросающий во все стороны свои могучие ветви. Точно также не в изнеженной атмосфере светских кружков вы увидите мужественные души, способные желать и действовать. Самые великие пророки жили в пустыне. Точно также, желающие быть проповедниками истины должны знать нравственное уединение. Самое лучшее общество нас ослабляет и постепенно уничтожает силу нервов. Сами того не замечая, мы входим в постоянные сделки с чужими мнениями. Мы часто приносим им в жертву то, что имеем лучшего, ту долю истины, которую мы призваны внести в мир. Я решаюсь утверждать, что религиозное общество может сделаться нездоровым, если душа не может сосредоточиться пред Богом. Живя в мире, легко увлекаются господствующими идеями, предрассудками, несправедливостями по отношению людям и вещам. Живя в мире, можно надевать всякую маску благочестия, какая только находится в моде.

Итак, что может выйти, если христианин неблагоразумно предается общению с теми, и которые чужды его вере и его надеждам? Безрассудный! Он не замечает, что в этом

опасном общении он может все потерять и .ничего не выиграть! Действительно, посмотрите, с какой быстротой мир успеваеt отнять у него убеждения, составляющие его силу. Он для этого употребляет все: угрозы, месть, обещания, застрачивания и вот – наступает день, когда соль теряет свою силу и когда с грустью спрашиваешь, приобретет ли она ее когда-нибудь. Сколько жизней христианских, некогда полных самой сильной горячности, имели этот жалкий конец! Напрасно теперь они хотели бы действовать для Бога: они не могут этого сделать. Мир запутывает их более и более; он их порабощает, парализует. Не ждите от этих душ никакой благородной преданности. Милосердие делается для них все более и более чуждым, самопожертвование все более и более невозможным и служение Богу для них более не представляет привлекательности. Господи! спаси нас от такого конца и, вложив в наши сердца спасительную истину, дай нам быть до гроба верными и твердыми ее свидетелями!

БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ.

«Некоторый человек был богат; одевался в порфиру и виссон, и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях»
(Лк 16:19-20)

Братья! Не поражает ли вас контраст, заключающийся в этих простых словах? Прошло 18 веков с тех пор, как они произнесены, а между тем утратили ли они что-нибудь из своей сущности? Богатство и бедность точно также существуют теперь, как они существовали тогда, и их борьба между собой составляет из всех общественных вопросов самый важный, самый трудный, самый мрачный и наиболее грозный для будущего. Нет недостатка в проектах решения этой страшной задачи. «Не нужно богатых», говорят одни, и мы слышали, как толпы повторяли этот безумный крик. «Не нужно богачей! уничтожим избыток, уьем капитал, избавимся от права наследства». Но говорящие так не замечали, что они смертельно поражают свободу, а с нею энергию, а с энергией и самый труд, оставляя только равенство дикарей, которые, ничего не собирая назавтра, беспечно засыпают до тех пор, пока голод не принудит их искать новой добычи. «Не должно быть бедных», кричали в настоящее столетие другие голоса, и страшное эхо им отвечивало: «не должно быть бедных». Хорошо было бы, если бы этот крик оставался одним желанием, одним порывом любви. Но из него делали девиз и обещание. Одни говорили при этом, что государство» должно для всех обеспечить работу, другие – что государство будет питать бедного. Но, говоря так, не видели, что дают государству роль невозможную, что созидают утопию самую искусственную и самую тираническую; не видели, что они плохо знают человеческую природу, потому что приказывать, чтобы более не было бедности, все равно, что приказывать, чтобы не было лени, пороков, страстей, греха.

Между тем, как эти теории сменяли одна другую, сбивая с толку обманчивыми мечтами толпы, которые они должны были оставить без утешения и без хлеба, зло продолжало свой медленный и роковой ход вперед. Легко сказать: не должно быть ни богатых, ни бедных! Но попробуйте побывать теперь в Англии, в этой классической стране филантропии и политической экономии. Там вы увидите рядом с колоссальным богатством, собранным из всех концов света, бедность неописанную, которая, ежедневно выставляя на вид свою дикуую безнравственность, на ночь прячется в трущобы, о которых один сострадательный человек их посещавший недавно говорил в прекрасной статье, что один только Содом мог приютить подобные мерзости... Вот где мы очутились во второй половине 19 столетия.

Бедный и богатый точно также существуют теперь, как в словах приведенного мною текста, и если обилие средств первого увеличилось вследствие прогресса цивилизации 18-ти веков, то бедность второго так же существенна, так же сочтется кровью, как и прежде. Какое врачевание нужно для этого общественного зла? Я не берусь решать этого вопроса. Я не хочу исследовать разные системы. Я беру человечество, как оно есть. Я вижу перед собой богатых и бедных; они будут и завтра, как были вчера. Во имя Евангелия я хочу еще раз напомнить обязанности первых, по отношению ко вторым. Я согласен, что предмет этот не нов, так же как и страдание. Я буду говорить о том, что вы вероятно слышали сотни раз. Но что же делать? Я вам обещаю, братия, не говорить ни о милосердии, ни о пожертвованиях, как только умрет эгоизм.

Итак, вот Лазарь, распростертый у дверей богатого. Прежде всего я требую, чтобы богатый взглянул на Лазаря. Под богатыми я разумею всех тех, которые имеют под своею властью какого-нибудь Лазаря, всех тех, которые могут ему помочь и облегчить его страдания.

Взглянуть на Лазаря! Но поймите меня хорошенько. Здесь идет дело не о том, чтобы, проходя мимо, тронуться рассказом какого-нибудь несчастного, бросить ему какую-нибудь милостыню, сыграть известную роль в каком-нибудь благотворительном деле и, таким образом, облегчивши свою совесть, утешаться разглагольствием, что нынешний век есть век благотворительности и великодушия. Здесь дело идет о том, чтобы видеть страдание лицом к лицу и его узнать. Вот что я называю: взглянуть на Лазаря. Делают ли это? Наш век есть век разных систем благотворительности, разных обществ, учреждений. Великий прогресс, скажут нам. Действительно так; но этот прогресс губительный, если он будет мешать непосредственному соприкосновению богатого с бедным, счастливого с несчастным, что Евангелие предписывает на каждой странице и что не может быть заменено никаким учреждением.

Нам могут ответить, что для таких отношений нет времени. Теперь на всех поприщах жизнь становится более и более похожей на скорый марш. Каждый хочет дойти до цели первый. Каждое поприще загромождается конкурентами; вновь приходящие нетерпеливо толкают друг друга и хотят найти себе место. Это настоящая борьба, толкотня, чрез которую необходимо продираться вперед: иначе можно быть раздавленным. Никогда может быть с тех пор, как работает человек, работа не была более напряженною и подавляющею. Теперь уже не идут, а бегут. Беда тому, кто остановится вздохнуть подольше... Но разве эта обязанность до такой степени стесняет жизнь? Я спрашиваю это у тех, которым Бог дал несколько довольства и счастья. Правда ли, что у вас совершенно нет свободного времени? Притом в обществе, где царствует, я уже не говорю, дух христианства, но простой справедливости, неужели вы думаете, что свободное время людей достаточных не принадлежит по воле Провидения тем беднякам, которые поглощены ежедневной работой? Какую же часть своего свободного времени уделяете вы Лазарю, т. е. бедности, страданию! Досуг, таким образом употребляемый, есть великая миссия, великое благодеяние и для несчастных и для вас самих. Посмотрим же на вашу деятельность! Мы, малые земли, которых угнетает работа, которых забота о куске хлеба привязывает к нашему месту, положимся на вас, которым Бог дал привилегированную долю между всеми. Увы! Так рассчитывать можно было бы только тогда, когда не было бы честолюбия, эгоизма, светской суетности, которые завладевают этим свободным временем и всецело его поглощают.

Я возьму пример из класса, который находится в постоянном соприкосновении с страданиями народа и не может оправдываться ссылкой на то, что их не знает.

Вот большой богатый фабрикант. В его мастерских рабочие считаются тысячами. Все эти руки, все воли, все эти энергии принадлежат ему и с утра до вечера ему повинуются. Он сумел дисциплинировать эти производительные силы и своими опытами и ловкостью заставить их доставлять ему все, на что они способны. Но в этих мастерских страдают;

воздух там нездоровый, лица бледные и чахлые; мужчины и женщины работают вместе; нравственная атмосфера заражена всевозможными пороками. У ученика нет отдыха даже в воскресенье, тогда как даже по закону он имеет на это право. И вот он, согнутый над машинами, отупелый от ранней работы и без отдыха, более и более лишаящийся религиозной и нравственной жизни, чахнет, пораженный порчей крови и рахитизмом телесным и духовным.

Но почему этот человек, на котором ложится такая тяжелая ответственность, будучи душой и главой промышленного предприятия, холодно проходит мимо этих страданий, которые ему ничего не стоило бы облегчать, лишь бы только он захотел на минуту приложить эту верность взгляда, эту решимость в действиях, которые он вносит в свои предприятия? Ему некогда! Разве вы не видите, что его поглощает, что бороздит у него на лбу морщины, что наполняет его сердце и мысли? Там пред ним эти соперники, которых он должен обогнать; эти состояния, колоссальная цифра которых, кажется, насмехается над его цифрой, эти богатства, этот блеск, которые волнуются пред его воображением. Их надобно достигнуть, а для этого надобно еще идти, бежать вперед, не теряя ни одной минуты.

Но у этого человека есть жена, есть дочери христианки, способные тронуться несчастьем и подумать об этих тысячах существ, существование и счастье которых так тесно связаны с его собственным благополучием. У них благочестивая душа и чувствительное сердце. Они сотни раз плакали при трогательных рассказах о выдуманных несчастьях. Они вздыхали, как вы, об участи народа: об этих бедных детях, развращенных с позаранок и лишенных всего того, чем пользуются в изобилии наши дети. Без сомнения, они пойдут навестить эти семейства, увидят вблизи эти несчастья, протянут руку помощи этим женщинам, этим девочкам...

Увы! Мы не приняли в расчет светской суетности. Посетить Лазаря? Им! Их сердце совершенно в другом месте... Оно находится между вчерашними и завтрашними удовольствиями, между последним балом и предстоящим концертом, между воспоминаниями прошедшего сезона и туалетами сезона настоящего, между всеми этими честолюбиями, соперничествами и самолюбиями. Как же вы хотите, чтобы они нашли время подумать о том, что происходит там, в предместьях, между этими печальными и обнаженными стенами, среди этого бедного, лишенного религии и жалкого населения... В предместья они поедут когда-нибудь прокатиться на своих рысаках, гордые, разряженные, блестящие. Только в таком виде и узнает их народ. В следующее же воскресенье они будут в церкви, как и вы, мои сестры, и также как вы, будут обвинять этого богача евангельской притчи, который оставляет Лазаря страдать у дверей своего дворца.

Пойдем дальше и скажем, что всякий знает и думает. Если многие в настоящее время не хотят видеть Лазаря, то это потому, что они не чужды его бедности и что их совесть упрекает за это. Евангелие говорит нам о неправедных богатствах. Какое имя надо дать многим из них, которые воздвигаются в настоящее время? Человек предпринимает дело, о котором он знает, что оно или в самом основании дурно, или по крайней мере подвержено чрезмерным шансам неудачи. Что за важность! Он его предпринимает. А раз уже оно предпринято, надо, чтобы оно шло вперед. Средства хорошо известные представляются сами собой. Не шевеля рукой, заставляют их действовать. Скоро громадная реклама является в газетах. Самые настоятельные увещания, самые блестящие обещания в глазах людей несведущих отражаются всеми приманками прибыли легкой, быстрой и верной. Они идут, эти бедные безумцы отдать искушающей их спекуляции, один – заработок всей своей жизни, собранный в поте лица, другой – приданое и хлеб своих детей. И отчего же им придти? Кто их предупредит и просветит? Они идут в эти ловушки, и капитал, образующийся из всех этих грабежей честного труда, постоянно растет до той минуты, пока вдруг он рухнет, рассыплется. Куда теперь пойдет отыскивать

плодов своего труда бедный отец семейства, бедный слуга, 30 – 40 лет честно исполнявший свою обязанность, бедная работница, отказывавшая себе в необходимом и заботливо сберегавшая копейку на старость? Идите требовать их у камней этих пышных палат, воздвигающихся как будто бы волшебством, у всего этого блеска, ослепляющего глаза, у всех этих богатств, над которыми тяготеет проклятие Христа. Но не есть ли это игра моего воображения? Нет, действительная, надрывающая сердце история тысяч несчастных. И вы, которые меня слушаете: уверены ли вы, пред лицом Бога, вас видящего, что вы совершенно непричастны этим несправедливостям? Не способствовали ли вы им так или иначе? Старались ли вы их обессилить вашим примером и заклеить вашим негодованием? Кто может это сделать, кроме христиан? Кто может пробудить современную совесть, так легкомысленно относящуюся ко всякому злу, которое увенчивается успехом? Кто кроме христиан может напомнить, что Бог видит все страдания бедного, что он слышит стоны тех, которых обижают, и что участь дурного богача притчи гораздо лучше участи тех людей, которые, сами обнаживши Лазаря, уложили на одр отвержения.

Итак, братия, видеть Лазаря, видеть в лице его страдания, вот наша первая обязанность. Но это не все. Надобно сделать нечто больше. Надобно приблизиться к нему, чтобы он почувствовал ваше присутствие, услышал ваш голос. Недостаточно участия издали. Это участие обыкновенно обманывают, эксплуатируют, и оно обращается не на помощь действительной нужде, а на поощрение наглого порока, ловко прикрывающегося лохмотьями бедности. Ничто не может заменить прямого и личного знакомства с теми, кто страдает. Потому-то Евангелие на каждой странице убеждает нас видеть бедного, облегчать его непосредственно. И какое убеждение может быть поучительнее примера самого Иисуса Христа?

Не замечали ли вы поразительной черты, сопровождающей все исцеления, все дела милосердия Спасителя? Приблизившись к больному или прокаженному, Он к нему прикасается и исцеляет. Противники христианства выставляют это в своих видах и говорят: «Зачем Иисус, имея возможность, по словам Евангелистов, исцелять заочно, прикасается к больным Своими руками? Какую имеет при этом другую цель, если не ту, чтобы действовать на народное воображение? Не есть ли это общая черта всех чудотворцев»? Странное возражение науки, которая понимает все, кроме вдохновения любви! Христос может исцелять заочно, но Он этого не делает. Он прикасается Своей божественной рукой к этим прокаженным, этим нечистым, бесноватым, от которых всякий с отвращением устранился. В этом то мы и узнаем чудо из чудес, чудо любви, которой мир и не подозревал. Этому-то удивительному примеру мы и должны следовать. Я не боюсь сказать, что сочувствие, понимаемое таким образом, уже на половину облегчает страждущих. Вы знаете, какие последствия всегда влекут за собою крайнее страдание и бедность, Несчастный, по мере того как падает, все более и более задается что все общество обращается против него, Ему кажется, что это общество его исключает, некоторым образом изгоняет, трактует как индийского парию. Как бы стена воздвигается между ним и остальными людьми. Отсюда являются горькие обвинения против мира, против общества, против церкви, которые его избегают, как будто этот мир, это общество, эта церковь не заключают в своих недрах других существ, которые точно так же страдают, как и этот несчастный и точно так же заблуждаются в своих страданиях. Представьте себе, что, при этой горести ощущений, несчастный видит, что один из счастливых земли, которого бережет сама судьба, садится у его изголовья, жмет ему руку и говорит сочувственные слова. Как вы думаете? Не рассеются ли очень скоро тяжелые мысли несчастного?.. Но это не все. Слушая вас, он может быть узнает, что скорбь точно также может обитать и в сердце тех, которые кажутся счастливыми. По вашему трауру он увидит, что богатство не спасает от самых жестоких испытаний и, может быть, в этом

израненном сердце пробудится сочувствие к вам при мысли, что вы также плакали...

Припомните, что было несколько лет тому назад в Англии.

Страшный взрыв поглотил двести человек рудокопов. На полуоткрытую пропасть собрались их вдовы и матери, с рыданиями отыскивая своих погибших мужей и детей а с тоскою спрашивая, кто завтра даст им кусок хлеба... Хлеб для них явился обеспеченный на всю их жизнь. Прислала им этот хлеб женщина, написавшая при своем пожертвовании эти простые слова: *от вдовы*. Вдова эта была сама королева Виктория, но в тот день она была для несчастных не королевой, а только вдовой, которая плакала вместе с ними. Королева! И так, там, на этом троне, в этом дворце, среди этого богатства, этого блеска, есть вдова, которая плачет с нами, плачет как и мы!.. Смело могу сказать, что не детям этих бедных женщин стали бы проповедовать ненависть и презрение к людям достаточным! И сколько горечи и возмущений несчастных мог заглушить и сделать невозможными навсегда этот простой отклик сердца на их страдания!

Итак, необходимо, чтобы страждущие научились вас узнавать... Это необходимо для них самих, необходимо потому, что это повелевает Бог, необходимо для вашего собственного благополучия... Вы не будете знать, что такое жизнь, пока не увидите бедности лицом к лицу. Есть вещи, которые узнаются только там и которые между тем необходимо знать. Вы, которые радуетесь, напр., рождению ребенка! когда вы увидите под другую кровлю дитя, являющееся на свет только для того, чтобы быть предметом печали и болезненного беспокойства и между тем весело и доверчиво протягивающее свои ручонки к этому миру, который его отталкивает; вы, которые горюете о смерти отца или матери! когда вы увидите траур, подобный вашему, утешающийся циническими словами, что свалилась с плеч излишняя тяжесть; тогда вы узнаете, что такое земля. Тогда вы спросите самих себя, можно ли жить в беззаботности и удовольствии и узнаете, что такое значит желать царства любви и справедливости. Вот урок, который нам должна бы давать бедность. Понимают ли его?

Увы! Когда я в настоящее время вижу постыдное извращение нравов, при котором классы, так называемые, образованные обращают свои взоры не на страдания честных людей, но на грубый разврат классов необразованных; у них заимствуют моды, манеры, даже самый язык; – то спрашиваю себя, что должно это чудовищное зрелище производить в тех, которые страдают и трудятся и к какому нравственному падению оно должно их увлекать? Но к чему служит наше негодование, если распространению разврата мы не противопоставляем распространения милосердия? Надобно действовать; надо спускаться в эти трущобы; надобно учиться видеть зло лицом к лицу.

Я знаю, что это соприкосновение тяжело. Есть зрелища, которые оскорбляют нашу деликатность. Крайняя бедность режет наши чувства. Надобно иметь несколько мужества, чтобы к ней смело подойти. Грязная и кривая лестница, тесная комната, где дышат спертым воздухом, часто вонючая, и этот неопределимый запах нищеты, который пропитывает все, к чему прикасается, дети в лохмотьях, жалкий одр, где стонет больной, и на столе остатки пищи, один вид которой внушает отвращение: все это тяжело перенести. Кроме того нас расстраивает и печалит это зрелище тем, что резким голосом увещевает нас касательно необходимости пожертвования, Как примирить удовлетворение своих фантазий пред этими существами, которые не имеют даже необходимого? Каким образом думать о блестящем туалете пред лицом несчастных, которые не позволяют себе роскоши даже иметь хоть несколько белья? Каким образом предаваться радости праздника, когда приходится думать о жалких объедках, которыми целое семейство должно насытить свой голод?

Вы будете страдать от зрелища нищеты и поэтому заранее желаете от него избавиться. Но кто вы, отказывающиеся от страданий? Разве служение Богу всегда легко? Разве в царство небесное входят не тернистым путем? Бог избавил вас от преследований и кровавых жертв, которых он требовал от ваших отцов, и вы находите свою долю участия

в страданиях других так прискорбною, что желали бы даже отказаться от самоотвержения, которого требует христианское милосердие! Вы последовали за Иисусом Христом; но каков был ваш Спаситель? Наш век из божественного лика Христа сделал какой-то неопределенный приятный облик, который ведет вас только на идеальные высоты какой-то поэтической мечтательности. Но я не признаю в этом изображении человека скорбей, Христа мытарей и бедных. Того, кто шел к скорби и пороку, как бы низко их ни находил. Вы страдаете от соприкосновения с бедностью? Но, спрашиваю вас, что такое значит ваше страдание рядом с страданием тех, которые должны жить и умирать в этой атмосфере, которою вы не можете и минуты дышать без отвращения? Если простой вид бедности вас ужасает, то каково положение тех, которые не могут освободиться от нее ни на минуту? Вы страдаете, но чтоб изгладить ваши тяжелые впечатления летом вы имеете тенистые парки, зимой – ваши роскошные комнаты и ваш семейный очаг, в котором сверкает веселый огонек. Бедняки же имеют только четыре голые стены, чердак, то накаленный зноем, то обледенелый, очаг без огня и кроме того зрелище других бедствий, которые стонут рядом с ними. В уме бедняка гнездится непрестанная и жестокая забота о ежедневном заработке, об этом заработке, без которого он при первой болезни может лишиться и этого последнего убежища. Вид бедности вас отталкивает. Ваша роскошь и ваше возрастающее благосостояние вас так заплели в свои сети, что вы не можете больше повиноваться Богу, Который вас посылает к страждущим. Но как вы осмелитесь явиться пред Богом и дать ему отчет в заданном вам уроке жизни? Что вы ответите Ему, если Он вас в свою очередь так же оттолкнет? Вы будете удивляться, что ваш эгоизм, ваша трусость, ваша лепость противны Божественной любви? Неужели вы думаете, что представите для нее зрелище более привлекательное, чем зрелище нищеты, представляющееся вам самим, от которого вы отворачиваетесь? Неужели вы думаете, что сердце без сострадания к ближнему в глазах Верховного Судьи не будет предметом справедливого отвращения? Неужели вы думаете, что вы можете оправдаться, ссылаясь на свою природную деликатность и на ваши инстинктивные отвращения? Отвечайте... или скорее повинуйтесь этому тайному голосу, который вас тревожит, смущает и вам кричит, что нет спасения без страданий, ни вечного блаженства без жертв.

Все ли я сказал, братия, чтобы поставить вас лицом к лицу с страданиями? Да, если бы сердце было право, если бы оно следовало назидательной логике самоотвержения и милосердия. Но на самом деле, даже в присутствии страданий ближнего оно рассуждает, торгуется, оспаривает каждый шаг у любви. Вы сознаете, что задача любви христианской неизмерима, что она на вас возложена; но кто знает, при первом призыве милосердия, не будете ли вы нам зажимать рот этими простыми словами: *я не могу*. Я желаю верить, что вы этот ответ дадите не легкомысленно и» не легкомысленно я его приму. Нет, я вас и не осуждаю; если, пред Богом, *вы не можете*, то для меня и достаточно. Я знаю, что всему есть границы; я знаю, что свобода должна быть уважаема, и я ее буду уважать. И что сделалось бы с нами, – я вас спрашиваю, без этого взаимного уважения, которое предписывает нам Евангелие? Что сделалось бы с нами, если бы дух осуждения, под предлогом милосердия, дал себе волю и начал определять долю самопожертвования каждого? Я буду уважать ваш ответ, но да позволено лишь будет умолять вас осмотреться и одуматься, прежде чем его сделать, искренен ли он, серьезен ли? *Вы не можете*. Но почему вы не можете? Не потому ли, что мир завладел всем, даже долей бедняка? Не потому ли это, что вы так же поддались этому бурному потоку роскоши, которого скоро ничто не остановит? Ах, братия! этому миру надобно бы сказать: *я не могу*. Надобно бы сказать это твердо, храбро, когда он требует этих бесполезных трат, этой расточительности в туалете или мебели, этих тонкостей деликатности, в чем так легко уступает ему ваше тщеславие. Если бы вы ему так сказали, чтобы вы потеряли? Вы приобрели бы победу над самолюбием, которое только сжимает ваше сердце.

Предположите даже, что вас судили бы, что обвинили ли бы ваш ригоризм. Не могли бы вы допустить это? Разве ничто не должна отличать дома христианского от дома светского и разве можно благочестивым людям покорно следовать за требованиями света, одобрение которого для них есть ловушка и аплодисменты – опасность? Но, не смея сказать миру, вы решаетесь сказать *не могу* вашему Спасителю. Только для вашего Спасителя вы сохраняете храбрость отказа. Вы не боитесь Его опечалить. Что для вас значат Его одобрение или порицание! Правда, что Он искупил вас ценою неописанных страданий. Правда, что Он приходит к вам в терновом венце, с пронзенными и ногами; правда, что в ваш последний час жизни, когда весь мир вам более ничего не сможет сказать, вы будете призывать Его перейти с вами мрачную долину смерти и явиться к судилищу Предвечного. Что за важность! Теперь, вы, отдавши должное свету, холодно говорите Ему: «у меня для Тебя ничего не остается».

Мне остается, братия, разоблачить еще один софизм, которым теперь нередко прикрывается роскошь и светская суетность. Нам говорят: «вместо того, чтобы подавать бедным, истрачивайте больше и наслаждайтесь жизнью. Ваша роскошь – эта работа народа, ваши траты – его прибыль. Чем более великолепными материями вы будете одеваться, тем более деликатных блюд будет на вашем столе, чем роскошнее будет убран ваш дом, тем больше рук будет работать и тем больше семейств будет исхищено из рук нищеты». Средство, по-видимому, прекрасное, поведение похвальное, хотя в нем не всегда решаются признаваться; но этим средством часто усыпляют свою совесть, когда дело идет о том, чтобы удовлетворить свои прихоти.

Основательно ли, справедливо ли это извинение?

Доведем до конца этот принцип. Вы говорите, что роскошь есть искупительница бедности. Если вы правы, то истрачивайте как можно больше, придумывая новые безумные удовольствия и утонченности. Эта религия очень удобна для тайных инстинктов нашей природы. Прочь это угрюмое благочестие, которое проповедует самопожертвование и лишения! Роскоши как можно больше! И когда вы будете плавать в удовольствиях, которым позавидовали бы Рим и Вавилон, спасенный вами народ забудет страдания навсегда, и начнется на земле рай!

Вот прямое последствие принятого вами принципа. Но, очевидно, что оно нелепо; значит нелеп самый принцип. Здравый смысл и опыт давно уже сказали, что траты роскоши безусловно непроизводительны; что чем больше живых сил посвящают производству излишнего, тем меньше их остается для производства, необходимых предметов. Когда вы видите тысячи рабочих, отнятых у наших деревень и брошенных на подмости строящихся палат или в мастерские, производящие ваши блестящие материи, разве вы не догадываетесь, что для непроизводительной роскоши уменьшается плодородие отечественной почвы? Когда вы груды золота переделаете на драгоценные безделки и украшения, то сим вы разве увеличите хоть на одну копейку капитал, которым живет человечество?

Итак, ваш принцип ложен и притом жесток, потому что крайним своим последствием он имел бы голод. Его увидели бы в первый же день потрясения общества. Когда при каком-нибудь неожиданном, непредвиденном случае, все условные ценности мгновенно падают, что было бы с этими сотнями тысяч людей, отнятых вашей роскошью от мужественных и здоровых полевых работ? Брошенные на мостовую ваших больших городов, привыкшие к легкому заработку и к такой же легкой трате, они будут составлять для вас одну только опасность, тем более страшную, что видевши вблизи вашу безумную роскошь, они почувствуют зависть и ненависть к вам за свою собственную нищету.

Это не все. Этот принцип не только жесток, но и безнравствен. Безнравствен для вас самих, потому что роскошь есть наслаждение, а наслаждение безграничное, как бы ни представляли его утонченным, есть унижение души и воли, удовлетворение эгоизма, имеющее прямым последствием сухость сердца. Безнравствен этот принцип для других,

которым ваш пример служит назиданием. Рядом с вами работник – свидетель вашей жизни, скажет: «Почему же и мне не наслаждаться? Почему мне налагать на себя строгий и жестокий закон самоотвержения»? И он будет наслаждаться, и он бросит в грубые удовольствия свой дневной заработок. Он вместо ваших утонченных удовольствий будет иметь удовольствия трактиров и кабаков. Как вы можете не допустить этих последствий? Предположите, что они развиваются все дальше и дальше. Скоро из глубины взбаламученного общества могут подняться буйные голоса народных масс, которые скажут: «Наслаждаться – право всех. Вы нам рай показываете на небе, но вы лжете, потому что вы сами ищите его только на земле. Вы, – религиозные люди, собираете здесь все удовольствия, все утонченности, все радости, которые только может доставить вам наш труд. Хорошо же. И мы своего рая желаем также на земле, мы его желаем завтра же, даже сегодня. Очень долго вы указывали нам небо за гробом, но наука нам открыла истину, и мы не желаем проливать наш пот и наши слезы для непостижимого ничтожества. Мы устали ожидать, нам нужно счастье, нам оно нужно в этой жизни, в которой доселе мы знали одни только лишения. Наше счастье также в роскоши, в богатстве, в удовольствиях, во всех этих благах земли, которые нам даны так же, как и вам. Наше счастье пред нами и стоит только захотеть, чтобы получить его. Горе тем, которые вздумают нам мешать! Наслаждаться – это последнее слово жизни. – Мы хотим наслаждаться, мы будем наслаждаться, потому что наше имя легион».

Вот что могут вам сказать, если вы допускаете, что наслаждение одних искупает бедность других. Вы не можете избежать этой страшной логики. Да сохранит Господь наше отечество от их печальных явлений! Но я не желаю действовать на вас страхом. Если бы один страх мог вас подвинуть к добру, то я лучше бы сошел с этой кафедры, где, по требованию Евангелия, должен раздаваться другой язык, более возвышенный. более достойный Бога и вас. Для облегчения бедности я предлагаю теперь и буду предлагать после одно только средство – это дух Христа, который, в одно и тоже время, есть правда и милосердие.

Трудитесь же, братья, в этом духе сегодня, завтра и всегда, пока на земле будет бедность, нуждающаяся в помощи, и страдание, ищущее утешения.

МИНУТЫ ИСПЫТАНИЯ.

«С этого времени многие из учеников Его отошли от Него, и уже не ходили с Ним. Тогда Иисус сказал двенадцати: не хотите ли и вы отойти? Симон Петр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни. И мы уверовали и познали, что ты Христос, сын Бога живого»

(Ин 6:66-69)

Краткая сцена, которую я только что привел, очевидно представляет, на взгляд рисующего нам ее св. Иоанна, торжественный кризис в истории апостолов. Для этих бедных Галилеян, несших в своих руках будущее человечества, религиозные судьбы человеческих душ, это испытание было тем же, чем бывает первое сражение для армии, генерал которой хочет испытать ее мужество. Напомним в нескольких словах, как начался этот кризис.

За Иисусом Христом следует восторженная толпа, сопровождавшая Его преимущественно из корыстных целей; она требует у Него хлеба вещественного и готова сейчас венчать Его царем, будучи убеждена, что Он освободит ее от возмутительного ига Римлян. На эти совершенно плотские помыслы Иисус отвечает им поучением, которое многие из Его слушателей долгое время находили столько же надменным, сколько и непонятным. Он возвещает им, что Он сам есть хлеб жизни, что Он должен отдать свою плоть и кровь для питания мира, и когда толпа удивляется этим словам и ропщет, Иисус

настаивает на этой мысли и еще с большею силою ударяет на нее. Он, правда, смягчает грубо материалистический смысл, в котором часть толпы истолковала Его слова; Он указывает, что «это дух, который животворит, плоть не пользует ни мало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь».

Напрасно! поучение Его глубоко смутило Его слушателей и вооружило против Него большую часть их. Эти последние не могли подозревать, что это—предвещание того действительного факта, в котором удостоверится бесчисленное множество поколений. Они не могли догадываться, что настанет время, когда человечество будет черпать свои духовные силы в созерцании Того, в духовном общении с Тем, Которого тело будет распято и кровь пролита для блага человечества. Они удаляются, одни с негодованием, другие с недоверием и отчаянием. Апостолы, которые прежде, при виде всеобщего энтузиазма, может быть, верили, что царство их Учителя близко, теперь с ужасом увидели, что мало-помалу вокруг Него воцаряется безмолвие. Тяжелое испытание! Ибо какое доказательство имели они, столь бессильные и мало знающие, что они не заблуждаются, оставаясь приверженными к своему Учителю, которого более уважаемые в народе третировали как фанатика и от Которого сам народ, в свою очередь, отказался? Как после неудачной кровавой стычки генерал обращается к оставшейся горсти верных солдат и спрашивает их, желают ли они еще защищать свое знамя, так и Иисус Христос пристально посмотрел на двенадцать апостолов и спросил их: «Не хотите ли и вы отойти?» – Петр, этот апостол с великим сердцем и могучею верою, Петр, этот человек с возвышенными порывами и победоносными замыслами, этот корифей апостольского кружка, как его называет Златоуст, отвечает Христу следующими словами, которые теперь благоговейно повторяются миллионами людей на всем пространстве земного шара: «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни. И мы уверовали и познали, что Ты Христос, сын Бога живого».

В этом кризисе были две причины смущения духа и глубокого испытания для веры апостолов: первая причина – та, что народ оставил Иисуса Христа; вторая причина та, что самое поучение Христа им казалось странным и непонятным. Истинный духовный смысл его не был доступен даже для ума апостолов. Да, мои братья! эти две причины смущения духа повторяются во все времена. Без сомнения, мы с ними встречались и, может быть, даже поддавались их влиянию. Вас, я думаю, не удивит, что я вам говорю об этом именно теперь.

I.

Рассмотрим сначала первую причину – оставление Иисуса Христа народом. Достаточно бросить самый поверхностный взгляд на общественную жизнь, чтобы заметить, что успех известных идей в обществе определяется числом их приверженцев, что решающее значение при этом имеет внешний, традиционный авторитет большинства. Это замечается как в области самой свободной философии, так и в области религиозной. Тот, кто величая себя просвещенным и независимым мыслителем, в настоящее время является неверующим, подчиняется тем же самым причинам, которые несколько веков тому назад сделали бы из него верующего, т. е. подчиняется во всем давлению большинства и, желая быть сыном своего века, увлекается потоком господствующих мнений. Весьма редко можно видеть, чтобы кто-нибудь одиноко и упорно держался за истину, непризнанную большинством. Такая одиночная привязанность к истине в глазах большинства кажется чем-то почти граничащим с безумием, с которым ее часто смешивали. Взгляните на все успехи цивилизации, на все истины, на все открытия, которыми мы теперь живем и которые составляют достояние общей сокровищницы человечества: история их творцов или их изобретателей есть ни что иное, как длинная хроника мученичества! В глазах толпы истина находится на стороне большинства, как победа на войне – на стороне более многочисленного войска; внешний успех идеи прельщает большинство людей гораздо более, чем ее внутреннее достоинство. В этом предубеждении есть известная доля

истины. Оно основано на той мысли, что так как истина должна сделаться всеобщей, должна быть признана всеми, поэтому то, что уже признано всеми или большинством, считается непоколебимой истиной. В деле религии, кажется, очень естественно то, что люди поддаются этому количественному критерию; ибо истинная религия, если она существует, очевидно должна быть уделом всех, должна сделаться общепризнанною, и людям даже трудно представить себе, чтобы она навсегда могла заключаться в узких рамках, чтобы она долго оставалась в состоянии секты, чтобы она была бесплодна и неподвижна. Если же является религия, которая энергично стремится управлять миром, которая беспрестанно расширяет свои границы, которая изъявляет притязание на всемирное господство и которой удалось, разбив свои первоначальные рамки, овладеть странами и племенами, посреди которых она не выросла, то люди совершенно логично заключают об ее истинности.

Нужно ли мне указывать вам, что этим характером всеобщности, универсализма вполне проникнуто христианское откровение, что он составляет господствующую его черту. Религия, нами исповедуемая, никогда не могла заключиться в национальной или сектаторской рамке: она универсальна в своих притязаниях. И такую она была уже в тот момент, когда отец верующих Авраам смотрел на звездное небо и в звездах, рассеянных по этому лазурному пространству, видел прообраз всех наций, которые должны составить его духовное потомство; такую универсальною в своих притязаниях она была и тогда, когда пророки созывали народы на свидание с Богом на святой Его горе; такую, наконец, была христианская религия в призывах Давида ко всем народам «петь славу Господню». И эта черта христианства тем более выдается, является еще более удивительной, можно даже сказать — чудесной (если под чудом подразумевать факт, не имеющий antecedента или какой-либо достаточной причины), что христианство возникло в недрах народа сурового, высокомерного и более всех фанатичного, в среде племени, господствующую характеристическую черту которого Римляне ясно выразили в следующих словах: ненависть к роду человеческому. И когда пришел Христос, то не для иудеи Он действовал, говорил, страдал и умер, но для всего человечества. Никогда Он не желал такого ограниченного круга действий. Если Его руки были распростерты на кресте, то это для того, чтобы обнять весь мир: «Когда Я вознесен буду от земли, *всех* привлеку к Себе». — Евангелие универсально: и относительно времени, так как раскрывает пред нами вечность; и относительно пространства, так как оно стремится стать достоянием всех стран земного шара; и относительно расовых разновидностей, так как нет ни одной расы, которую бы оно отвергало, и если оно усыновляет все нации, то не отдается исключительно ни одной из них. Евангелие удобоприложимо и относительно различных степеней культуры, так как бедные и малознающие суть его предъизбранные последователи; оно приложимо и ко всякому уровню нравственности, ибо нет сознания, сколь бы низко оно ни пало, которым бы оно пренебрегало, которое бы оттолкнуло. И если оно где-то открывает презренного мытаря, грешницу, одержимую семью бесами, то это для того лишь, чтобы их призвать к общению с Богом, и чтобы из них сделать свои трофеи и лучшие украшения в венце своего Главы.

Но, при всей своей безусловной всеобщности, христианство все-таки никогда не гналось за популярностью, оно не сделало для нее никакой уступки, никогда не льстило грубым страстям, как и не сочувствовало горделивым стремлениям человечества. Оно, наоборот, предвидело, что возбудит против себя упорные антипатии и страшные сопротивления и что только после непрерывного ряда поражений и страданий оно достигнет своего торжества. Посмотрите на иудаизм, который был пригласительною формою христианства: пророки, проповедующие его, суть истинные мученики. «Они испытали поругания и побои, а также узы и темницу; были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке; умирали от меча; скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления. Те, которых весь мир не был достоин, скитались по

пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли (Евр 11:36-38). Вы заметите это мученичество и в Главе христианства, в Господе нашем Иисусе Христе. Он ясно видел, что Он будет одинок в последний час своей земной жизни, и что крест Его будет воздвигнут при отпадении от Него всех Его последователей.

Он сказал Своим ученикам, что Его судьба постигнет и их, что с учениками поступят, как поступили с Учителем, и что если в некотором смысле они «большие дела сотворят, чем Он сам» (Ин 14:12), то это будет куплено лишь ценою таких же страданий. Вот, говорит Он им, «Я посылаю вас, как агнцев среди волков» (Лк 10:3); «И будете ненавидимы всеми за имя Мое» (Мф 10:22); «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!» (Лк 6:26) Своеобразный способ воодушевления! Станный способ воззрения, который успех основывает на поражении и думает победить человечество, поднимая против себя всю его ненависть и отвращение.

Не удивляйтесь, братья, если и в наше время вы присутствуете при подобном зрелище. С одной стороны вы видите, что религиозный вопрос волнует мир с неудержимой силою и напряжением. Пойдите в многовековую Англию или в молодую Америку, проникните на Восток, или просто изучайте то, что делается вокруг вас, прислушивайтесь к тем проблемам, которые в самой Франции возбуждают самые горячие споры. Повсюду вы встретитесь с этими спорами о религии, лежащими в основе всех других. Нет более страстных споров, чем эти религиозные споры, – чтобы там ни говорили, и по одному этому признаку можно постигнуть непреодолимую жизненность христианства, так как мертвецы не поднимают таких бурь. С другой стороны вы увидите, что, как в приведенной мною евангельской сцене, отпадения от Иисуса Христа становятся все более и более частыми. Вы видите отпадения от Христа в среде мыслителей и ученых, вы видите их и в народных массах; вы замечаете, наконец, отпадения среди тех, которые вчера были с нами и шли впереди в бою...

Когда, в конце первой империи, наши солдаты боролись против европейской коалиции, часто случалось, что в пылу сражения поднимался какой-то потрясающий сердце вопль. Тотчас после этого узнавали, что какой-нибудь корпус, покидая знамя Наполеона, дезертировал к неприятелю. Так при Лейпциге, когда Саксонцы бросили французские знамена, по всей армии прошел какой-то страшный гул; потому что измену видели повсюду.

И мы также, в напряженной борьбе, в которую вступило христианство, мы часто видели, как отчаяние колеблет наиболее крепких среди нас, когда в первом ряду неприятеля им приходится встречать тех, которые, еще накануне, служили нашей вере и теснились вокруг нашего знамени... Вчера еще наши союзники, сегодня – наши непримиримые противники, направляющие свою язвительную, надменную и презрительную критику против дела, все слабые стороны которого им хорошо известны. Кризис происходил страшный, и не одно сердце было сдавливаемо глубокой скорбью. Но при этом раздирающем сердце отступничестве, нам казалось, что вот мы слышим опять голос нашего Спасителя, обращенный к нам, как некогда к ученикам Его: «Не хотите ли ивы отойти?» По этому зову мы узнавали нашего Учителя, стыд нас охватывал при воспоминании, что мы на время поддались влиянию заразного примера; мы чувствовали, что особенно в это время всеобщих отпадений наша вера должна нам быть дорога, что количество и наклонность масс здесь ничего не значат и не должны быть принимаемы во внимание, и мы с глубочайшею верою отвечали Христу: «Господи! к кому нам надо пойти, если не к Тебе!»

II.

Вторая причина смущения учеников заключается, как мы уже сказали, в странном характере поучения их Учителя. Иисус Христос говорил им, что Его тело должно служить пищею миру. Это им казалось странным, фантастическим, невозможным.

Впоследствии они Его поняли. Когда они увидели Его распятое на кресте тело, Его пролитую кровь, когда при алтаре торжественно вспоминали о великой жертве Искупителя, когда они увидели стечение многих на этот священный пир, пришедших утолить свой духовный голод, тогда они поняли, что Учитель говорил им правду и восторг признательности занял место тупости их неверия.

И не только в одном этом они просветлели. И многие другие изречения Иисуса, которые прежде их смущали, теперь раскрылись им и укрепили их в вере. Этот самый крест, который сделался орудием их торжества, этот крест, без которого их проповедь была бы бесплодна, еще так недавно, когда он был им предсказан Иисусом, возбудил в них непреодолимое отвращение и какой-то ужас, приведший их в отчаяние.

Здесь кроется великий урок, который нужно понять каждому из нас.

Истина, открытая Евангелием, содержит в себе много таинственного, что возбуждает в уме даже наиболее верующих затруднения и противоречия, над которыми эти верующие умы торжествуют лишь медленно, с трудом. Большинство христиан понимает Евангелие только отчасти, с той стороны, которая наиболее соответствует их внутренним душевным стремлениям; все остальное они принимают на веру, не понимая всей его важности.

Нередко только после долголетних испытаний они начинают понимать гармонию откровения в его целостности. Сначала они только догадываются, что истина должна быть здесь и говорят словами Петра к Христу: «Куда же мы пойдем, если не к Тебе?» Но учение Учителя и учеников все еще удивляет их своими странными взглядами, а иногда даже возмущает. Это неизбежно. Мы все – учащиеся в школе истины, но мы в ней занимаем различные места. Различия в степени наших умственных сил, в степени нами приобретенного опыта очень значительны. Одна и та же идея может живо овладеть одним человеком, оставляя другого совершенно нечувствительным к себе.

Трагическая сторона греха не всеми понимается непосредственно, с одинаковой глубиной; не все одинаковым образом чувствуют свою слабость и свое бессилие в исполнении нравственного закона; не все одинаково понимают ничтожества мира и необходимость какой-либо высшей реальности, которая служила бы им вечным убежищем. Мы сами скоро делаемся непохожи на самих себя. То, к чему вчера мы оставались совершенно равнодушными, завтра, может быть, нас сильно тронет. Между Фомою, сказавшим: «Пока сам не увижу, Я не поверю», и Фомою, называющим Христа «своим Учителем и Богом» лежит громадная пропасть, а между тем Фома, как прежде, так и после своего признания в вере, был тем же учеником Христа.

Теперь предположим, что кто-нибудь из вас, братья мои, находится в таком же положении, в каком находились апостолы в приведенном мною тексте. Вы вот, положим, стоите лицом к лицу пред учением, очевидно, откровенным, которое вас превосходит, удивляет и с первого взгляда кажется непримиримым с вашим разумом и сознанием. Как вам нужно поступать в этом случае?

Сторонники абсолютного авторитета не заставят себя ждать с своим ответом. «Прежде всего; – скажут они, – покоритесь, ибо вера есть в сущности ничто иное, как *повиновение*, покорность». Многие люди смотрят на веру, действительно, с этой точки зрения. Так как вера заключает, чего мы не намерены отрицать, очень осязательный элемент повиновения, то они хотят в ней видеть *только* этот элемент. В нем, по их мнению, заключается все достоинство веры. Чем с большими трудностями связаны эта покорность и это послушание, тем большую цену приобретает вера в их глазах. Покорно принять всякий абсурд, все чудовищное – это будет в их глазах высшая доблесть веры, ее героическое усилие. Но действительно ли этого Бог требует от нас?

Я это отрицаю. Я утверждаю, что если вера заключается только во внешней всепокорности, то все Евангелие становится непонятным. К чему же тогда это уважение к человеческой свободе, эта предложенная, но не возведенная в обязанность истина? К чему этот беспрестанный призыв к убеждению, к чему этот Бог страдающий,

умоляющий? К чему же это распятие на кресте? Если дело идет о том, чтобы *покорить* человека, то для этого достаточно было бы грубой силы, страха, который подавил бы всякое сопротивление; зияющий ад бросил бы всех грешников к ногам их грозного, гневного судии.

Сверх того, покориться значит ли на самом деле уверовать? Если я, измученный и разбитый, скажу: принимаю! то можно ли будет назвать меня человеком убежденным? Если во мне ничто не соответствует учению, которое мне навязывают, то что бы я приобрел его принявши. Таким образом всякий авторитет для нас будет священным, всякое предание непоколебимым, всякое суеверие неопровержимым. Где же будет, в такой системе, любовь к истине? Разве не этот характер имеют те, кто ненавидит истину? Разве самый грубый скептицизм не говорит этим же самым языком? Абсолютное утверждение *всего*, или абсолютное отрицание, несмотря на то, что в этом *все* есть то, что принимается сознанием, и то, что отвергается им, то, что сознанию кажется возвышенным. и то, что оно признает низким, – не составляют ли в сущности тождественные явления? Что же будет с нашим сознанием при этом умышленном подавлении его? Если св. Павел сказал, что «все, что не делается по убеждению, есть грех», то чем же мы должны назвать нравственное состояние существа, которое посредством самопокорения лжет своему внутреннему убеждению, грешит против истины, ослепляет это «внутреннее око», о котором говорит Иисус Христос? Где остановиться на таком пути? Подобно борцам в цирке, которых выдрессированные члены могут принимать всевозможные положения, наше испорченное сознание будет способно на всякие отступничества; его симпатии будут иметь так же мало значения, как и его антипатии, его энтузиазм и его презрение будут стоять друг друга, если допустит, что такое сознание еще способно проникаться к чему-нибудь восторгом или презрением. Прежде чем наложить на себя покорность и послушание, мы должны подумать, что для человека не безопасно идти против своего сознания и что славить Господа вовсе не значит принести Ему сердце раба и слепое повиновение фанатика.

Остается другая крайность: безусловно отвергать всякую доктрину, оскорбляющую наше сознание или разум. Так поступило большинство слушателей Иисуса в приведенной нами сцене. Они услышали, что Он говорит о своей плоти, которая послужит пищею миру, – и этого было достаточно, чтобы их возмутить. В самом деле, разве простой здравый смысл не обнаруживает в этом изречении что-то непонятное и отталкивающее? Им было достаточно этих нескольких слов, оскорбивших их сознание, чтобы забыть все чудные речи, все подвиги милосердия, в которых проявлялось всемогущество Христа. «С этого времени, – говорит св. Иоанн, – многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним».

Какая причина производит и в наше время подобные отступления? Многие ли между нашими современниками погрузились в омут сомнения и отпали от Христа, впадая в рациональное неверие? Без запинки скажу, хотя это покажется странным, что такие последовательные отрицатели составляют ничтожное меньшинство. Большая часть отступает без сражения. Раз какая-нибудь доктрина им не нравится, или какой-нибудь рассказ о сверхъестественном событии им кажется подозрительным, – они уже не спрашивают себя, не имеет ли данная страница Евангелия какого-нибудь глубокого смысла, недоступного для первого взгляда, они уже не слушают Христа, Который им говорит: «Слова, которые я говорю вам, суть дух и жизнь». Они принимают во внимание только наружный смысл, который так поразил их своею странностью^x. Тем легче для них обвинять его кратко и безапелляционно.

Но если толпа удаляется от Христа, то все-таки лучшие ученики остаются с Ним. Они не лучше толпы поняли изречения Учителя; как и она, они были изумлены и приведены в замешательство, они были неприятно поражены тем более, что все, что говорил им Иисус до сих пор, имело для них величайшую важность. И они, однако, не уходят, потому что

знают, кто их Учитель, потому что эта темная точка в Его учении ничто в сравнении с божественным светом, который они там нашли; потому что они полагают, что мысль Иисуса, вероятно, слишком возвышенна для их понятий; потому что они надеются, что настанет день, когда они увидят ясно то, что теперь их так возмущает и затрудняет. Прежде чем судить, они ждут, и их доверие не будет обмануто. Эти слова, которые им казались непостижимыми, скоро сделаются для них выражением совершившегося факта, реальностью, самую драгоценную для их духовной жизни; они действительно вкусят плоть и кровь своего распятого Учителя.

И я, вдохновенный таким великим примером, я вам говорю в свою очередь: «Когда в каком-нибудь пункте ваша вера подвергнется искушению, когда какая-нибудь евангельская доктрина возмутит ваше сердце и ваш разум, то прежде чем судить, подождите».

Да, подождите! – Но почему?

Потому что религиозная истина, если она существует, должна для нас быть полною тайны и загадочности; иначе она не может существовать. Божественное откровение, которое не превосходило бы наших понятий, не возбуждало бы нашего удивления, не было бы откровением. Ни слово, ни мысль человеческая не способны обнять бесконечность. Разъясним это примером. Всякий раз, когда мы говорим о Боге, мы принуждены, по непреложным законам нашего мышления, ограничить Его пространством и временем. Но Бог, по своей природе, выше понятий о пространстве и времени. Отсюда необходимо вытекают неразрешимые противоречия в тех вопросах, в которые входят определения пространства и времени. Так, учение о предопределении несовместимо с нашим понятием о времени; также и учение о воплощении Божиим, заключающее бесконечное в человеческом существе, несовместимо с нашим понятием о пространстве. Нужно прежде всего решительно признать, что во всех этих проблемах всегда останется то, что в алгебре называют «неизвестным», и это «неизвестное» должно быть предметом нашей веры. Напрасно будут желать изгнать веру, она всегда останется *необходимой* для человечества. Недавно я прочел в сочинении одного из самых свободных позитивистов нашего времени следующие строки: *«Знания, приобретаемые чрез наблюдение, требуют в самом начале от всякого, кто берется за их обработку, известного акта веры... Мы должны верить своим чувствам, как честным и искренним свидетелем, когда они нам свидетельствуют о существовании, вне вашего «я», громадного материального мира»*. – От нас, следовательно, требуют, чтобы мы верили в наши чувства, хотя они нас беспрестанно обманывают, и показания их нуждаются всегда в проверке. Если так, то христианство, ведь, требует у нас такой же веры. Оно хочет, чтобы мы верили в свидетельство Того, который пришел от Бога и который называется верным и истинным свидетелем; Того, который во всех вопросах естественной нравственности сказал непоколебимые истины и был даже предвестником сознания. Можем ли мы отказать ему в этом требовании? А если изъявим наше согласие, поступим ли мы неразумно или нелепо? Нелепостью, неразумием в этом деле можно назвать это желание отрицать тайны, устранять все, что выше понимания нашего, надменно крича о независимости в то время, когда в виду труднейших проблем нравственной жизни, простая, здоровая вера укрепляет в нас сознание, что мы невежественны и слепы, когда, по выражению одного знаменитого отрицателя, мы со всех сторон окружены беспредельным океаном, для которого у нас нет ни корабля, ни парусов. Пренебрегать тем, что нам приносит Евангелие, оставить его потому, что в каком либо пункте его поучение нас удивляет, это было бы с нашей стороны возмутительной неблагодарностью и крайним безрассудством.

Таким же образом, не нужно торопиться сомнением. Известная идея откровения может нас поразить в той форме, в которой она нам представлена, не переставая при этом быть

истинною в сущности. Ошибка здесь не столько в данной идее, но в нашем уме, который способен постичь ее лишь несовершенным, по необходимости, ложным образом.

Я один из тех людей, которые верят в необходимость догматов: всякая не формулированная религия рискует выродиться, уничтожиться и кончат тем, что подвергается всем превращениям и изуродованиям прихотливой человеческой фантазии.

Итак, религиозной истине нужно дать возможно более точное и совершенное определение; но при этом не следует забывать, что всякое человеческое определение божественной истины по необходимости не совершенно и недостаточно, и что никакая конечная формула не может выразить содержание бесконечного. Наш разум может остановиться в тупик перед известной формулой, между тем как наше сердце чувствует всю реальность, всю полноту того факта, формула которого есть лишь несовершенная копия с него. Именно в деле религии нужно чаще вспоминать, что, по глубокому изречению Паскаля, все наши рассуждения и доводы должны уступить чувству. Это чувство часто, посредством внутреннего наития, схватывает такие высокие истины, которые наш разум находит еще нелогическими и противоречащими. Приведу пример.

Возьмем христианское учение об искуплении. Я искренно сознаюсь, что ни одна их теологических формул, которые старались выразить этот великий факт, меня не удовлетворяет вполне; скажу даже, что те из них, которые кажутся наиболее совершенными, меня неприятно поражают своим схоластическим, рассудочным холодом.

Могу ли я поэтому заключить, что учение об искуплении может быть уничтожено или ослаблено? Нисколько; потому что я в нем вижу основную истину христианства и Евангелие без этой истины было бы для меня телом без души. Чем более я углубляюсь в созерцание смерти Иисуса Христа, тем более я чувствую ее необходимость, ее торжественное значение. Здесь именно я нахожу главное проявление божественного воздаяния, самое условие всепрощения, полного примирения человека с Богом. Говорю прямо: я здесь благоговею и верю без понимания; но, делая это, я верую не слепо; я утверждаю, наоборот, что те доводы, которые меня заставляют верить, так как они не могут быть выражены, суть идеи высшего порядка и имеют более глубокий внутренний характер, и что убеждение, ими порожденное, мне гораздо более родственно и свойственно, чем то убеждение, которое вытекало бы из чисто логического доказательства, которое, может быть, могло бы меня победить, но не убедить.

Вы, вероятно, замечаете, что только что высказанное мною очевидным образом прилагается к той истине, которую Иисус Христос только что изложил апостолам и которая оттолкнула от него массу. Я говорю о словах Христа, что Его плоть послужит пищею миру. Это должно было показаться чудовищным тем, которые впервые это услышали. Теперь когда этот факт сделался одним из самых дорогих опытов для души христианской, когда радости приобщения были уже тысячу раз выражаемы ЯЗЫКОМ, столь же трогательным, сколь и возвышенным, – найдется ли теперь хоть одно определение причастия, которое могло бы выразить его действительную сущность и которое не показалось бы вам или грубо-реальным или холодно-спиритуалистическим? Формула может вас оттолкнуть, но самый факт остается, и было бы безумно пожертвовать действительностью потому только, что ее внешнее выражение нас смущает.

Я вам повторяю в третий раз: подумайте, прежде чем отвергнуть какую-нибудь смущающую вас откровенную истину, подумайте и не торопитесь, потому что тысячекратно повторенный опыт нам доказывает, что именно то, что нас поражает, может и должно служить нам целительным бальзамом. В деле религии не нужно судить о человечестве, как будто бы оно было в своем нормальном состоянии.

Здоровое сердце с восторгом приветствует истину; больное же сердце особенно негодует на то, что делает его болезнь очевидной. По этому предмету можно еще сделать любопытное замечание. В Евангелии нет черты более великой и удобоприемлемой, чем

та широта взглядов, с которой оно относится ко всем народам. Перечитывайте Евангелие – и вы увидите, что этот именно универсальный характер его привлек к Иисусу слушателей из евреев, что эта именно характеристическая черта лишила Павла его страстного негодования и прежнего отвращения к христианству. Почему? Потому что об эту истину разбивалась их национальная гордость. То, что должно было сделать из св. Павла одного из величайших людей, это тоже самое, что возбудило фанатизм Савла из Тарса. Каждый из нас имеет свою господствующую страсть, свои ложные, дурные и даже превратные инстинкты, на которые Евангелие указывает и которые обнаруживает. Заметьте, что эти возражения почти никогда не принимаются во внимание теми, которые противятся Евангелию и которых эти возражения могли бы сколько-нибудь разубедить. Чтобы оправдать свое неверие, всякий повторяет общие доводы, ссылаясь на темные места в Евангелии, на противоречие в его доктринах, на торжество критики, на неодинаковость текстов, на трудность допустить сверхъестественное и т. д., – но слышали ли вы когда-нибудь, чтобы люди вам признались, что они не хотят христианской веры, потому что она противоречит их страстям, их эгоизму, вообще их мировоззрению? Об этом-то не говорят; а между тем эти тайные сопротивления сердца играют громадную роль. У лучших из людей они выдают себя частыми колебаниями, индифферентизмом, противоречиями, о которых обыкновенно умалчивают. В таком деле, человек даже самому себе редко признается вполне искренно. И потому именно, что мы в этом деле легко обманываем самих себя, поэтому именно я вам говорю: подумайте, прежде чем отвергать какую-нибудь истину откровения! Подумайте, ибо действительный мотив, заставляющий вас восстать против этой истины, может быть, совсем не тот, который вы приводите. Вникайте в корень вашей антипатии, и вы увидите, что он совсем не таков, каким вы его представляли, что он вырос на другой почве и что ваша совесть, если только она говорит ясным голосом, подскажет вам, чтобы вы приняли то, что теперь вас вооружает против себя.

Другой совет, который я бы вам предложил в такие критические минуты, это – чтобы вы размышляли обо всем том в Евангелии, что вас просветляет, утешает и поддерживает. Это нужно постоянно соблюдать относительно того, что в его поучениях ставит вас в недоумение или смущает. Так поступают, в разбираемом мною тексте, Петр и другие апостолы. Им, как и толпе, слова Христа показались странными и непостижимыми. Но прежде, чем их отвергнуть, прежде чем отречься от своего Учителя, они вспомнили про многие другие поучения Его, которые принесли в их сердца свет и мир. Могли ли они забыть те блаженные минуты, проведенные у ног Его, когда они видели толпы слушателей, ждущих слова из уст Его, или когда Он им наедине разъяснял Свою мысль и раскрывал Свою душу? Все это прошлое не могло изгладиться из памяти; все эти деяния, все чудные поучения; жили еще в их сердце. Их Учитель имеет «глаголы вечной жизни», – и этого достаточно, чтобы они Ему остались верными. «К кому же, Господи, пойти нам, если не к Тебе?»

Да! то, его мы требуем от этого неблагодарного века, который обсуждает христианское откровение с такою беспощадною, но вместе с тем неосновательною строгостью, это – чтобы вспомнить... Да! чтобы, прежде чем осуждать, призадуматься! Пусть он оживит в своей памяти все просвещение, все радости, все силы, все роды свободы и все надежды, которые вес мир черпал и будет черпать в Евангелии. Пусть он оценит, если может, всю громадную сумму счастья и утешения, которое каждый день христианство доставляет миру, – и тогда, поняв всю бедность и ничтожность этих мелочных критик, он скажет Христу вместе с Симоном Петром: «Господи, к кому же идти, если не к Тебе?»

Я вам повторяю окончательно: прежде чем отвергать какую-либо религиозную истину, которую, вам кажется, нельзя допустить, подождите! Подождите и подумайте, ибо вы можете еще изменить ваше мнение; и когда дело идет о религии, то жизненный опыт всегда служит лучшим путеводителем. Божественное откровение, которое вещает о

нашем падении и нашей неисцелимой немощи, редко понимается, как следует, теми, которые идут еще по земному пути в опьянении юности и наслаждаясь жизнью. Боже мой! эти великие слова прощения, милости, утешения и вечной надежды, какой различный смысл имеют в разных возрастах! Жизнь также школа, и знание, в ней приобретаемое, не ниже книжного знания. Есть скороспелые умозаключения, порождаемые усилиями ума; но есть истины, которым учатся ценою смирения и горьких слез. В начале нашего жизненного поприща мы верим почти в безграничное могущество разума; в конце же мы измеряем его бессилие, пред лицом наиболее господствующих и мучительных жизненных проблем. Сперва мы охотно верим в величие, в доброту человечества, но потом нужно иметь очень твердую веру, чтобы не впасть в мизантропию; в начале нашего пути мы имеем веру в самих себя, но на склоне наших дней мы припоминаем столько поражений и, может быть, столько горького стыда, что медная статуя нашей гордости кажется нам лишь гипсовым изображением, которое завтра обратится в пыль. Но Евангелие ничего не теряет при этих опытах. Мишура ложных систем, обманчивый блеск разных софизмов заставляют, до обнаружения своей ничтожности, еще больше ценить его верховное значение, его незапятнанную чистоту. Те страницы, которые вызывали улыбку на губах молодого человека, зрелому мужу представляются оболочками таких истин, таких красот, которых он в юные годы и не подозревал. Все ему кажется изменившимся, ибо он сам изменился. Сравните блудного сына гордого и молодого, удаляющегося из дома своего отца, с этим несчастным, покрытым рубищем, который возвращается туда тихими шагами. Эти два человека смотрят на одно и тоже небо, следуют по одному пути, по одной стране; на одну и ту же кровлю один бросает презрительный взгляд, между тем как другой смотрит на нее глазами, полными слез. А, ведь это только оттого, что один уже успел изменить свои взгляды, так как сам изменился.

Я смотрел, в ранние часы утренней зари: на Альпы, еще окутанные мраком. Их ледяные вершины казались в каком-то багровом полусвете. Омывающее их озеро далеко расстилало свою неподвижную, сероватую поверхность, к бледное мерцание луны на своем ущербе, казалось, освещает какое-то мрачное царство мертвых.

Прошло всего несколько часов – и на этих самых вершинах все внезапно оживилось. Снег сверкал блестящими искрами на светло-лазурном фоне; альпийские ледники обращали к востоку свои великолепные края; пенящиеся потоки своими шумными водопадами прорезывали зеленеющие вершины гор, и темные рощи дрожали и колебались от утреннего ветерка. Озеро в свою очередь волновалось и шумело, я его зеркальная поверхность верно отражала эту несравненную картину. Ничего не изменилось в природе: только взошло солнце.

О, великие истины христианства, вы – Альпы человеческой души! Вы – старые, но вечно новые истины. Вы кажетесь мрачными, сухими, бесплодными этому поколению, созерцающему вас лишь сквозь бледное мерцание естественного разума; вас считают мертвыми и наши взоры направляют на другие горизонты. Мы молчим и ждем. Взойдет заря – и вы засветитесь еще более прекрасным блеском; ваши таинственные глубины и ваши ослепляющие вершины раскроются удивленным взорам наших потомков, которые будут верить; из ваших вершин будут бить ключом новые потоки, которые принесут иссушенному миру веру, любовь и надежду; взойдет солнце жизни и настанет царство Божие на земле.

ОТНОШЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА К ПОЛИТИКЕ.

«Некто из народа сказал Ему (Иисусу Христу): Учитель, скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство. Он же сказал человеку тому: Кто поставил Меня судить или делить вас? При сем сказал им:

смотрите, берегитесь любостязания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имени»
(Лк 12:12-14)

Братья! Я долго удивлялся положению Иисуса Христа в речи, только что мною прочитанной. Отказ Его казался мне необыкновенным. Вот, Он стоит перед двумя братьями, из которых один требует своей части из общего наследства. Разве здесь не представлялось удобного случая решить вопрос о справедливости? А если так, то кто же мог разрешить его лучше, нежели Святой и Справедливый! А между тем Иисус Христос, повелительным тоном и мановением, отказывается от решения, которого от Него ожидают! «Кто поставил меня судить или делить вас?»

Я ставлю себе задачу сегодня доискаться во-первых, причины этого, по-видимому, странного отказа Иисуса Христа, и, затем, изучить смысл ответа, который он дал двум братьям: «смотрите, берегитесь любостязания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имени».

Отчего Иисус Христос отказывается вступить в этот спор? Некоторые объясняют это следующим образом: Иисус Христос, говорят нам, занят только спасением и вечным блаженством душ, и другие человеческие интересы ему совершенно чужды. Это объяснение спиритуалистов, считающих себя передовыми и, как мне кажется, оно охотно принимается неверующими, которые из него делают орудие для опровержения христианства во имя самой гуманности. Но это объяснение, кажущееся правдоподобным, совершенно ложно и мы не можем дозволить противникам Евангелия осуждать его так легкомысленно. Правда, что Иисус Христос ставят на первый план прощение и спасение души; но не надо забывать также, что Его сочувствие обнимает всего, человека... Я мог бы привести в доказательство многие из Его изречений; но есть нечто выразительнее отдельных текстов; это – отношение Иисуса Христа к страданиям и беззакониям, которые Он встречает. Если в Евангелии хотят видеть только суровый и исключительный спиритуализм, то надо изгладить из него это великодушное негодование, волнуемое сердце Спасителя при виде несправедливости, эту глубокую жалость, обращенную на всех слабых и беззащитных, эту постоянную заботу о нуждах человеческого тела, множество чудес, которые облегчают всех мучимых болезнью или голодом, эту несравненную нежность, звучащую в малейшем слове Христа, которая через целые века проникает в самое сердце страждущих, проливая ни с чем не сравнимое утешение. Но изгладить это – значит изгладить само Евангелие.

Итак, я возвращаюсь к своему вопросу. Почему Иисус Христос отказывается вступить в спор, который Его просят разрешить?

Братия! Есть два способа действовать на людей и перевоспитывать их: один – внешний, другой – внутренний. Первый – состоит в том, чтобы провозглашать определенные правила, устанавливать законы, переменять правительства, направлять известными мерами все вопросы нравственные или политические. Второй – предполагает прежде изменение сердца и воли. Из этих двух способов Иисус Христос выбрал второй. Он остался ему непоколебимо верен, и этого одного только достаточно было бы, чтобы доказать божественность Его посланничества и вечную силу Его дела спасения человечества. Представим себе на минуту, что Он выбрал первый способ и посмотрим – какие бы из этого могли выйти последствия. Два брата просят Его разделить между ними наследство. С этим, по-видимому, простым вопросом связаны были многие другие. Имели ли оба брата равное право на это наследство? Не нужно ли было бы справиться с волею отца? Один из этих сыновей не потерял ли заранее все права своею неблагодарностью и дурным поведением? Другие родственники или слуги не могли ли заявить права на свою часть? Наконец, можно ли было не взять в расчет и местных законов? Вот сколько трудных и щекотливых задач! Допустим, что Иисус Христос, по своей божественной непогрешимости, решает эти вопросы совершенным образом.

Какие были бы последствия? Заметьте, прежде всего, что этот приговор ни в чем не изменил бы сердца этих двух братьев. Если бы они были несправедливы и ненавидели друг друга, они такими же и остались бы после, как и до решения. Предположим, что они принимают это решение: вопрос гражданского права был бы решен и – больше ничего. Но если бы сами братья, тронутые учением Иисуса Христа, разрешили этот спор, разделяющий их, любовно и по закону справедливости, то тут, действительно, была бы победа и эту-то, без сомнения, победу предположил одержать Иисус Христос. Это не все: Иисус Христос, вместо того, чтобы быть спасителем, воспитателем душ, сделался бы судьей земных дел и Он должен бы им быть до конца. Он произнес непогрешимый приговор по одному делу, которое Ему было предложено. Необходимо было бы, чтобы Он произносил их и по другим делам, которые Ему несомненно стали бы представлять. Справедливо ли, что евреи покорены римлянами? Справедливо ли, что фарисеи господствуют в Израиле? Справедливо ли, что законодательство не защищает бедных от нечестия богатых? Справедливо ли, что есть рабы? На все эти вопросы Иисус Христос должен бы готовить заранее приговор верховного судьи. Он должен бы был обличить все общественные предрассудки, все беззакония; Он должен бы был их осуждать и разрушать. Но подумайте, что бы из этого вышло? – Разнузданная общественная война, крушение всего лживого владычества, всеобщая революция. Так как известно, что жар защиты растет соразмерно с горячностью нападения, то произошла бы страшная смута, резня, потом – целый кровавый потоп. Вот логическое последствие того положения, которое Спаситель принял бы, выходя из роли своего духовного посланничества, чтобы сделаться судьей и социальным реформатором. Не думайте, чтобы этою ценою Он переродил весь свет.

Как два брата, в приведенном мною тексте, услышавши самое справедливое решение, исшедшее из уст Спасителя, остались бы такими же, как и прежде; также точно и весь свет, увидевши обличение всех беззаконий и попробовавши потопит их в крови, вышел бы из этой страшной борьбы еще более наполненным ненавистью и злобой, еще испорченнее, чем прежде.

Недостаточно возмутить общество, чтобы его переродить, также как недостаточно вспахать поле, чтобы сделать его плодородным. Нужно нечто иное для общества, как и для почвы, нужны новые семена, новые начала жизни. Иисус Христос был сеятелем. Этот образ Он часто принимал на себя в своем учении, и это отлично изображает самобытность и новизну Его дела. Он не навязывает истины силой материальной или каким-нибудь принуждением. Он ее влагает в сердца: там она должна дать росток. Медленный рост, развитие, сопряженное с трудами и болезнями, мало по жалу переделает весь свет. Так Евангелие, вместо того, чтобы дать обществу конституцию или новые законы, вложило в глубины этого общества, т. е. в самую человеческую душу, чувство справедливости, любви, которое постоянно поддерживает ее бодрость, возмущает ее эгоизм, в корне подтачивает беззаконие и которое своею духовною силою совершает преобразование будущего, также как оно совершило преобразование прошедшего. Удивляются, что Иисус Христос и ученики Его не протестовали ни против древнего рабства, с его возмутительно безнравственностью, ни против законов, которые порабощали женщин и детей, ни против общественного неравенства, которое тяготело над бедными, ни против деспотических правительств, которые давили мир. Да, братия, протестовать, проповедовать возмущение было бы легко; но было нелегко, но было ново, чудесно, божественно – отвергать употребление насилия против насилия, зла против зла, желать побеждать зло добром, не рассчитывать на другую победу, как только на внедрение любви и справедливости в сердца людей, а чрез них в законы и государства; наконец, вручить Богу будущность этой великолепной жатвы и умереть, оросив своею кровью борозды, в которых она должна была произрастать.

Я думаю, братия, что я довольно ясно представил, почему Иисус Христос так решительно отказывается вступить, в спор о наследстве, я объяснил причину, которая заставляет Его так действовать. Мне бы хотелось извлечь отсюда прямые последствия: благовременность этого мне кажется очевидной.

Какие отношения христианства к политике? Если Иисус Христос отказался вступить в вопрос о праве и наследстве, то можем ли мы и должны ли заставлять Его вмешиваться в сферу политики? Таков вопрос, который я мимоходом хочу разъяснить, и важность которого никто из вас не может отрицать.

Из истории ясно видно, что никакое влияние не действует так глубоко на политику, как влияние религии. Религия образует народы и определяет их судьбы; это видно было во все времена. Почему индусы подверглись угнетению каст, которые их навсегда парализовали? Разве они, по самой природе своей, неспособны были понять равенства? – Нет; они принадлежат, по учению науки, к нашей же расе; они имеют общих с нами предков; наш язык происходит от их языка. Но их религия учит их, что Брама, при происхождении всех вещей, разделил людей на четыре сословия: на жрецов, воинов, купцов и рабов; что эти сословия не должны смешиваться; что непреодолимая преграда разделяет их навсегда: это учение убило у них прогресс и обоготворило притеснение. Отчего арабы опускаются все ниже и ниже в своем падении? Чего им недостает: ума или энергии? Они имели самую блестящую литературу и способны к самому героическому самоотвержению. Но их религия проповедует им фатализм, и он всосался в самую кровь их. В Коране сказано, что Мухаммед в тот день, когда увидел в первый раз соху, проклял ее, потому что она была в его глазах орудием рабов. Это проклятие пророка тяготеет на его племени, и все его усилия к прогрессу поражает безнадежная бесплодность. Да, религия образует народы, и хотя поверхностные наблюдатели и уверяют, что нынче религия падает, но мне легко было бы доказать, что в основании всех великих вопросов, которые тревожат и волнуют нынешнее общество во Франции, в Ирландии, в Италии, в Испании, на Востоке, везде замешан религиозный вопрос. Заниматься политическими делами, ни во что не ставя при этом религию, это безумство. Что сказали бы вы об архитекторе, который, воздвигая свои сооружения, не позаботился бы ни о климате, ни о переменах температуры или атмосферических условиях. Религия – это атмосфера души, и безумцы те, которые рассчитывают основать что-нибудь прочное и продолжительное, не приняв ее в расчет.

Итак, братия, я верю в глубокое влияние христианства на политическую судьбу народов. Я убежден, что чем более христианство верно учению Иисуса Христа, тем свободнее, выше и счастливее эти народы, которые его исповедуют, и что чем более это христианство искажено, тем более эти народы осуждены на анархию. Я в этом уверен. Что я говорю? Я это вижу, и, чтобы это отрицать, надо добровольно быть слепым. Но при каких условиях христианство может спасти народы? Я отвечаю: только действуя так, как действовал Иисус Христос, способом совершенно духовным освобождая души, проповедуя справедливость, святость, любовь к ближнему. При этих условиях исполнятся поразительным образом слова Писания: «ищите прежде всего царствия Божия и правды его, и все остальное дастся вам в придачу».

Но если, находя эту роль слишком скромной, церковь захочет войти на политическое поприще, если, слушаясь призыва партий, которые просят ее, как братья в приведенном мною тексте Евангелия, они будут решать их споры; если, забывши пример Учителя, она будет вмешиваться в те дела, в которые Иисус Христос отказался вмешаться, тогда она унижит свое дело и разрушит его. Ах, сколько раз она его самым жалким образом унижала! В средние века, или во времена Боссюета (дай Бог! чтобы это было только тогда) она приняла сторону королей и власть имеющих, и мы видели постыдное зрелище лести, панегириков, бесчестящих то, что называли, как бы, в насмешку, седалищем истины. Мы видели проповедников, духовников двора, с их двуличною нравственностью

и с их уступчивостью. Мы видели все эти гнусные угодничества, которые церковь с таким трудом искупает, перенося непобедимое недоверие и презрение народа. Теперь более, чем прежде, Евангелие не должно становиться под знамя одной какой-нибудь партии, какою бы либеральною она ни была. Евангелие господствует, над всеми партиями, оно обращается ко, всем и всем равно должно проповедовать справедливость и человеколюбие. Вот его роль! Будем иметь, как граждане, наши чистые убеждения в вопросах, которые поднимаются каждый день, но будем энергично стараться не считать Евангелия за одно с нами. Ах, мы знаем, каковы даже самые лучшие партии! Они имеют одну цель – свой успех, и когда дело идет о достижении этой цели, не ждите от них ничего: ни беспристрастия, ни справедливости. Партии щадят только тех, кто им служит, они нападают на тех, кто им мешает. Они бесконечно угодливы к великим талантам, которые им полезны. Что им за дело, что под этими талантами скрывается испорченная нравственность и порочная жизнь? Ведь это ничего не отнимает у гения оратора или писателя, который придает их делу шум и блеск. Итак, его окружают, его ободряют, ему рукоплещут, и достижение цели делает часто лучших и честнейших снисходительными или равнодушными к безнравственности средств, И в эти-то низины, где разыгрываются страсти, и в эту-то атмосферу, наполненную злобою и ложью, нас заставляют вносить Евангелие и хотят сделать его проповедников людьми подчиненными какой-нибудь школе или партии. Никогда! Если бы церковь надеялась найти в этом силу, то она была бы похожа на человека, опирающегося, по словам пророка, на тростник, который проколет ему руку. Только так кажется, что церковь может найти там поддержку; в действительности же она теряет всякое влияние. Церковь должна быть поставлена иначе: это святилище, в котором встречаются все; это возвышенное место, в котором собираются, чтобы подышать чистым воздухом справедливости, любви к ближнему и взаимного уважения. В ее дверях оставляют свои шаткие системы для того, чтобы думать только о том, что справедливо и что непоколебимо. В ее стенах вновь находят себя грешниками, достойными наказания, и перед желанным прощением от Бога исчезают все спорные воспоминания. Такою по крайней мере должна бы быть церковь, и тогда она, сохранила бы себе над нами величайшую власть и, не вмешиваясь в политику, она пользовалась бы от всех тем, что называют уважением.

То, что я говорю о политике, относится равно и к общественным вопросам. Мне кажется, что здесь-то именно приведенный мною текст применяется самым очевидным образом. Представим себе Иисуса Христа и перед Ним двух братьев, которые просят его решить, кому должно принадлежать наследство. Один из них – это класс собственников, другой пролетарии. Первый говорит: «обеспечь мне мое владение; вели царствовать порядку, и усмири безумные страсти». Второй говорит: «О, ты, который был беден, прими сторону бедных и заставь для них торжествовать справедливость». Но в ответ на эти горячие мольбы слышатся слова Божественного Учителя: «О люди! Кто поставил Меня судить или делить вас!!?»

Не правда ли, братия, что Иисус Христос не может принять сторону ни тех, ни других, так как Он принадлежит всем равно? Одни хотят, чтобы Он принял сторону собственников. Они обещают служить за это поддержкою для церкви, потому что, как резко выразился один писатель, для них церковь прежде всего хранительница их денежных сундуков. Они видят в христианстве защиту против революции и поэтому его поддерживают и превозносят, иногда в сущности и не веря в него. Неверующие в душе, они преклоняются пред Иисусом Христом с тем, чтобы Он принял их интересы под свою святую защиту. Иисус Христос не хочет этого. Почему же? Потому что в их правах и владениях бывают такие неправды, которых Он не может освятить своею божественною властью – Он? достойно называемый святым и справедливым. И мы, Его ученики, не можем согласиться поставить под охрану Евангелия, которое есть общее благо, интересы какой-нибудь партии или какого-нибудь сословия. Мы думаем, что закреплять настоящее положение

общественных дел, не желая горячо, чтобы оно улучшалось под дивным влиянием милосердия и справедливости, значит отрицать учение Иисуса Христа. Братия! Если вы христиане, то в ваших глазах должно быть священным желание всякого вашего ближнего жить, спасая свою душу. Но я говорю перед Богом, который меня слышит, что есть такого рода условия, при которых это невозможно, по крайней мере без помощи чуда. Есть такая степень нищеты, при которой, к несчастью, теряется всякое чувство собственного достоинства: на наших фабриках бывает смешение полов, убивающее и оскверняющее душу; в подавляющей работе детей, принужденных быть колесами машин, находится решительное препятствие к их нравственному развитию; в воскресных работах – смерть всякому благочестию и всякой религии. Было бы несправедливо сваливать теперь на класс собственников всю ответственность за эти плачевные бедствия, которые в сущности суть не что иное, как продукт времени, обстоятельств и ошибок предшествовавших поколений; но было бы также несправедливо и нечестно не только принимать их, как неизбежное зло, но и просить Иисуса Христа, чтобы Он освятил их и упрочил бы навсегда, при таких условиях, права владельцев. Иисус Христос не сделает этого. Напротив, Он пробудит в их совести тайное беспокойство. Он напомнит им, что они только хранители вверенного им сокровища; Он их встревожит мыслью об ответственности, которую налагает на них их положение; Он смутит их эгоизм видом страшного неравенства, которое отделяет их от других людей. Под этим влиянием собственники вспомнят, что первый долг их уменьшить это расстояние, поднять униженных, упрочить их человеческое достоинство, на которое они имеют право, отнять у их существования необеспеченный характер, убивающий всякий дух порядка и последовательности, просветить их разум, обращаться с ними как с разумными существами, как с сотрудниками, а не как с работниками, присоединить их, насколько это возможно, к общему благу. Иисус Христос научит собственников не смотреть завистливо на все реформы, допускающие большинство участвовать в том, что прежде было привилегией только для некоторых, но, напротив, принимать их с горячим участием. Вот что Евангелие должно напоминать собственникам, что мы должны твердить им сегодня, завтра, всегда, хотя бы голос наш им надоедал и наше упорство оскорбляло их. Ах, братия! есть нечто докучливее наших слабых речей: это окружающие нас бедствия, которых мы никогда не имеем права забывать. К каким звукам был бы способен наш голос, если бы только наше сострадание возвысилось на одну ступень с унижениями и страданиями, для которых один этот город^{xi} служит таким обширным и постоянным зрелищем.

Другие хотят, чтобы Иисус Христос принял сторону неимущих, и чтобы Он им присудил половину наследств. Иисус Христос не сделает этого. Отчего же? Оттого, что если бы Он верховным приговором присудил каждому равную часть, то это решение, годное на сегодняшний день, не годилось бы на завтрашний и неравенство возобновилось бы к общему несчастью. Еще не найдено решения задачи общественной жизни и большинство тех, которые уверяют, что нашли ее – мечтатели или обманщики. Из всех честолюбий, самое преступное и презренное то, которое опирается на народные бедствия и пользуется ими для того, чтобы приобрести популярность. Я уже сказал, что для каждого человеческого существа есть право, которое мы должны обеспечить ему не только в теории, но и сделать его возможным на практике: это право – жить, спасая свою душу. Если рядом с этим правом человек находит открытыми для себя все пути, то это законно; но если захотят пойти дальше, если вздумают во имя Иисуса Христа упрочить всем равенство во владении и пользовании, то это будет обман и ложь. Правда, что есть одно равенство: это равенство перед законом. – Но вне этой области, разве возможно совершенное равенство? Разве природа создала нас равными по талантам, здоровью, силе нравственной и физической, по разным способностям? Разве равенство по состоянию, узаконенное сегодня, просуществует до завтра? И можно ли поддерживать его иначе, как

самым тягостным притеснением? Итак, напрасно придете вы к Иисусу Христу, чтобы сказать ему: «Учитель! скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство». На эту, по-видимому, справедливую просьбу, Иисус Христос не даст ответа. Он не ответит потому, что Его посланничество выше. Оно состоит в том, чтобы сблизить во взаимном уважении и любви тех, кого разделяют их интересы. Эта цель должна быть целью служителей алтаря. Пусть будет она неблагодарна и пусть они будут непризнанны, как и Учитель их. Но что до этого? Мы не перестанем тушить ненависть, которую другие разжигают так старательно между детьми одного Отца, между теми, которых называют привилегированными и теми, которых называют обделенными судьбой. Мы не перестанем говорить им, что ненависть нечестива и что она ничего не решает. Мы будем бороться против эгоистической гордости, которая оскорбляет сверху, и против разрушительной ненависти, которая оскорбляет снизу. Возвысившись над этими ненавистными распрями, отравляющими сердца, мы будем призывать всех людей по доброй воле придти для общей молитвы, общего смирения, взаимного прощения и любви в это святилище духовного равенства, в котором, по прекрасному выражению Св. Писания, богатый и бедный встречаются, вспоминая, что обоих их сотворил Бог. Теперь, когда мы поняли причины отказа Иисуса Христа и назидание, которое Он нам дает, послушаем, что Он отвечает двум братьям, пришедшим просить его посредничества...

Этот ответ не был простою фразою. Иисус Христос читал в душе тех, к кому Он обращался. Он видел там настоящую причину их спора. Эта причина была скупость. Есть скупость владеющих и скупость завидующих: неравные пред людьми, эти страсти равны пред Богом. Мне нет надобности говорить, скольких братьев они раздели, сколько семейств они жестоко растерзали. Но надо вникнуть в глубину этого чувства, чтобы не потеряться в пустых восклицаниях. Нет ничего привычнее, в самом деле, как слушать с высоты церковной кафедры нападки на тщетность богатств. Бесполезно прибавлять, что эти речи не обращают никого, потому что так или иначе никто не верит в искренность этого языка. Он составляет часть этой преемственной и условной риторики, которая, по своей неясности и лживости, уже потеряла способность трогать сердца.

Рассмотрим поглубже эти вещи. Разве виновны те, которые чем-нибудь владеют? Во имя Евангелия, права гражданского и житейской опытности я отвечаю: нет. Я иду дальше. Виновны ли те, которые имея, желают иметь еще больше? Говорят: да, но в душе никто этому не верит. Купцы, банкиры по воскресеньям слушают об этих вещах красноречивые проповеди и, по-видимому, их одобряют, но на другой же день они обращаются к своим занятиям с большим жаром, чем прежде. В порядке вещей, что человек увеличивает круг деятельности, в котором он поставлен. Ученый желает больше знать, деловой человек хочет больше приобрести дела. Это есть, это и должно быть. Если вы это запретите, то поразите бесплодием все предприятия, убьете труд и прогресс. В чем же зло? Откуда оно начинается? Указать его легко, руководясь Евангелием: оно – в эгоизме, который приносит себе в жертву то, что нужно бы посвятить Богу. Нам нужно вспомнить общее начало: мы получили от Бога имущества, способности, которые дают нам средства исполнить наше назначение, но не наши личные цели. Цель нашей жизни, как христиан, должна быть служением Богу и нашим братьям. Средства, которые Бог дает нам, чтобы достигнуть этой цели, суть – таланты, науки и состояние. Если мы из этих средств сделаем себе цель, то вот уже и зло. Я приведу пример для разъяснения моей мысли. Бог дал нам любовь к себе, которая должна служить для самосохранения. Как средство, оно вполне законно. Сделай из него цель, оно делается себялюбием. Бог дал нам науку, как средство достигнуть истины: сделайте из нее цель, вы получите идол разума. Бог дал нам свободу, чтобы служить Ему по доброй воле: сделайте из нее цель, не ищите в вашей свободе ничего, кроме личной вашей независимости, – вы дойдете до гордости. Бог дал

нам блага сего мира, как средства деятельности и благотворительности: сделайте из них цель, и вы получите скупость.

Скупость состоит в том, что люди, по собственному выражению Иисуса Христа, ищут жизни в богатстве. Вникните в эту мысль, вы будете удивлены ее глубиной и истиной. Иисус Христос не обвиняет приобретающих и владеющих; Он обвиняет только тех, которые ищут жизни в благах сего мира, имеют ли они их или не имеют, потому что можно быть и бедным, но в то же время скупым по своей жажде богатств, как другие бывают скупыми на самом деле, по своей страсти копить богатства. Иисус Христос порицает страсть к деньгам во всех формах, какие она только может принять. В свете называют скупым жадного собирателя; Библия идет дальше: она распознает скупость в ее последовательных проявлениях и клеймит их одинаково. Что любит в деньгах молодой человек или светская женщина? Пышность, мотовство, легкие удовольствия. Чего ищет в них пожилой человек? Могущества, влияния, средств для возвышения. Наконец старик, который чувствует, что у него уже умерло честолюбие, что его не занимают уже удовольствия а пышность, представляет нам отвратительное зрелище любви к деньгам ради них самих. Это указывает уже на окаменение сердца до такой степени, что самые настоятельные воззвания не могут его тронуть. Но под всеми этими формами, блестящими или отталкивающими, напыщенными или гнусными, скрывается всегда, по учению библии, поклонение одному и тому же идолу. Идол этот привлекательный, грациозный или отвратительный, но все же идол и все эти скупцы встречаются на одном общем пункте, что они ищут жизни в сокровищах. Но истинная жизнь состоит не в этом: я говорю это имеющим и не имеющим. И кто знает, может быть первые поймут меня лучше вторых. Истинная жизнь прежде всего в сердце, а не в сокровищах, которыми владеют. Заключите невежду в самую богатую библиотеку, посадите больного за самый роскошный стол, окружите увядшее, иссохшее, пресыщенное сердце самыми чистыми, самыми нежными наслаждениями привязанности, вы будете иметь поразительное доказательство, что жизнь не в богатствах, которыми владеют. О, сколько раз я видел отчаяние и душевные муки в домах, где богатство сосредоточило весь свой блеск! Сколько раз я видел там сердца озлобленные взаимною неверностью, седину, сходящую с горя в могилу от жестокой неблагодарности сына! Сколько раз встречал там пресыщенность, отвращение к жизни, самую неспособность к наслаждению! Не замечали ли с самых давних времен, что самоубийство встречается чаще между богатыми, чем между бедными? Ах! братия, в судьбах человеческих более равенства, чем мы думаем. Богатство не спасает от болезней, оно не возвращает матери потерянного ею ребенка. Бывают несчастья душевные и сердечные, которые ни в чем не уступают самой ужасной нищете.

Но попробуем, немного возвысаясь, подумать об истинной жизни, о той жизни, которая должна продолжаться вечно. Перенесем мысль к той торжественной минуте, когда нужно будет отдать отчет в своем существовании и когда все будет взвешено на весах Верховного Судьи, которого нельзя обмануть. Тогда увидим, что бессердечный богач и преданная светским удовольствиям женщина услышат страшный приговор: «вы искали жизни в своих богатствах; теперь вы. получаете возмездие за свое себялюбие и самоуслаждение». Может быть эта минута настанет для вас чрез 10, чрез 5 лет, может быть завтра, и все ваши глумления, все ваши насмешки, все ваше неверие не задержат этой минуты более, чем крик или безумный смех сумасбродов, которых водопад Ниагары уносит с быстротою стрелы.

В чем же состоит жизнь? – Она состоит в прощении от Бога, в примирении с Ним, в общении со Христом, узанным, уворованным, возлюбленным и спасающим душу. При конце этой речи, в которой мы рассматривали вопросы справедливости и равенства, без сомнения важные, но чуждые вечной жизни, мне нетерпеливо хотелось прийти к единственному предмету, без которого мы не можем обойтись, – к единственному,

обладание которым может обеспечить нам мир и счастье. Сердца, обманутые светом и в самых удовольствиях вкушавшие горечь, которую он скрывает в глубине своих радостей! Сердца сокрушенные, которым свет отказал даже в этих радостях, богатые или бедные, счастливые и обездоленные на земле, обладаете ли вы настоящей жизнью? Отец ли для вас Бог? Спаситель ли для вас Иисус Христос? Вечная жизнь есть ли для вас блаженная действительность, наследство, которое у вас никто не может похитить?! Вот истинный источник жизни, в сравнении с которым все остальное есть только обман и суета. Вот блаженство, обладание которым может среди несчастий, страданий и самой смерти сиять надеждой, радостью, благодарением к Богу. Счастлив тот, кто, будучи лишен всего, чему завидует свет, имеет своим прочным убежищем эту любовь к Иисусу Христу, с которой его никто не может разлучить. Счастлив тот, кто обладает царствием Божиим на земле, среди «унижения, лишений и притеснений. Он будет им обладать и на небе, в высочайшей славе и вечном блаженстве Иисуса Христа.

МИЛОСЕРДИЕ БОЖЬЕ.

«Не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и Я помиловал тебя?»
(Мф. 18:33)

I.

Вы, вероятно, братья мои, уже представили себе в уме ту притчу, из которой взяты эти слова. Один властелин Востока требует, чтобы его управляющие отдали ему отчет. Один из них, занимавший, вероятно, очень высокий сан, оказывается должным громадную сумму: десять тысяч талантов, т. е. сорок миллионов на наши деньги. Но человек этот несостоятелен и по закону следует продать все его имущество, даже его самого, жену и детей. Он падает к ногам царя: «Государь! – взывает он к нему, – потерпи на мне, – и все тебе заплачу». Тогда царь, тронутый состраданием, не только отпускает его, но и прощает ему весь долг. Вот он свободен; он возвращается домой, как вдруг встречает на пути одного из своих должников, который ему должен ничтожную сумму, каких-нибудь пятьдесят динариев. Он схватывает бедного должника на горло и душит, говоря: «отдай мне свой долг!» Напрасно несчастный умоляет его; управляющий бросает его в темницу. Но против подобного поступка протестует общественная совесть; царю дают знать о случившемся. Царь призывает к себе своего управляющего: «Злой раб! – говорит он ему, – я тебе простил весь твой долг... Не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как я помиловал тебя?» – И он, в свою очередь, бросает его в темницу, где несчастный просидит, пока не уплатит всего долга.

Вникая в дух этого рассказа, я в нем нахожу ясно различающиеся две великие идеи: сострадание Божие и сострадание, которое мы должны иметь к нашим ближним. Таков двойкий предмет моей проповеди, на который я желаю, с Божией помощью, обратить сегодня ваше внимание.

Слово «сострадание» – это одно из тех слов, которые чаще всего упоминаются в Библии, и можно сказать, что это слово в том частном смысле, который придает ему Писание, выражая им одно из божественных свойств, есть поистине слово откровения.

Необходимо при этом случае заметить удивительный контраст в учениях Ветхого и Нового завета.

Библейский Бог свят; в этом особенность Его природы, основа Его бытия. Это именно игнорировали все естественные религии и все, даже самые возвышенные, философские системы, ибо все они более или менее возводят до Бога начало зла; все они в известной мере наносят оскорбление чистоте божественной природы. Только пророки Израиля представляют нам в Иегове существо, чувствующее отвращение ко злу. Таким Бог открывает себя им. Таким созерцал Его Исаия в своем великолепном видении во храме.

Серафимы с покрытыми лицами окружают Его. «Свят, свят, свят Господь Саваоф!» – это их торжественный гимн, – а пророк восклицает: «Горе мне, ибо я человек оскверненный!» Бог Израиля свят, могуществен. Если он нисходит в среду своего народа, то место, где он является, называется также «Святая святых». Такова высокая идея о божественной натуре, представляемая Писанием. Закон, начертанный Богом на камнях Синая и в человеческом сознании, есть лишь выражение Его существа. Если этот закон бессмертен, то это оттого, что таков Бог; если мы обязаны соблюдать этот закон, то это оттого, что мы созданы по образу и подобию Божию. Это не произвольная обязанность; это идеальная, но основательная и неизбежная цель, предназначенная нам: «Будьте святые, ибо Я свят!»

И этот самый Бог, святой по своей природе и ревнивый страж закона, Им созданного, этот всемогущий Бог нам, однако, является полным сострадания к грешному человечеству. Это сострадание никогда не было изображено в более трогательных чертах, чем в этой книге, с такою силою выражающей Его неизменную святость. Да, когда мы читаем эти страницы Ветхого Завета, в котором невежественная и полная предубеждений критика не хочет видеть ничего, кроме сурового и карающего Иеговы, мы в них видим изливания божественной нежности, черту, предвещающую уже появление Евангелия. Это прелестная утренняя заря, пробивающаяся сквозь тень еще несовершенного откровения и долженствующая вскоре озарить человечество ярким светом. Моисей просил Бога открыться во всей Своей сущности: «И Господь прошел перед ним, говорит Писание, и раздался голос: «Господи, Господи, Бог милосердый и милостивый, многотерпеливый во гневе, совершеннейший в доброте и истине, сохраняющий милость в тысячу родов, прощающий вину, преступление и грех»... (Исх. 34:6-7). Нигде это милосердие не выражено с такою красотою, как в книге Псалмов,

Приведем несколько отрывков. «Милосерд и благ Господь, долготерпелив и многомилостив. Не беспрестанно негодует и не вечно злопамятствует. Не по грехам нашим поступает Он с нами и не по неправдам нашим воздает нам... Как далек восток от запада, так удалил Он от нас преступления наши. Как отец жалеет сыновей своих, так Господь сжалился над боящимися Его» (Пс 103:8-13). Когда пророки говорят о милосердии Иеговы к своему непокорному народу, они заимствуют свои образы у наиболее живых человеческих чувств, не опасаясь этим унижить достоинство Бога. «Может ли женщина забыть грудное дитя свое? Не пожалеет ли она сына чрева своего? Но если даже и они забудут, то я не забуду тебя, говорит Господь» (Ис 49:15). В другом месте представляется заблудшая и преступная женщина, которую оскорбленный супруг зовет опять к себе, обещая ей прощение. Пророк, кажется, рисует нам как бы с намерением – высшую степень позора и бесчестия у грешников, чтобы на этом мрачном фоне человеческих гнусностей и слабостей с тем большей яркостью заставить выступить блеск милосердия Божия.

Итак, я утверждаю, что эта идея милосердия, как божественный атрибут, есть идея откровения. Ни созерцание природы, ни изучение ее законов не могут открыть ее людям, и естественные религии не могут ее познать.

Есть божественные свойства, которые сама природа открывает ее вопрошающим в смысле религиозном: само существование Божества, могущество Его, чудное приспособление средств к целям во всех Его творениях, красота им присущая и, с другой стороны, Его оскорбленная правда, требующая искупления, – все это сами язычники могли познать и провозглашать самым красноречивым образом. Св. Павел ясно высказывает, что прямого инстинкта совести достаточно, чтоб дойти до этого естественного богопознания, которое есть как бы превосходное преддверие истинной религии. Но природа никогда не открыла идеи милосердия Божия; человеческое сердце могло это предчувствовать, могло смутно надеяться, что его глубоким стремлениям соответствует, может быть, бесконечное милосердие, но вне откровения ничто не могло

сказать ему с достоверностью, что эта надежда основательна. В течении веков мучительный крик скорбящего человечества поднимался к небу, не получая ответа; человечество напрягало слух и ничего не слышало в ответ, кроме отголоска своих вздохов, подобно вечному ропоту волн, рассекающихся о прибрежные скалы и отбрасываемых в океан.

Природа вовсе не поучает милосердию. Дети, конечно, иначе думают, когда они всему, что живет вокруг них, всему, что их очаровывает, цветам, птицам, прелестным или мужественным существам, которыми изобилует животный мир, приписывают такие чувства, какие наполняют их наивные сердца; но беспощадный опыт скоро рассеивает их мечты и под твердую и холодную ясностью знания он им показывает, на всем пространстве творения, великий закон разрушения и того, что можно назвать всемирною взаимною резней. Повсюду смерть, как неизбежное условие жизни, повсюду то, что в наше время называют борьбою за существование. И на этом громадном поле сражения или, лучше, на этом кладбище, изборожденную почву которого поочередно вспахивает каждое из нарождающихся поколений, вырастают тем более богатые всходы, цветы и плоды тем более обильные, чем более их корни напитываются кровью. О, эта природа, столь прекрасная в известные часы, имеет ужасные противоположности! Это—чудный механизм, неуклонное и страшное движение коего ничто не может остановить, которого не могут тронуть никакие наши протесты, как не могут тронуть локомотива окровавленные остатки невинного дитяти, с улыбкою бродившего по рельсам железной дороги. Бог, открываемый природою, не знает сострадания. *Этого* Бога великолепно обрисовал один из наших великих поэтов:

Существо без атрибутов, сила без провидения,
Обнаруживающая случайно свою слепую мощь,
Истинный Сатурн, производящий и по очереди пожирающий,
Творящий зло без ненависти и добро без любви,
Имеющий основою своих планов вечный каприз,
Не требующий ни веры, ни закона, ни жертвы,
Предающий слабого сильному и праведного – гибели,
И само существование коего подвержено сомнению.

Здесь-то я скажу тем, которые отрицают откровение или лучше (ибо надеюсь, что в этой зале нет ни одного умышленного скептика) тем, которые рабски увлекаются современным отрицанием с этим полускептицизмом, который многим людям кажется признаком замечательного ума, я им скажу: «Будьте осторожны. Положим, вы уничтожили Бога сверхъестественного, вы имеете пред собою лишь одну природу, – чем же вы тогда утешите человечество? Ибо в конце концов оно все-таки страдает, оно будет страдать всегда; оно страдает в этот век анализа и науки столько же, даже больше, чем некогда страдало. И если статистики жалуют нам несколько дней сверх средней продолжительности существования, то человечество все-таки не достигло еще того момента, когда болезнь и смерть, не говоря уже об ужасных сердечных страданиях, исчезнут навсегда. Чем же вы утешите это страждущее человечество? – Вы хотите его освободить из под гнета, но если верованиям, которые смягчают его страдания и отирают его слезы, вы ничего не можете противопоставить, кроме бесплодных отрицаний, если вы ему запрещаете надеяться, то неужели вы думаете, что оно долгое время будет следовать за вами? А вот я вам скажу, что оно сделает: оно вернется в свои старые, поруганные храмы, оно изобретет в случае надобности бессмысленные легенды, и в то время, как вы будете насмехаться над этими странными ханжествами, которые посвящают новые поколения святому сердцу Иисусову, оно само, это человечество, найдет в них ту возвышенную и вечно истинную реальность, которая называется чувством, т. е. бесконечную любовь к Богу. Но за вами-то зачем оно последует? Куда вы его поведете? Ваша обетованная земля – это суровая пустыня, не библейская пустыня с ее небесною

манною, с ее источниками живой воды и отдаленными видами иорданских вод и ханаанских берегов, – это пустыня с песком, который душит и жжет, с раскаленным небом, с обманчивыми миражами, под которыми можно найти лишь иссушенные зноем и растрескавшиеся водоемы, которые не могут содержать в себе воды.

Но я слышу такое возражение: «Разве вы, христиане, можете похвалиться тем, что изменили природу? Разве эти безотрадные факты, которые вы сейчас упомянули, для вас не такие же реальности, как и для нас? Меньше ли нашего вы покоряетесь роковой силе вещей? Разве вы не такие же рабы страдания и смерти? Разве вечные законы вас щадят? И если в этом общем несчастье рода человеческого вы страдаете так же, как и мы, то какое право вас уполномочивает говорить о милосердии Божиим?» Вот возражение; а вот вам мой ответ: Совершенно верно: мы все, христиане и неверующие, подчиняемся неумолимым законам природы. Мы никогда не претендовали, чтобы они для нас составляли исключение. Библия это не детская книга, отрицающая суровую действительность нашей судьбы. Это зрелая книга для зрелых мужей. Мы вовсе не ищем обманчивого утешения, состоящего в отрицании того, что есть рокового, по-видимому, в нашей судьбе. Мы не колеблясь признаем, что в области закона сострадание не допускается, ибо особенность закона состоит в неуклонной логике, а следствие сострадания это милость, подрывающая действия закона. Я не боюсь даже утверждать, что ни одна книга не проникнута так глубоко духом закона, как Библия. Это замечается везде, говорит ли она о порядке, который Бог установил в природе, настаивая на удивительной мудрости, здесь открывающейся и на незыблемости Его велений; толкует ли она вообще о законе нравственности, представляя его нам таким, каким мы его выше изобразили, таким же твердым, вечным и исключаяющим произвол, как и сама природа Бога, выражением которого служит этот закон.

Закон, – но не забудьте, что это название первого библейского откровения, – это то священное сокровище, которое Израиль должен был нести с собою. Именно закон выступает в величайшей сцене еврейской истории, на вершине Синая, где все величие, все ужасные силы природы как бы составляют его свиту и громко возвещают, что только одному закону принадлежит вечное величие и господство^{xii}.

Но этот самый закон слышится в более кротких звуках, имеет характер более духовный, более проникающий в сердце и более обязательный в нагорной проповеди, где Иисус изображает законы царства небесного. Этому-то закону Он сам повинуется, когда Он обращает свой взор к Иерусалиму, где Он должен умереть; этот закон подает ему в Гефсимании чашу полную горечи Божьего гнева, который Он хочет умилоствит; этот самый закон, после того, как Его крест был воздвигнут на Голгофе, вознес Его на небо как чистую и святую жертву, послушную до самой смерти; этот именно закон Он прославлял во всех своих деяниях, во всех речах, всяким биением своего сердца. Все что Он совершал, говорил, чувствовал, все, ради чего страдал, не имело другой цели, кроме прославления святости божественного закона. «Возьми дощечку из чистого золота, сказал Бог Моисею, – и вырежь на ней слова: святыня Господу!.. И будет она на челе Аароновом и понесет на себе Аарон все проступки, совершенные сынами Израилевыми, когда он представится предо Мною» (Исх 28:36). Братья мои! эти слова: «святыня Господу!» я вижу сверкающими блеском, какого не может иметь самое чистое золото, на окровавленном и увенчанном челе Великого Первосвященника человечества, умирающего с целью прославления святости Превечного.

Итак, вы видите, что Евангелие принимает закон, поддерживает и укрепляет его, но (в этом заключается наш ответ) выше той области, в которой господствует закон, оно нам указывает другую: это – область любви и сострадания Божия. Что закон должен быть обязательным, слепым и непреклонным, это наш ум хорошо понимает; ничто не может препятствовать закону карать грешное человечество, ибо в этом его санкция; но кроме этой святой воли, наказывающей преступление, в Боге есть бесконечная любовь даже к

самим преступникам. Вот чему учит нас Евангелие, вот что оно, и только оно открыло миру, вселяя в миллионы душ счастливую уверенность и спасительную надежду. Одно только Евангелие могло заставить человека верить, что Бог не только бытие, разум, воля, но и сердце, что это сердце полно любви, которая выше гор, глубже бездны океана, сильнее и долговечнее, чем небо и земля, что эта любовь, именно вследствие своей бесконечности, выражается в отношении к существам бесконечно малым и жалким; что нет человеческого создания, которое не было бы в некоторой мере предметом Его любви, что нет ни одного создания, для которого Господь, властитель вселенной, не имел бы милосердного намерения Своего. Только Евангелие могло убедить человека, что не только его ничтожество и незначительность не укрывают его от взора Божьего, но что даже его преступления, падения и осквернения не могут отвлечь от него Божией любви и что божественное милосердие достаточно могущественно, чтобы вырвать его душу из глубокого омута грязи и бесчестия.

И это убеждение не было возведено Евангелием лишь в нескольких великолепных изречениях, высказанных тем авторитетным тоном, которому одному удастся внести убеждение в глубину сознания, – нет, Евангелие начертало это убеждение на всей жизни Иисуса Христа, на Его челе, в Его вере, в голосе Сына человеческого; оно его показало в этом несравненном подвиге, когда в продолжении трех лет небо посещало землю, в этих божественных притчах, открывших человечеству истинного Бога, в этих беседах, исцелениях и отпущения Христовых, перед которыми мы преклоняемся, в искренности отца, прижимающего к сердцу своего распутного сына, в том слове, которое поднимает преступную женщину и отступника апостола, в сострадании Иисуса к заблуждениям толпы, в восклицании на Голгофе: «Господи, прости им, ибо не ведают они, что творят!» Вот, братья мои, мой ответ; и вот что делает нас, христиан, верующими в милосердие Божие.

Но к чему говорить вообще, когда здесь дело идет о нашей собственной истории? Все мы, составляющие теперешнее собрание, не те же ли грешники, над которыми Бог сжалился? Разбираемая нами притча не рисует ли поразительную картину наших отношений к Богу? Десять тысяч талантов, которые мы должны, это те бесчисленные милости, дары здоровья, счастья для некоторых, жизненных потребностей почти для всех, те святые и чистые чувства, согревающие наше сердце, те незаслуженные радости, неожиданные исцеления, непредвиденные избавления от беды, – эти даже испытания, соединенные с божественными утешениями. А эти светлые радости юности, это святое Писание, открытое перед нашими глазами, эта духовная свобода, эта тихая молитва и поцелуй любящей матери, наклоняющейся над нашей колыбелью, все эти церковные отпущения, изглаживающие столько ошибок, столько стыда, всеобщего ободрения, облегчения, эти благодеяния, которые кричат нам, что мы были бы самыми неблагодарными людьми, если бы мы за это не чувствовали величайшей признательности! И вот когда приходится заплатить столь громадный долг, когда Ты, о Господи, приближаешься к нам и говоришь нам: «Отдайте отчет о вашем управлении!», увы! тогда мы можем Тебе представить лишь нерадивые сердца, жадные руки, эгоистические поступки; так что, если бы Ты с нами поступал по заслуженному нами, по закону, справедливость которого мы все глубоко сознаем, то мы неминуемо и справедливо погибли бы... И однако, о Боже милосердый, Ты оказываешь милость, Твое сердце тронуту состраданием, Ты еще терпишь и переносишь нас; Ты вспоминаешь, что сжалился над этим работником одиннадцатого часа, который, может быть, меня слышит, который чувствует себя осужденным всей своей эгоистической и рассеянной жизнью, и которого один порыв раскаяния сейчас бросит, его, оскверненного, преступного, в твои объятия, о бесконечная святость!.. Вот Евангелие, вот наша история, – и своими нечистыми устами мы осмеливаемся повторить великие слова апостола: «Кто может лишить нас любви, засвидетельствованной Богом в Иисусе Христе?» Братья мои, если все это истинно, то

разве вы не чувствуете, что в вашей совести звучат слова моего текста: «Не надлежало ли тебе помиловать товарища твоего, как я тебя помиловал?» Сострадание к нашим братьям – вот второй пункт, которым мы сейчас займемся.

II.

Я желал бы устранить здесь всякую ложную мысль. Я только что различал две области, где проявляется воля Божия: область закона и область сострадания. Это же различие должно существовать во взаимных отношениях людей. Сострадание, которое мы должны оказывать нашим братьям, никогда не должно наносить ущерб закону.

Закон есть выражение права, он должен быть одинаковым для всех, он не может делать исключений. Когда дело идет, например, о политических отношениях, формулирующих общественную жизнь, или о деловых сношениях, где в виду имеется лишь выгода, то очевидно, что право всех должно быть установлено строго и неуклонно.

Если бы сострадание проявлялось насчет справедливости, если бы человек беспорочный был принесен в жертву виновному, а преступный мятежник привлекал бы к себе больше сочувствия, чем трудолюбивый гражданин, если бы падшая женщина была поставлена выше честной супруги, или если бы милостыня была делана на счет святого долга, – то это было бы очевидным извращением воли Божией. Я настаиваю на этом пункте, и вы в этом не найдете ничего удивительного, если вспомните, что идея естественного права есть одно из орудий современного неверия, оружие, которое оно с наибольшею силою и ловкостью направляет против христианства^{xiii}. Заявляют, что христианство есть доктрина произвола, что милосердие есть каприз и что, приписывая Богу чувства и движения любящей и страстной натуры, верующие отрицают всякий научный и нравственный строй.

Другая причина, сильно способствовавшая тому, что в умах наших современников идея права и религиозная идея отделились друг от друга, это взгляд на политику Церкви. Слишком хорошо известно, что политика Церкви часто жертвовала свободой народов для своих собственных триумфов, воскуривая фимиам светским властям или предавая их проклятию, смотря по тому, обещали ли ей эти власти свое содействие или отказывали в нем. Таким образом не было ничего легче, как внушить современной демократии глубокое и почти непреодолимое недоверие к той системе, которая, под покровом служения славе Божией, пренебрегала, когда ей было угодно, всеми естественными правами, жертвуя всем для собственного успеха. Таким путем дошли до замены личного и живого Бога абстрактной идеей справедливости и в тоже время, по странной с первого взгляда, но в сущности совершенно логичной последовательности, настаивая только на идее справедливости, дошли до отвержения идеала милосердия и сострадания, который Евангелие внесло в мир. Это кажется невероятным, но тем не менее это так. По принципам демократического общества ничто не должно было бы быть более популярным, чем христианская идея прощения, сочувствия и сострадания; а между тем нет ничего, что возбудило бы в настоящее время более гнева и отвращения в известной части печати, как именно эта идея. Хотят справедливости, но ничего кроме справедливости; во имя человеческого и естественного права стремятся совсем покончить со всеми богословскими и нравственными системами прошедшего.

Мои братья, мы должны прямодушно признать, что в этом страстном обвинении есть значительная доля истины; конечно, не Евангелие этого заслуживает, но его недостойные представители. Не нужно ослаблять значения двух священных идей: идеи закона и идеи справедливости; напротив, чем более мы их укрепим, тем скорее мы выделим истинное определение милосердия. Объяснюсь примером. В Евангельской речи на горе находятся известные места: «Кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую. И кто захочет судиться с тобою, чтобы взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Мф 5:39-42).

Ведь очевидно, что Иисус Христос никогда не изъявлял притязания сделать из этих правил социальное уложение. Всякое общество, которое допускало бы безнаказанно оскорблять право слабого, было бы скоро осуждено на погибель. Общество должно строго укреплять идею права. Христиане, в качестве граждан или членов какого бы то ни было общества на земле, обязаны уважать достоинство всякого. Даже в этом первообразе обществ, который называется семейством, они должны поддерживать неприкосновенность должного уважения к отцу и матери и права детей. Они вовсе не должны умалять идеи справедливости в той форме в которой ее выразили Римляне на своем сильном языке: (??), отдавать каждому должное. Всякое посягательство на свободу, нравственность, собственность должно быть парализовано законом. Уступать в этом пункте это значит исказить мысль Христа, это значит выдавать на страдания малых, невежественных, слабых и бедных, т. е. тех, которых Христос наиболее любил и вечным заступником коих Он сделался.

Но где же будет место состраданию? спросят меня. Не бойтесь! Еще не настало время сдать его в архив.

Когда в обществе твердо и непоколебимо утвердится идея права, то члены, составляющие это общество, могут, не употребляя силы своего права, проявлять милосердие, которое будет тем прекраснее, что оно добровольно, что оно будет свободным выражением силы вместо того, чтобы быть выражением слабости. Один и тот же человек сумеет и должен будет поочередно требовать, чтобы ему отдали должное ему по праву и, уже дав знать о своей правовой силе, объявить прощение тем, которых задело правосудие. И вот ставя себя в сфере более высокой, чем социальная сфера, обращаясь к совести каждого из моих слушателей, я обращаюсь к вам со словами моего текста: «Не надлежало ли и тебе помириться ближнего твоего, как я помиловал тебя?».

Сострадание к ближнему! Не забудьте, что здесь дело идет о сострадании к тем, которые нас намеренно обидели. О, если бы *только* им мы отказывали в сострадании! Но разве мы нуждаемся в обиде со стороны других, чтобы мы к ним были безжалостны? Нет, нам это хорошо известно. Есть существа, которые нам никогда не сделали зла, и которые тем не менее имели несчастье не понравиться нам. Сами не подозревая этого, они возбудили в нас отвращение к себе. Их наружность, их способ выражения и даже более ничтожные атрибуты оскорбили наше чувство, – и вот мы с невероятным легкомыслием оправдываем это чувство, говоря, что они нам антипатичны, нисколько не думая о том, сколько дикого и ужасного заключает в себе эта антипатия. Смотрите, как у дитяти является взрыв смеха каждый раз, как его глазам представится что-нибудь безобразное и страдающее. Этот смех имеет ужасающий характер. Страшно видеть, что столько беззаботности соединяется с такою жестокостью. Да! несмотря на воспитание, на размышление, частица этого инстинкта остается и у лучших людей, и достаточно присутствовать при любом светском разговоре, чтобы видеть, что не только относительно детства можно сказать: «оно безжалостно». Сколько суровых, необдуманных суждений, основанных только на внешности! Сколько созданий нам не нравится, и в отношении к которым мы совершаем преступление, между тем как они этого не подозревают! Сколько жалких сословных, воспитательных и церковных предрассудков, иссушающих в нас чувство сострадания и заставляющих нас при виде незаслуженных страданий испытывать такие ненавистные чувства, от которых не отказался бы сам ад!

Сострадания, повторяю вам, – побольше сострадания к тем, которые никогда и не желали нам зла! Но я иду дальше и во имя Евангелия, сверхъестественного в данном как и во всех прочих случаях, я вам говорю: «сострадание к тем, которые вас обидели!» О, как, редко прощают обиды! Мы такие дурные люди, что забываем о десяти тысячах талантах, которые Бог нам простил, и думаем только, как бы получить ту сотню динариев, которую нам должны! С каким упорством мы сохраняем воспоминание о несправедливости других! Как быстро вскрываются старые раны! Какими неизгладимыми чертами

впечатлеваются в нашей памяти горькие слова, едкая клевета, насмешки, – что я говорю? простое недоразумение, недосмотр! Тысячи раз описывали религиозную вражду; но никогда ее не клеймили слишком сильно. А эта вражда именно под сенью святости всегда разгуливалась с самою дикою жестокостью. История церкви, рассматриваемая с этой стороны, поистине является сердцераздирающей. Мне припоминается известная страница, в которой Тертуллиан выражает ужасную радость, заранее наслаждаясь при виде врагов христианства, пытаемых вечным огнем. Проследите потом течение веков. Прислушайтесь к этим зловещим крикам ненависти и мести, смешавшимся с молитвами верующих... вспомните, сколько страшных, жестоких сцен совершилось в виду Креста! Прислушайтесь даже в настоящее время к этим доносам, язвительным насмешкам, неистовым полемикам известных религиозных партий. Разве все это не достаточно объясняет медленность успехов христианства, его оскорбительные поражения и отпадения? А! мы хотим доказать сверхъестественность христианства! Итак, докажем, что в нас самих оно победило природу с ее гневом и ненавистью. Напомним миру об этой уже слишком забытой вещи, которая называется состраданием, напомним ему также, сначала сами поучаясь, что сила, за которой останется победа, это – любовь, которая все заглаживает, все прощает и все оправдывает.

РАСКАЯНИЕ.

«Тебе, Тебе единому согрешил я, и лукавое пред очами Твоими сделал, так что Ты праведен в приговоре Твоем и чист в суде Твоем»
(Пс 50:6)

Эти слова читаем в одном из самых трогательных псалмов. В нем слышится крик виновной души, горькое признание вырывающееся у Давида, когда просыпается его совесть при голосе Нафана. Я бы желал вам показать этим примером, что такое истинное раскаяние. Я это делаю с намерением. В это время (говорено на страстной неделе) охотнее, чем когда-нибудь, допускают, чтобы душа, кружащаяся в вихре света, сосредоточилась и уделила время для серьезных размышлений. Это время справедливо почитается временем покаяния. Необходимо покаянное настроение для того, чтобы достойно прославлять воспоминание страданий Спасителя и нашего искупления. Трогательный обычай, если бы его не обезобразил формализм. Но в существе дела к чему сводится то, что происходит в действительности? Душа представляется пред Богом, как должник пред своим доверителем. Она, по-видимому, Ему говорит: «я у Тебя похищала столько дней; столько привязанностей, столько помышлений я отдавала миру и греху и собиралась опять отдавать ему. В возмездие за это вот сколько дней сокрушения, добрых дел и раскаяния»... Какой постыдный расчет! Это называется исполнением своих религиозных обязанностей... Свои религиозные обязанности! Разве так рассуждает истинная любовь к Богу? Разве она может удовлетворяться расчетами наемника? Разве она думает расплачиваться с Богом молитвами или слезами? Между тем обыкновенно именно такое понятие составляют о раскаянии... Вот что делают из того, что составляет самое трогательное движение человеческого сердца. Вот каким образом думают примирить мирскую суетность самую полную с излишними благочестия самыми живыми... Вот почему снова нужно напомнить вам, что такое покаяние, внимательно вдумываясь в этот пример царя Давида, которым Бог хотел научить свою церковь до скончания века.

Я не имею нужды напоминать вам падение Давида. Все в его двойном преступлении способно нас смутить и утратить. Быть предметом стольких милостей и так глубоко оскорбит божественный закон, знать такие небесные радости и так осквернить свою душу, воспевать пред всеми хвалы Богу и подать всему народу постыдный пример такого явного соблазна, – все здесь соединяется, чтобы сделать из Давида единственный пример

небывалого падения, и, может быть, не один из нас, сравнивая себя с ним, хотел бы сказать слова фарисея: «благодарю Тебя, Господи, что я не таков, как этот человек». Но христианин, который знает себя самого, историю своей жизни и своих тайных искушений, остановится и задумается. Он подумает о положении Давида, об этом внезапном счастье, до которого достиг прежний вифлеемский пастух, о примерах его окружающих, о нравах востока, об искушениях неограниченной власти, и тогда он будет думать только о смирении своей гордости, спрашивая себя с ужасом, чем бы сделался он в подобном положении и при подобных искушениях?

Знаете ли, что более всего меня поражает в этой истории? Это не глубина падения, хотя она постыдна и нет достаточно, сильного выражения, чтобы ее изобразить. – Нет – это искренность и сила раскаяния. Упасть так низко, увы, есть дело человека, но так подняться – это божественное чудо.

Вникните хорошенько. В великих падениях есть какое-то роковое могущество, которое поработает душу и делает ее почти неспособной опять подняться... Давид, до совершения преступления, задрожал бы как вы, как я, когда бы ему рассказали эту историю. Что нужно было, чтобы его погубить? Один взгляд. Один взгляд, и вы видите, как после того все сцепляется... Сначала похотливость, потом падение, потом ложь, вероломство, убийство, ожесточение... Конечно, если возвращение к Богу когда-нибудь было невозможно, то это именно тогда. И между тем при первом слове Нафана душа Давида так изменилась, что она может служить нам образцом и преступник может научить нас, как должно возвращаться к Богу.

Чистосердечие признания Давида – вот первый урок, который мы можем извлечь из приведенного мною текста.

Знаете ли вы, как тяжело для сердца человеческого выговорить эти слова: «Тебе, Тебе единому согрешил я и лукавое пред очами Твоими сделал, так что Ты праведен в приговоре Твоем и чист в суде Твоем?» Знаете ли, как трудно такое признание, особенно когда занимают высокое положение, когда окружены лестью, когда все сговорилось уменьшить в наших глазах великость нашего падения. Знаете ли вы, сколько унижительного, горького, колючего в подобном положении? Но меня это-то прежде всего и поражает в признании Давида. Он сам себя обвиняет и на себя берет всю тяжесть своего преступления, а между тем, сознаемся в этом, у него не было бы недостатка в извинениях. Разве он не мог быть сослаться на то, об чем мы сейчас напоминали, на опасности своего положения, на исключительные искушения, на опьянение от счастья, на молчание друзей, на ободрения льстецов?.. Все эти резоны могли представиться его уму, но он на них не останавливается и подавляемый всею тяжестью своего преступления, он идет упасть к стопам Божиим.

Ужели мы не признаем, братия, этого чистосердечия раскаяния? Я выскажу всю мою мысль. Св. Писание говорит о неисцелимом лукавстве нашего сердца, но мне никогда это сердце не казалось более лукавым, как тогда, когда идет дело о том, чтобы сложить с себя ответственность за наши ошибки и извинить себя в своих глазах. Нет такого жалкого софизма, которого нам тогда не было бы достаточно. Извинения, которых мы никогда не допустили бы у других, нас самих успокаивают. Извинения! Человек скорее устанет грешить, чем находить извинения своим грехам. Начиная с первого грешника, слагающего свою вину на свою подругу и даже на самого Бога, и до Пилата, слагающего свою вину на Евреев, от Пилата и до нас, никогда вы не увидите людей, которые не находили бы средства отделаться от раскаяния, оправдывая себя. Один сошлетя на свою молодость и будет искать в увлечениях своего возраста извинения для своей рассеянной жизни. Другой, напротив, будет ссылаться на силу застарелых привычек и роковое влияние продолжительной жизни в которой Бог был чуждым существом Один будет себя успокаивать, думая о религиозном индифферентизме, среди которого он был воспитан, и припоминать, что тогда никто не говорил ему об его душе. Другой, напротив, будет

думать, что ему слишком много говорили о религии и что чрез это она ему опротивела. Этот будет выставлять примеры рассеянности, которые он встретил в собственной своей семье. Каким образом, скажет он, могла развиваться его совесть под такими влияниями? Тот будет обвинять суровость окружающих, их тупость и их непреклонный ригоризм. Невежда скажет, что его невежество освобождает его от ответственности а ученый критик будет считать себя свободным от раскаяния и обращения, потому что его занятия поколебали его веру. Бедный будет ссылаться на свое состояние зависимости и житейские нужды, которые не позволяют ему думать о его душе; богатый и знатный – на светские обычаи и вынужденные уступки, какие на него налагает его звание, которое он должен поддерживать. Тот, характер которого холоден и спокоен, будет говорить что его честность заменяет ему обращение к Богу; тот, страсти которого пылки, будет слагать все на порывистость своего темперамента. Разве когда-нибудь будет недостаток в извинениях для того, кто захочет их искать? Вместо того, чтобы обвинять себя, мы скорее будем обвинят других: мы были бы христианами, если бы христиане не были так себялюбивы, малосострадательны, так нетерпящи, – как будто дело идет о нашем обращении к христианам, а не к Богу! Что я говорю? Мы будем обвинять самого Бога, потому что не значит ли это обвинять Его, когда ссылаются, для своего оправдания, и на положение, Им для нас созданное, и на характер, Им данный нам, и на наши искушения, от которых Он нас не оберегает, и на наши молитвы, остающиеся без ответа, и на нашу борьбу без успеха? Жалкие пособники лукавого сердца, извинения ничтожные, которые все имеют одну цель, – повергнуть пред Богом эти слова притчи: «господин жестокий и злой! Ты жнешь, где не сеял; ты собираешь, где не расточил».

Что же будет, когда в этому естественному расположению наших сердец присоединится, как в настоящее время, влияние фаталистической философии, которая извиняет все в истории и в жизни каждого человека действием темперамента, врожденного характера, обстоятельств, так что уголовные преступники являются, много-много что больными и никогда невиновными?

И между тем посмотрите вы на этих софистов, которые таким образом отнимают у человека всю нравственную свободу, посмотрите на них, когда они сами делаются жертвами несправедливости, вероломства, угнетения. Вы надеетесь услышать, что все это они примут спокойно и заявят, что те, которые покушаются на их права, на их честь, на их свободу, скорее достойны сожаления, чем порицания, что они повинуются сцеплению обстоятельств и роковому действию их темперамента? Нет! Они раздражаются, они негодуют, они кричат об угнетении и несправедливости, т.е. они делают своей собственной теории самое резкое обличение во лжи; отвергнув человеческую ответственность, они ее допускают каждую минуту и, обвиняя других, они навсегда теряют право извинять самих себя. Таким образом совесть более сильная, чем все софизмы, ниспровергает эти теории, которым, если бы они восторжествовали когда-нибудь, удалось бы все оправдать.

Но к чему послужило бы признание ответственности человека, если бы мы сами старались избежать своей ответственности? Итак, оставим пустые извинения!

Признаемся, что как бы ни была велика доля участия обстоятельств или участия других в наших падениях, главную причину их мы, судя беспристрастно, должны видеть или в нашей твердой решимости, или в нашей трусливой слабости. Не будем стараться обмануть самих себя, потому что в последний день мы не обманем Того, кто испытует сердца, и пред которым все уста будут закрыты, но пусть лучше скорее вырвется у нас это признание: «Тебе, Тебе единому согрешил».

«Тебе, Тебе единому!» Вот, братия. вторая черта, которая меня поражает в признании Давида. Источником горькой печали служит для него мысль, что он оскорбил Бога. Он не забывает тех, которые были на земле жертвами его преступного поведения, что ясно доказывает конец этого псалма; но он идет далее и выше; он думает о Боге, святой закон

которого он нарушил, об Отце, которого он опечалил. Обратимся опять к самим себе. Когда мы грешим, огорчает ли нас чувство, что мы оскорбили Бога? Я обращаюсь к свидетельству вашей совести. Вы, брат мой, пали. В минуту заблуждения вы совершили постыдное и преступное деяние, и ваша совесть, добровольно ослепленная, едва упрекнула вас в этом. Но вдруг вы узнаете, что это деяние, которое казалось погребенным в молчании, имело свидетеля и что скоро, может быть, повсюду сделается предметом разговоров, – оно привлечет на вашу голову осуждение света и ваших ближних. Какое беспокойство тогда вами овладевает! Какое невыносимое положение! Ах, как вы проклинаете свою слабость! С какою тоскою вы выслеживаете во взорах людей мнение, которое они об вас имеют! Как вы дрожите под угрозой этого стыда, висящего над вашей головой! Вы не имеете более спокойствия, беспечности. Везде вы ожидаете услышать обвиняющий вас голос... Наконец, вы замечаете, что вы ошиблись, что ваша репутация уцелела, что никакой голос вас не обличает. Как свободно вы тогда дышите и как бы возрождаетесь для новой жизни! Поистине, вы — новый человек, и между тем Бог все видел, все знал и вас еще не простил...

Но как назвать такое поведение, как не фарисейством? Да, это – гнусное фарисейство, которое в теории вы обвиняете, как и я, и которое состоит в том, что вымывают сосуд снаружи, тогда как запачкана его внутренность. Такова нравственность света. Мы иногда слышим, что человек лишил себя жизни, не желая пережить позора, который распространился бы на его имя при нечаянном открытии. Размышляли ли вы об этом? До тех пор, пока зло могло делаться безнаказанно, в тайне, в молчании, этот человек не думал о самоубийстве. Если бы успех увенчал его деяния, он ходил бы поднявши голову. Только мысль, что его преступление известно, приводит его в отчаяние и удручает его, и, чтобы избежать суда людей, он, как безумный, торопится к суду Божию. Вот что делается с совестью людей света. Самое существенное для них – сохранить благопристойность и свою честь, Это понятно в тех, для которых Бог есть пустое слово; но что думать, когда мы видим христиан, которые успокаиваются, как скоро только один Бог знает их вину? Пусть они позволят мне сказать им: они никогда не знали раскаяния. Раскаяние не есть тот стыд, который в нас производит мысль, что нас будут судить другие и что в одно мгновение может рухнуть здание нашей репутации... Нет, нет; все это есть дело мирское. Раскаяние находится только в сердце, которое не думал о людях, но взирая на Бога и чувствуя, что им оскорблен Бог, восклицает с Давидом: «Тебе, Тебе единому согрешил!». Еще часто называют раскаянием то, что есть не что иное, как горделивый задор. Два побуждения могут нас располагать к исполнению Божественного закона: любовь к Богу, – это начало христианское, – и уважение к нашему нравственному достоинству, – это начало эгоистическое; это облагороженный эгоизм, но все-таки эгоизм.

Вы, например, стараетесь повиноваться нравственному закону, вы прилагаете все силы и в том ставите всю вашу честь, чтобы его точно исполнять. Вы наслаждаетесь вашими успехами и одобрением вашей совести, – и не замечаете, что вы поклоняетесь самим себе, что вас менее занимает слава Божия, чем уважение к себе, и что в глубине вашего сердца есть идол, которого вы называете добродетелью. но который не есть Бог...

Но если будет угодно Богу, – о, добродетельный грешник, – чтобы вдруг этот идол был низвергнут нечаянным искушением, которое откроет всю вашу неисцелимую слабость и всю вашу испорченность: что тогда делается с вашим высокомерным спокойствием и этим горделивым самодовольствием незапятнанной совести? Все это рушится в одну минуту.

Вы тогда будете страдать, но берегитесь: это страдание не есть еще раскаяние. Вы тогда просите прощения более у себя самих, чем у Бога; более страдает ваша гордость, чем ваша любовь; ваши слезы текут более от досады, чем от покаяния...

Счастливы вы, если научаемые самыми вашими падениями, вы отказываетесь от этого обольщения гордости и если, сокрушая пред стопами Бога этого идола, которого вы

поставили на Его место, вы говорите Ему вместе с Давидом: «Тебе, Тебе единому согрешил».

Итак, раскаяния нет ни в стыде, происходящем от наших ошибок, ни в досаде нашей обманутой гордости. Его нет и в других скорбях, которые влекут наши грехопадения, но которым еще остается чуждою мысль о Боге.

Богу было угодно, чтобы скорбь была соединена с грехом. Мы это некогда увидим. Мы это видим иногда и теперь здесь. Мы читаем этот страшный закон в истории народов, где он выясняется с величайшей очевидностью; мы его читаем часто в истории отдельных лиц. Мы его читаем, например, на побледневшем лице и в потухшем взоре развратника. Если бы мы имели ведение Божие, мы подметили бы его во многих из этих существований, которым неправда, искусно совершенная, по-видимому, дала счастье. Мы не знаем всего того, что происходит в сердце тех, которых называют любимцами счастья. Мы не знаем всего того, что испытывают столько омертвелых душ, которые более не умеют ни верить, ни любить, и которые, не имея надежды на небо, видели, как поблекли навсегда все земные мечты.

Как бы то ни было, всякий, кто согрешил, должен страдать. Но страдать, таким образом, еще не значит раскаиваться. Раскаивается ли (возьмем пример самый крайний) этот жалкий человек, которого ведут казнить и который, весь дрожа, единственно от страха смерти, жалея об одной неудаче преступления, а не о самом преступлении, лобызает крест шагая на эшафот? Раскаивается ли этот несчастный, который будучи ослеплен горячечной жаждой богатства, потерял все, даже свое будущее, даже честь своих детей и теперь мрачно смотрит на свой опустелый и разоренный домашний очаг? Раскаивается ли эта душа, которую иссушила преступная страсть и которая чувствует, что духовные радости для нее навсегда потеряны? Вы сами, раскаиваетесь ли вы, когда чувствуя с колючими болями все, что этот мир имеет поддельного, пустого и смешного, приходите сюда вздыхать о его суете?.. Нет, – надобно сказать, что все это может быть только бесполезным страданием; одна скорбь никогда никого не спасла и никто не знает, сколько сердец она ожесточила. Нет, – эти разочарования, эта горечь, эта мрачная меланхолия, даже эти слезы, это еще не раскаяние... Рыдая, вы, может быть, еще не думаете ни о чем больше, как о самих себе и ваша скорбь есть ни что иное, как очищенный эгоизм... Нет, до тех пор, пока не заговорит ваша совесть, и пока ваши слезы не потекут к стопам Божиим, пока вы не будете думать о Его позабытой вами святости, о Его любви, которую вы презрели, до тех пор не говорите о покаянии, потому что вы его не знаете.

Здесь, братия, остережемся идти далее, чем само Св. Писание, и льстить человеку даже в ту самую минуту, в которую мы его смиряем. Кажется, что истинное раскаяние должно бы быть совершенно бескорыстным и что грешник, чтобы возвратиться к Богу, должен бы забыть самого себя и не думать ни о чем, кроме Бога, которого он оскорбил. Да, это идеал, но не так бывает на самом деле. Увы, надобно сознаться, часто человек приходит в себя и его совесть пробуждается страданием совершенно личным... Так блудный сын вспомнил о доме своего отца тогда только, когда начал голодать. Если бы мы писали его историю, мы бы, без сомнения, показали его среди роскоши и наслаждений света, объатым таинственною печалью и вздыхающим об истинном счастье, которое он потерял. Христос, который лучше нас знает человеческую природу, говорит нам просто, что он почувствовал голод. Он подумал о наемниках, которые в доме отца его имели хлеб в изобилии; потом пришло раскаяние и проникло его душу. Допустим эту уничижающую истину. Примем ее из опасения, чтобы нам не сделать из раскаяния какой-то привилегии избранных душ, и чтобы хвастаясь нашими скорбями, даже нашим несчастьем, мы не подумали, таким образом, войти в это царство, где все прощение и где самое раскаяние есть дар Божий.

Мы видели, как преступный Давид изливает свое сердце пред стопами Предвечного. Но он не довольствуется одними стенаниями. Он желает, он неотступно просит прощения, полного прощения, спасения с радостью спасения. Послушайте эти слова: «окропи меня иссопом и буду чист; омой меня и буду белее снега. Дай мне услышать радость и веселие. Сердце чистое сотвори во мне, Боже, дух правый обнови внутри меня. Возврати мне радость спасения твоего и Духом владычественным утверди меня» (ст. 9-14).

Видите, как понял любовь Божию Давид. Он, ветхозаветный человек завета дел, он возвышается здесь до спасения чрез благодать, так что можно сказать, что весь этот псалом написан апостолом Павлом. Он, грешник, преступник, он осмеливается вновь просить у Бога Его любви, как будто ему известны были заранее удивительные слова бл. Августина: «хочешь ты избежать гнева Божьего, беги броситься в Его объятия».

Но здесь я слышу строгий голос, который в смущении спрашивает меня: таким образом понятое спасение не наносит ли оскорбления нравственному порядку? Как, говорят мне, Давид, таким образом прощенный, может понять божественную святость и великость своего падения? Когда прощение будет произнесено, скорбь о грехе исчезнет и его душа без смущения будет наслаждаться радостями божественного общения? – Куда не дойдут с подобным учением и кто не видит, что легкая нравственность, так распространенная между нами, найдет в этом извинение и опору?

Вот мой ответ. Вы боитесь, чтобы Господь, прощая Давида в тот день, когда он просил у него прощения, не оставил виновного забыть, каково было его преступление. Вы сами забываете, каким путем Господь его поведет. Подождите, прежде чем судить. Посмотрите в этом иерусалимском дворце этого отца в слезах подле трупа ребенка; послушайте, как он повторяет слова, которые должны говорить столько разбитых сердец: «он к нам больше не придет, мы должны идти к нему». Этот человек – Давид прощенный и спасенный, но Давид страдающий для того, чтобы помнить свои грехи, и вместе для того, чтобы научиться их ненавидеть... Посмотрите позднее на холмах иудеи этого седовласого старца блуждающего, бегущего, оставленного своими, преданного ближними и скрывающегося от собственного своего сына. Вслушайтесь в его горькие стенания... Увы! Послушайте его еще более печального, когда он, победивши своих врагов, должен восклицать: «Авессалом, сын мой Авессалом!» Это Давид! Вы думали, что прощение повело к беспечности. Поучитесь, как Давид трудится над воспитанием сердец, которые он хочет сделать участниками его святости. Нет, Бог не забывает никого. Апостол Петр и по прощении всюду понесет с собою воспоминание о своем троекратном отречении; прощенный Павел будет вспоминать со стенаниями, что он преследовал Церковь... Бог всем им оставляет болезненное жало в сердце как бы для того, чтобы напомнить им, чем они были, когда Ему угодно было их спасти.

Вот, братия, что такое покаяние Давида. Вот каково должно быть и ваше... Но не пропустим, наконец, той черты, которая проходит во всем этом псалме и которой одной достаточно, чтобы показать все чистосердечие раскаяния! Давид хочет быть прощенным, но для чего? Чтобы ходить с Богом, чтобы возвещать Его славу на земле. «Научу путям Твоим нечестивых и уста мои возвестят хвалу Твою». Итак, каяться, в существе дела, значит переменить жизнь. До тех пор, пока вы не дойдете до этого, я не поверю вашему чистосердечию. Есть ли у вас решимость на то, чтобы завтра, даже сегодня идти с вашим Спасителем, идти только туда, куда Он может идти с вами, чтобы любить то, что любит Он, избегать того, что Он осуждает?

Но если вы неискренни, если вы не хотите переменить вашей жизни, я знаю, что вы будете делать. Так как ваша совесть говорит, и вы не можете заглушить ее голоса, вы постараетесь ее удовлетворить видом раскаяния. Вы будете побуждать вашу душу к печали, вы будете искать религиозных возбуждений, которые бы могли вас отуманить, вы будете проливать слезы, вы будете себя успокаивать этими самыми волнениями и, не

сделавши ни одного шага больше к истинному обращению, вы завтра же опять возвратитесь в свет более легкомысленные, беспечные и рассеянные, чем когда-нибудь. Но знайте, это мое последнее слово, что не шутят тем, что есть самого святого в мире, т.е. прощением Божиим. Знайте, что порывы раскаяния без ревности об исправлении в конце концов истощают душу, что каждое из этих притворных душевных движений постепенно ослабляет в ней искренность и энергию. Знайте, что голос совести, если его слишком долго презирают, теряет, наконец, свою силу и что он тогда есть не что иное, как бессмысленная формула... Знайте, что есть души, которые ничто более не может трогать, ни обещания, ни угрозы, ни любовь Бога, ни гнев Его. Знайте, наконец, что были умирающие, которые хотели бы раскаяться, но для которых самое раскаяние было невозможно, – и спросите себя, хотите ли вы умереть таким образом.

О Боже! даруй нам раскаяние, которое бы нас переродило, и окажи нам милость, чтобы мы с сего времени ходили в Твоем присутствии со свободой детей пред отцом и со святым трепетом грешника пред Твоим величеством.

ⁱ Я сюда отношу отчаянное объяснение некоторых католических комментаторов, которые полагают, что Петр, которому Павел противостал в Антиохии, не был апостол этого имени, но какое-то неизвестное лицо.

ⁱⁱ Антихристианская критика хочет нас здесь поставить в безвыходное положение. Говорят: «основываясь на свидетельстве апостолов и первенствующей церкви, вы хотите достигнуть истинного христианства. Как же вы можете утверждать, что то истинное христианство, которое вы называете словом Божиим, выше церкви и апостольства?» Но здесь нет безвыходного положения. Церковь и апостолы суть свидетели великих дел, которые составляют христианство: жизни, дел, характера И. Христа. Ни церковь, ни апостолы, не создали христианства. Таким образом, я имею право чрез их свидетельство достигать возможности узнавать то, что составляет христианство, то, что есть мысль и слово Божие. Эта мысль, это слово, содержащиеся в священном писании, останутся высшей нормой, которой будут подчинены церковь и апостолы.

ⁱⁱⁱ В эту минуту, когда все взоры обращены на восток, меня поражает один факт. Тысячи раз описывали, весьма основательно, то унижение, в котором находится духовенство христианских племен, рассеянных по оттоманской империи. Основательно жалуются на его невежество, на его деморализацию. Но спрашивается, что осталось бы от христианства и христиан на всем востоке без этих одряхлевших и все-таки глубоко консервативных учреждений. Эти старые формы, спасая христианские предания, спасли будущее, потому что там, где существует христианство, хотя бы в кажущемся состоянии мумии, возможно и несомненно его восстановление; тогда как ислам есть смерть самого прогресса, это будущность невозвратно погибшая.

^{iv} Любопытно проследить преобладающую роль, которую евреи играли в Риме, их влияние на народные собрания, засвидетельствованное Цицероном, горячность, с какою они пристали к партии Юлия Цезаря и усердие, с каким оберегали его особу (*Светоний*, Цезарь. Гл. 84).

^v Эта теория известна в истории под именем ерастианизма, от имени богослова Ераста, который первый возвел ее в систему (???)

^{vi} Здесь автор говорит о стремлении Пап подчинить своей светской власти весь мир.

^{vii} Речь идет о католической церкви с ее инквизицией.

^{viii} Речь идет о притязаниях латинства.

^{ix} Корабль «Лондон» погиб в Бискайском заливе 10 января 1866 года.

^x Стоит изучить с этой точки зрения такие сочинения, заметки о Евангелии знаменитого Прудона. Прудон едва достаивает Иисуса Христа чести вникнуть в Его слова. Во всех метафорах, во всех притчах Евангелия он выдвигает преимущественно их внешний, грубый, плотский смысл, и любопытно видеть, с какой непринужденностью он там находит только химеры и нелепости. Ту же тактику я нашел у Гартмана, знаменитого ученика Шопенгауэра, только в форме более сдержанной и претендующей на научность. По его взгляду, фанатизм с своими невероятными претензиями, крайний монашеский аскетизм – вот верное выражение идеи, проповедуемой Христом.

^{xi} Париж.

^{xii} Об этой роли закона в Св. Писании см. беседу под заглавием: «Закон сердца».

^{xiii} Я здесь разумею преимущественно знаменитое сочинение П. Ж. Прудона: «О справедливости в революции и в церкви. Новые принципы практической философии». Я был крайне удивлен, когда нашел тот же тезис под пером одного из наиболее заслуживающих уважения современных мыслителей, г. Вашро. Вот что я читаю в его сочинении «Религия» (Книга 3, гл. 3): «Мы ошибались, делая из евангельской доктрины идеал нравственности. Никакое *чувство*, как бы прекрасно, сильно и чисто оно ни было, ничего не стоит в сравнении с *принципом*, особенности когда дело идет о руководстве для человеческого познания. В деле нравственности нет ничего выше справедливости. Вот почему мы ставим современную этику еще выше Евангелия... Чувство никогда не бывает принципом. *Каждому по своим трудам*, – вот принцип. *Каждому по своим нуждам* – вот чувство. Вторая формула может быть выражением социального провидения; первая только есть выражение закона».

Мы не станем разбирать этих кратких выводов. Заметим только, что принцип справедливости строго утверждён Евангелием, что слово и идея справедливости повторяются на каждой странице Нового Завета, что христианство никогда не желало жертвовать справедливостью, но что выше строгой справедливости оно открыло человечеству обширную область милосердия.

Каждому по своим трудам, утверждали сейчас. Но что же делать с невеждами, бедными, неспособными, со всеми обездоленными и всеми виновными? Если существенный характер *современной* нравственности заключается в том, чтобы уничтожить сострадание и чтобы не представить человеку других шансов, кроме победы в борьбе за существование, то этот девиз; каждому по трудам, отделенный от идеи милосердия, делается лозунгом отчаяния. Велико наше удивление и наша скорбь, когда мы видим, что нам заявляют, что столько благородных умов не понимают в этом пункте истинного характера христианства.